IIL | Индоиранские языки
Indo-Iranian Languages

1 1 2025

УДК 81.52
ББК 811.21/22
И60

Индоиранские языки. 2025. — Том 1. № 1. — 228 с.

Indo-Iranian languages. 2025. — Vol. 1. No. 1. — 228 p.

Учредитель и издатель журнала:
Институт лингвистических исследований РАН

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе
анонимного независимого рецензирования

Материалы журнала доступны в электронном виде по ссылке:
https://indo-iranian.org/iil/issue/archive

Электронный адрес редколлегии журнала: editors@indo-iranian.org

Сайт: https://indo-iranian.org

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-89248 от 17.03.2025

ISSN (печатное издание) 3034-6800
ISSN (электронное издание) 3034-6819
DOI журнала 10.30842/30346800
DOI номера 10.30842/30346800.2025.1.1

© ИЛИ РАН, 2025
© Редколлегия журнала, 2025

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

IIL | Индоиранские языки

Том 1. № 1

2025

Главный редактор:
А. П. Выдрин — к. филол. н., ИЛИ РАН (Санкт-Петербург)

Заместители главного редактора:
О. И. Беляев — к. филол. н., МГУ; ИЯз РАН (Москва)
В. А. Плунгян — д. филол. н., проф., акад. РАН, ИЯз РАН (Москва)

Секретарь редакции и отдела рецензий:
Ю. Ю. Макаров — Кембриджский университет (Великобритания); ИЯз РАН (Москва)

Редакторы:
А. О. Бадеев — ИЯз РАН; НИУ ВШЭ (Москва)
Ю. В. Мазурова — к. филол. н., ИЯз РАН (Москва)
И. А. Хомченкова — МГУ; ИРЯ РАН (Москва)

Редакционный совет:
А. Абби — PhD, проф., Университет Джавахарлала Неру (Дели, Индия)
М. Дабир-Мукаддам — PhD, проф., Университет имени Алламе Табатабаи; Академия персидского языка и литературы (Тегеран, Иран)
Ю. А. Дзиццойты — к. филол. н., Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова; Юго-Осетинский НИИ им. З. Ванеева (Цхинвал, Южная Осетия)
Л. Р. Додыхудоева — к. филол. н., ИЯз РАН (Москва)
Б. А. Захарьин — д. филол. н., проф., МГУ (Москва)
В. Б. Иванов — д. филол. н., проф., МГУ (Москва)
Н. Н. Казанский — д. филол. н., проф., акад. РАН, ИЛИ РАН (Санкт-Петербург)
А. И. Коган — д. филол. н., Институт востоковедения РАН (Москва)
А. Корн — PhD, Национальный центр научных исследований (Париж, Франция)
Л. И. Куликов — к. филол. н., Гентский университет; Католический университет Лувена (Бельгия)
П. Б. Лурье — к. филол. н., Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
И. Хегедюш — Dr. habil., проф., Печский университет (Венгрия)
Л. В. Хохлова — к. филол. н., МГУ (Москва)
Т. И. Оранская — проф., Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)
А. В. Росси — проф., Университет Востока (Неаполь, Италия); Международная ассоциация исследований Средиземноморья и Востока (Рим, Италия)
М. Й. Кюммель — Dr. habil., проф., Йенский университет имени Фридриха Шиллера (Германия)
Д. И. Эдельман — д. филол. н., проф., ИЯз РАН (Москва)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

Volume 1. No. 1

2025

Editor-in-chief:
Arseniy P. Vydrin — Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

Deputy editors:
Oleg Belyaev — Lomonosov Moscow State University; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Vladimir A. Plungian — Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Managing & review editor:
Yury Makarov — University of Cambridge; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Associate editors:
Artyom O. Badeev — Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; HSE University
Julia V. Mazurova — Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Irina A. Khomchenkova — Lomonosov Moscow State University; Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

Editorial Board:
Anvita Abbi — Jawaharlal Nehru University
Mohammad Dabir-Moghaddam — Allameh Tabataba'i University; Academy of Persian Language and Literature
Yury A. Dzittsoity — A. A. Tibilov South Ossetian State University; Z. Vaneev South Ossetian Research Institute
Leili R. Dodykhudoeva — Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Boris A. Zakharyin — Lomonosov Moscow State University
Vladimir B. Ivanov — Lomonosov Moscow State University
Nikolai N. Kazansky — Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
Anton I. Kogan — Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Agnes Korn — Centre national de la recherche scientifique
Leonid Kulikov — Ghent University; Université catholique de Louvain
Pavel B. Lurje — The State Hermitage Museum
Irén Hegedüs — University of Pécs
Liudmila V. Khokhlova — Lomonosov Moscow State University
Tatiana I. Oranskaia — Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences
Adriano V. Rossi — Università degli Studi di Napoli "L'Orientale"; Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l'Oriente
Martin J. Kümmel — Friedrich-Schiller-Universität Jena
Joy I. Edelman — Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Содержание

А. П. Выдрин. Предисловие главного редактора 9

Arseniy P. Vydrin. Editor-in-chief's preface 17

Ю. В. Синицына. Семантические оппозиции в сравнительных конструкциях равенства в отдельных иранских языках 23

М. Г. Меленченко. Плюсквамперфект в шугнанском и других памирских языках 50

А. А. Левитская. Аспектуально-акциональная семантика глаголов с приставкой *фæ-* в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским) 89

И. А. Хомченкова. Лексема *уæлдай* в осетинском языке: между эксцептивным и симилятивным маркером 130

Anastasia D. Podgornaia. The verb focus construction in Iron Ossetic 152

Danil A. Alekseev. Non-verbal predication in Ossetic 173

Arseniy P. Vydrin. Copulas in Yaghnobi 193

Contents

Arseniy P. Vydrin. Editor-in-chief's preface [in Russian] 9

Arseniy P. Vydrin. Editor-in-chief's preface 17

Yulia V. Sinitsyna. Semantic oppositions in comparative constructions of equality in some Iranian languages 23

Maksim G. Melenchenko. The Pluperfect in Shughni and other Pamir languages 50

Alina A. Levitskaya. Aspectual-actional semantics of verbs with the prefix *fæ-* in the modern Ossetic language (in comparison with Russian) 89

Irina A. Khomchenkova. The lexeme *wældaj* in Ossetic: between an exceptive and a similative marker 130

Anastasia D. Podgornaia. The verb focus construction in Iron Ossetic 152

Danil A. Alekseev. Non-verbal predication in Ossetic 173

Arseniy P. Vydrin. Copulas in Yaghnobi 193

Предисловие главного редактора

Настоящий номер открывает выпуск нового российского лингвистического журнала «Индоиранские языки». Журнал посвящен широкому кругу исследований, связанных с объединениями языков, которые сегодня принято называть иранскими, индоарийскими, дардскими и нуристанскими; для их совокупности обычно используется термин «индоиранские» (или «арийские») языки. Принято считать, что они образуют отдельную ветвь внутри индоевропейской семьи. Д. И. Эдельман [1992] предполагает, что разделение этой ветви происходило поэтапно — с первичным выделением нуристанских языков и последующим разделением индоарийских и иранских языков. Дардские языки оформились в отдельную группу в последнюю очередь ([там же]; см. также работу [Коган 2005], обосновывающую особый статус дардских языков в составе индоиранских).

Индоиранские языки являются не только близкородственными, но и тесно контактирующими друг с другом. Так, дардские и нуристанские языки окружены иранскими и граничат с индоарийскими. Многие носители дардских и нуристанских языков двуязычны. Например, носители дардского пашаи или нуристанского кати владеют также иранскими пушту или дари [Грюнберг 1999а: 73, 1999б: 102; Lehr 2014; Halfmann 2024].

Единые структурные особенности, обнаруженные в ряде индоиранских языков, а также их географически близкое расположение позволили включить их в «Центральноазиатский», или «Гималайский», языковой союз [Эдельман 1980: 22] (из последних работ см. [Liljegren 2023], где выделяется ареал под названием «The Greater Hindukush» или «Peristan»). Этот языковой союз объединяет языки Памира, Гиндукуша, Каракорума, Гималаев и смежных территорий. География языкового союза и список языков, входящих в него, варьируются в разных работах. Например, Д. И. Эдельман [1980: 22] из языков индоиранской ветви включает в него все дардские и нуристанские языки, а также большинство восточноиранских (пушту, языки Памира), западноиранский

белуджский, иранские языки парачи и ормури и некоторые индоарийские (думаки, диалекты западного пахари, панджаби и некоторые другие). Тесная связь языков внутри данного ареала не оставляет сомнений в том, что описания отдельных языковых явлений в одном индоиранском языке могут быть ценным источником информации для специалистов по другим языкам этой ветви.

Исторически сложилось так, что наиболее развитым и плодотворным направлением в индоиранских исследованиях стало изучение их диахронического развития и генетической классификации. Ареально-типологические исследования синхронного состояния индоиранских языков представлены в литературе в меньшей степени. Однако в последние несколько десятилетий число таких исследований растет благодаря регулярным лингвистическим экспедициям российских и зарубежных ученых, а также созданию устных и письменных лингвистических корпусов ряда индоиранских языков. Представляется, что на современном этапе изучения индоиранских языков ареально-типологический подход является наиболее перспективным (относительно иранских языков см. [Выдрин, Беляев 2023]). Приоритетным направлением настоящего журнала являются исследования в рамках именно этого подхода. Тем не менее тематика журнала достаточно широка и включает в себя любые лингвистические исследования профильных языков.

В настоящее время «Индоиранские языки» является единственным специализированным лингвистическим журналом по языкам одноименной ветви не только в Российской Федерации, но и за рубежом. В мировой науке существуют периодические издания, включающие в свою тематику лингвистические проблемы отдельных групп языков, входящих в индоиранскую ветвь. Однако большинство этих журналов не являются специализированными лингвистическими изданиями и/или не охватывают все группы языков индоиранской ветви. Например, известное иранистам и индологам периодическое издание «Indo-Iranian Journal» (издательство «Brill», ISSN 1572-8536) посвящено главным образом культуре, религии и истории Южной Азии и доисламского Ирана. Лингвистические вопросы, рассматриваемые журналом, связаны по большей части с индоарийскими и

иранскими языками древнего и среднего периода (хотя принимаются статьи и по современным индоарийским языкам).

В Исламской Республике Иран успешно функционирует ряд лингвистических журналов, посвященных проблемам персидского языка, а также других иранских языков и диалектов. Тематика этих периодических изданий обычно не выходит за пределы иранских языков, находящихся на территории современного государства Иран. В Республике Индия также существует некоторое количество перспективных лингвистических журналов, фокусирующихся на языках Индии, но не включающих в свою тематику все другие группы языков индоиранской ветви. Специализированных журналов на европейских языках, посвященных проблемам дардских или нуристанских языков, на данный момент не существует. Таким образом, создание журнала, освещающего лингвистические проблемы иранских, индоарийских, нуристанских и дардских языков, является актуальным не только для отечественных, но и для зарубежных специалистов по индоиранским языкам.

Настоящий выпуск журнала подготовлен по итогам «Конференции по грамматике иранских языков», прошедшей 18–20 апреля 2024 г. в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). В выпуске представлены статьи, посвященные отдельным аспектам грамматики ряда восточноиранских языков. В статьях используются подходы и терминология, принятые в современной лингвистической типологии, а также широко привлекаются корпусные данные.

В первой статье Ю. В. Синицыной «Семантические оппозиции в сравнительных конструкциях равенства в отдельных иранских языках» рассматриваются эквативные (*Иван такой же высокий, как Мария*) и симилятивные (*Иван поет как мой брат*) конструкции в осетинском, таджикском, белуджском и пушту. Эти сравнительные конструкции описываются с точки зрения трех семантических противопоставлений: предметное или событийное, качественное или количественное, эксплицитное или имплицитное. Результатом исследования стала более подробная и систематическая классификация эквативов в исследуемых иранских языках, опирающаяся на типологические представления об

устройстве данной области. Это исследование может послужить отправной точкой для углубленного изучения данной темы в иранских языках, в том числе методами полевой лингвистики.

Статья М. Г. Меленченко «Плюсквамперфект в шугнанском и других памирских языках» показывает, что в большинстве памирских языков плюсквамперфект образуется аналитически, однако в отдельных языках отмечается суффиксальное образование. Семантика плюсквамперфекта в большинстве этих языков связана с зоной сверхпрошлого и ирреальностью. Наибольший интерес представляет материал хорогского шугнанского языка, в котором плюсквамперфект потерял свои «исконные» временные и таксисные значения и стал употребляться для выражения только ирреальных значений. По мнению автора, адекватное описание современной семантики плюсквамперфекта в рушанском, бартангском, язгулямском и других памирских идиомах является актуальной задачей будущих исследований.

Статья А. А. Левитской «Аспектуально-акциональная семантика глаголов с приставкой *фæ-* в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским)» посвящена исследованию функционально-семантического поля аспектуальности в современном осетинском языке (иронский диалект). В статье подробно рассматривается весь спектр аспектуально-акциональных значений глаголов с аспектуальной приставкой *фæ-*. Отмечается, что в отличие от других приставок, которые обычно придают глаголу перфективное значение, приставка *фæ-* может относить глагол не только к совершенному, но и к несовершенному виду. Также отдельные глаголы с приставкой *фæ-* могут одновременно иметь значения и совершенного, и несовершенного вида. Делается вывод, что эта семантическая особенность *фæ-* отражает определенные этапы развития грамматической категории вида в осетинском языке. Способность обозначать предельный характер действия была также свойственна приставкам в индоевропейских языках. Проводятся параллели с эволюцией развития перфективирующей функции приставок в русском и готском языках.

Статья И. А. Хомченковой «Лексема *уæлдай* в осетинском языке: между эксцептивным и симилятивным маркером» подробно описывает особенности лексемы *уæлдай* в иронском диалекте

осетинского языка. Основным значением *уæлдай* является ‘лишний’, однако эта лексема может использоваться в отдельных конструкциях со значением ‘в добавление’ (аддитивно-эксцептивная конструкция), ‘за исключением’ (собственно эксцептивная конструкция) и ‘в отличие от’. В статье рассматриваются различные конструкции с *уæлдай* и делается попытка проследить путь развития семантических значений этой лексемы. Особый интерес представляет то, что *уæлдай*, употребляясь с отрицанием, может также иметь симилятивное значение ‘как, подобно’.

В статье А. Д. Подгорной «The verb focus construction in Iron Ossetic» подробно рассматривается глагольная конструкция с причастием на *-гæ* и вспомогательным глаголом *кæнын* ‘делать’ в иронском диалекте осетинского языка. Автор показывает, что основное употребление конструкции связано с выражением глагольного фокуса. В статье описываются морфосинтаксические свойства этой конструкции. Проводятся интересные типологические параллели с аналогичными конструкциями в неродственных и географически удаленных друг от друга языках. Новый материал осетинского языка, приведенный в статье, вносит ценный вклад в развитие типологии фокусных конструкций.

Статья Д. А. Алексеева «Non-verbal predication in Ossetic» посвящена особенностям употребления глагола-связки в дигорском и иронском диалектах осетинского языка. Глагол ‘быть’ в третьем лице единственного числа настоящего времени имеет две формы, одну из которых можно считать глаголом-связкой. Во всех других лицах и числах в осетинском нет морфологически выраженного глагола-связки. Однако в третьем лице множественного числа различие между разными типами неглагольной предикации выражается с помощью использования форм бытийного глагола, не согласованных по числу со множественными субъектами. В статье также отдельно рассматриваются локативные предикации и особенности употребления бытийного глагола с отрицанием. Подробное описание глагола-связки в осетинском языке важно не только с дескриптивной точки зрения, но и для типологии бытийных глаголов в иранских языках.

Завершает номер статья А. П. Выдрина «Copulas in Yaghnobi». Исследование полностью построено на данных корпуса опубликованных устных текстов ягнобского языка 1920-х — 1960-х гг. В третьем лице единственного числа настоящего времени ягнобский глагол-связка имеет три формы: *xast*, *ast* и *-x*. В статье подробно описываются все зафиксированные в корпусе случаи употребления каждой формы и показывается, что у них разные наборы грамматических и семантических функций. Особенности употребления *xast*, *ast* и *-x* позволяют рассматривать их как разные связки, а не варианты одной формы. Показывается, что в ягнобском языке семантическое употребление глагола-связки является частотным, но необязательным. Наибольший интерес представляют собой примеры «двойного» употребления связок при одном субъекте. В таких случаях первой связкой всегда выступает *-x*, вторая связка употребляется контактно с первой. Две связки выражают разную семантику: *-x* обычно передает значение идентификации (*Это — родинка*) или атрибутивности (*Ее родинка красивая*), в то время как вторая связка обычно выражает экзистенциальность (*На ее лице родинка*). Случаи подобного двойного употребления глагола-связки в одном предложении ранее не были зафиксированы в других иранских языках.

Редколлегия надеется, что журнал «Индоиранские языки» станет востребованной научной платформой, объединяющей специалистов по всем языкам индоиранской языковой ветви и интересной также широкому кругу лингвистов-типологов.

А. П. Выдрин
DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.1

Литература

Выдрин, Беляев 2023 — А. П. Выдрин, О. И. Беляев. Современная российская иранистика: предисловие // Вопросы языкознания. 2023. № 6. С. 7–10. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.7-10.

Грюнберг 1999а — А. Л. Грюнберг. Пашаи язык // Д. И. Эдельман (отв. ред.). Языки мира: дардские и нуристанские языки. М.: Индрик, 1999. С. 72–80.

Грюнберг 1999б — А. Л. Грюнберг. Кати язык // Д. И. Эдельман (отв. ред.). Языки мира: дардские и нуристанские языки. М.: Индрик, 1999. С. 101–117.

Коган 2005 — А. И. Коган. Дардские языки. Генетическая характеристика. М.: Восточная литература, 2005.

Эдельман 1992 — Д. И. Эдельман. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 44–66.

Эдельман 1980 — Д. И. Эдельман. К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // Вопросы языкознания. 1980. № 5. С. 21–32.

Halfmann 2024 — J. M. Halfmann. A Grammatical Description of the Katë Language (Nuristani). PhD thesis. Köln: Universität zu Köln, 2024.

Lehr 2014 — R. Lehr. A descriptive grammar of Pashai: the language and speech community of Darrai Nur. PhD thesis. Chicago: The University of Chicago, 2014.

Liljegren 2023 — H. Liljegren. The languages of Peristan through the lens of areal typology // A. M. Cacopardo, A. S. Cacopardo (eds.). Roots of Peristan: the pre-Islamic cultures of the Hindukush / Karakorum. Proceedings of the International Interdisciplinary Conference, ISMEO, Rome, Palazzo Baleani, 5–7 October, 2022. Part I. Roma: ISMEO, 2023. P. 391–431.

References

Edelman 1992 — D. I. Edelman. Yeshche raz ob etapakh filiatsii ariyskoy yazykovoy obshchnosti [Aryan linguistic-filiation milestones revisited]. *Voprosy Jazykoznanija*. 1992. No. 3. P. 44–66.

Edelman 1980 — D. I. Edelman. K substratnomu naslediyu Tsentralnoaziatskogo yazykovogo soyuza [Central Asia Linguistic Areal: a substratum heritage]. *Voprosy Jazykoznanija*. 1980. No. 5. P. 21–32.

Gryunberg 1999a — A. L. Gryunberg. Pashai yazyk [Pashai]. D. I. Edelman (ed.). *Yazyki mira: dardskiye i nuristanskiye yazyki* [Languages of the World: Dardic and Nuristani languages]. Moscow: Indrik, 1999. P. 72–80.

Gryunberg 1999b — A. L. Gryunberg. Kati yazyk [Kati]. D. I. Edelman (ed.). *Yazyki mira: dardskiye i nuristanskiye yazyki* [Languages of the World: Dardic and Nuristani languages]. Moscow: Indrik, 1999. P. 101–117.

Halfmann 2024 — J. M. Halfmann. *A Grammatical Description of the Katë Language (Nuristani)*. PhD thesis. Köln: Universität zu Köln, 2024.

Kogan 2005 — A. I. Kogan. *Dardskiye yazyki. Geneticheskaya kharakteristika* [Dardic languages. Genetic characteristics]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005.

Lehr 2014 — R. Lehr. *A descriptive grammar of Pashai: the language and speech community of Darrai Nur*. PhD thesis. Chicago: The University of Chicago, 2014.

Liljegren 2023 — H. Liljegren. The languages of Peristan through the lens of areal typology. A. M. Cacopardo, A. S. Cacopardo (eds.). *Roots of Peristan: the pre-Islamic cultures of the Hindukush / Karakorum. Proceedings of the International Interdisciplinary Conference, ISMEO, Rome, Palazzo Baleani, 5–7 October, 2022. Part I*. Roma: ISMEO, 2023. P. 391–431.

Vydrin, Belyaev 2023 — A. P. Vydrin, O. I. Belyaev. Sovremennaya rossiyskaya iranistika: predisloviye [Contemporary Iranian studies in Russia: A foreword]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2023. No. 6. P. 7–10. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.7-10.

Editor-in-chief's preface

This is the first issue of the new linguistic journal *Indo-Iranian Languages*. The journal deals with linguistic aspects of the Iranian, Indo-Aryan, Dardic and Nuristani languages, which are united under the label of "Indo-Iranian" or "Aryan" and together constitute a separate branch of the Indo-European language family. Edelman [1992] considers that the subdivision of this branch took place gradually: initially, the Nuristani languages split off as a separate group, and this was followed by the breakup of the remainder into the Iranian and Indo-Aryan groups. There is no scholarly consensus on the status of the Dardic languages. According to the traditional point of view, which is still supported by many scholars, the Dardic languages belong within the Indo-Aryan group. However, a recent study by Anton Kogan convincingly shows that they instead constitute a separate Indo-Iranian group which split off after the Nuristani languages [Kogan 2005].

The Indo-Iranian languages are located in close proximity to each other. All Dardic and Nuristani languages are surrounded by Iranian and in contact with Indo-Aryan languages. Many Dardic and Nuristani native speakers are bilingual: for example, Dardic Pashai [Gryunberg 1999a: 73; Lehr 2014] and Nuristani Kati speakers [Gryunberg 1999b: 102, Halfmann 2024] also know Iranian Pashto or Dari.

The presence of a number of shared linguistic features attested by Indo-Iranian and the neighboring languages has made it possible to include many Indo-Iranian languages in a Central Asian or Himalayan linguistic area [Edelman 1980], which in recent studies has been called "the Greater Hindukush" or "Peristan" [Liljegren 2023]. It unites the languages of the Pamirs, the Hindu Kush, the Karakorum, the Himalayas and neighboring territories. The precise demarcation of this area and the list of languages included vary across linguistic studies. For example, Edelman [1980: 22] includes the following Indo-Iranian languages: all of Dardic and Nuristani, the majority of Eastern Iranian (Pashto and the Pamir languages), Balochi (Western Iranian),

some other Iranian languages (Parachi and Ormuri) and some Indo-Aryan languages (Dumaki, Western Pahari languages, Panjabi and a few others). The close interaction observed between the languages of the Himalayan linguistic area leaves no doubt that any descriptive study of an Indo-Iranian language is valuable and useful for scholars working on other languages of the Indo-Iranian branch.

Historically, the diachronic approach to Indo-Iranian languages has predominated, while the synchronic areal-typological approach was less well developed until recently. However, in the last decades the number of areal-typological studies conducted has increased thanks to regular linguistic field trips and the development of oral and written corpora for some Indo-Iranian languages. In the past 15 years a number of linguistic corpora have been created in the Russian Federation, namely the Ossetic National Corpus (Eastern Iranian; https://www.ossetic-studies.org, more than 12 million tokens), the Digor Ossetic Corpus (https://www.ossetic-studies.org, 2.3 million tokens), the Oral Corpus of Ossetic Dialects (https://www.ossetic-studies.org/ru/texts, 77,000 tokens), the Tajik National Corpus (Western Iranian; https://tajik-corpus.org/, 60 million tokens), a corpus of Shughni (Eastern Iranian; https://pamiri.online/, 60,000 tokens), and oral corpora of Yaghnobi (Eastern Iranian; 47,000 tokens) and Kullui (Indo-Aryan; http://kullui-corpus.info/, 18,000 tokens).

In the current phase of research on Indo-Iranian languages the areal-typological approach is seen as the most promising (cf. on the Iranian languages [Vydrin, Belyaev 2023]). Our journal focuses on studies of Indo-Iranian languages carried out within this approach. However, the scope of the journal is intentionally broad and covers all kinds of linguistic studies of the languages of this branch.

The journal *Indo-Iranian Languages* is currently the only linguistic journal dedicated to this language branch as a whole published anywhere in the world. Some existing periodicals cover linguistic aspects of a part of the Indo-Iranian branch. However, most of these are either not exclusively dedicated to linguistics or do not include all Indo-Iranian languages. For example, the well-known periodical *Indo-Iranian Journal* "focuses on the ancient and medieval languages and cultures of South Asia and of pre-Islamic Iran. It publishes articles on Indo-Iranian languages (linguistics and literatures), such as Sanskrit, Avestan, Middle

Iranian and Middle & New Indo-Aryan"[1]. Modern Iranian as well as Dardic and Nuristani languages lie outside the scope of this journal.

The Islamic Republic of Iran publishes a number of journals devoted to linguistic aspects of Persian and other Iranian languages and dialects. The scope of these journals usually does not go beyond those Iranian languages located within the current territory of Iran and does not include other subgroups of Indo-Iranian languages. Similarly, there are some promising linguistic journals in the Republic of India; however, they usually focus on the languages of India and do not include other subgroups of the Indo-Iranian languages beyond Indo-Aryan. There are no linguistic journals in European languages dedicated to Dardic or Nuristani at all.

The launch of *Indo-Iranian Languages*, covering linguistic aspects of Iranian, Indo-Aryan, Nuristani and Dardic, will therefore be of great value for experts and researchers of these languages.

The first issue of our journal features a selection of papers presented at the "Conference on the Grammar of the Iranian Languages" held on 18th–20th April 2024 at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia. The papers all deal with different grammatical aspects of Eastern Iranian languages, and are mainly based on the areal-typological approach and corpus data or data elicited from native speakers.

Yulia Sinitsyna's paper, "Semantic oppositions in comparative constructions of equality in some Iranian languages", is devoted to comparative constructions of equality in Iron Ossetic, Pashto, Tajik and Balochi. The constructions under discussion are described on the basis of three semantic oppositions: subject vs. event comparison, qualitative vs. quantitative comparison, and explicit vs. implicit comparison. In all four languages in the sample, simple standards of comparison (*He sings like a nightingale*) are conveyed by case markers (Ossetic Equative case *-aw*) or adpositions. More complex (clausal) standards (*Today he is as happy as he was yesterday*) are marked with conjunctions. As a result, the data presented extend the typology of comparative constructions.

[1] URL: https://brill.com/view/journals/iij/iij-overview.xml?language=en (accessed on 30th October 2024).

The paper by Maksim Melenchenko, "The Pluperfect in Shughni and other Pamir languages", is an overview of the Pluperfect in the modern Pamir languages. The Pluperfect is a periphrastic form derived from the Perfect by either an auxiliary 'to be' or a suffix. In most of the Pamir languages, the Pluperfect conveys the typologically common meaning of distant past and also some irrealis meanings. The author treats the Shughni Pluperfect in greatest detail: this has lost its distant past meaning and is now used to mark irrealis situations only.

In the next paper, "Aspectual-actional semantics of verbs with the prefix *fæ-* in the modern Ossetic language (in comparison with Russian)", Alina Levitskaya considers aspect in modern Ossetic (principally the Iron dialect), a category mainly expressed by preverbs. The paper focuses on the semantic features of the preverb *fæ-*. Unlike other preverbs, which convey perfective aspect, *fæ-* can express either perfective or imperfective aspect. One of the most interesting characteristics of *fæ-* is that some verbs marked by this preverb have both perfective and imperfective meanings. The analysis of the data leads to the conclusion that aspect in the Ossetic language is relatively young, and the processes of aspect formation in Russian and Ossetic are typologically similar.

The paper "The lexeme *wældaj* in Ossetic: between an exceptive and a similative marker" by Irina Khomchenkova is a detailed study of the lexeme *wældaj* in modern Iron Ossetic. The main meaning of *wældaj* is 'extra, excess', but this lexeme can be used in individual constructions with the meaning 'in addition to' (the additive-exceptive construction), 'except for' (the exceptive construction proper) and 'in contrast to'. The article examines the features of the use of *wældaj* in various constructions and attempts to trace the development of the semantic meanings of this lexeme. Of particular interest is that *wældaj*, when used with negation, can also have a similative meaning 'like, as'.

The next paper, "The verb focus construction in Iron Ossetic", considers the Ossetic construction with the participle-converb in *-gæ* and the verb *kænən* 'to do'. Anastasia Podgornaia shows that this construction marks verb focus and is obligatorily used in the presence of focus particles modifying a verb. The author examines the morphosyntactic features of the focus construction and concludes

that the Ossetic construction showcases a cross-linguistically attested strategy of employing periphrasis with a verb 'to do' for marking verb focus in a language with word order restrictions.

Danil Alekseev in the paper "Non-verbal predication in Ossetic" deals with features of the copula in Iron and Digor Ossetic. The verb 'to be' in the third person singular of the Present has two morphological forms, one of which can be considered a copula. In all other persons and numbers the copula has no special form. However, the author shows that with third person plural subjects the "copular meanings" can be conveyed by non-agreement with the subject and the use of the third person singular copula. The paper considers in detail locative sentences and the specifics of the use of the verb 'to be' with negation. The detailed study of the semantics of the Ossetic copula and its morphosyntactic features makes this a significant contribution to the typology of copulas in Iranian languages.

The paper "Copulas in Yaghnobi" by Arseniy Vydrin is a corpus-based study of the Yaghnobi language of the 1920s–1960s. Yaghnobi has three different forms of the copula in the third person singular of the Present: the full forms *xast*, *ast* and the suffix *-x*. The paper shows that they all have distinct grammatical and semantic uses and should be considered different copulas. The use of the copula is not obligatory: all three copulas can be omitted in most of their semantic and some grammatical functions. An interesting finding of this study is the existence of double copula sentences: sentences with a single subject where two copulas are used simultaneously. The analysis of such sentences shows that each copula conveys its own meaning. According to the available literature such constructions have not previously been described for Yaghnobi or other modern Iranian languages.

The editorial team believes that *Indo-Iranian Languages* will be a high-demand scientific platform for experts in languages of the Indo-Iranian branch as well as for typologists and linguists dealing with other languages.

Arseniy Vydrin

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.2

References

Edelman 1992 — D. I. Edelman. Yeshche raz ob etapakh filiatsii ariyskoy yazykovoy obshchnosti [Aryan linguistic-filiation milestones revisited]. *Voprosy Jazykoznanija*. 1992. No. 3. P. 44–66.

Edelman 1980 — D. I. Edelman. K substratnomu naslediyu Tsentralnoaziatskogo yazykovogo soyuza [Central Asia Linguistic Areal: a substratum heritage]. *Voprosy Jazykoznanija*. 1980. No. 5. P. 21–32.

Gryunberg 1999a — A. L. Gryunberg. Pashai yazyk [Pashai]. D. I. Edelman (ed.). *Yazyki mira: dardskiye i nuristanskiye yazyki* [Languages of the World: Dardic and Nuristani languages]. Moscow: Indrik, 1999. P. 72–80.

Gryunberg 1999b — A. L. Gryunberg. Kati yazyk [Kati]. D. I. Edelman (ed.). *Yazyki mira: dardskiye i nuristanskiye yazyki* [Languages of the World: Dardic and Nuristani languages]. Moscow: Indrik, 1999. P. 101–117.

Halfmann 2024 — J. M. Halfmann. *A Grammatical Description of the Katë Language (Nuristani).* PhD thesis. Köln: Universität zu Köln, 2024.

Kogan 2005 — A. I. Kogan. *Dardskiye yazyki. Geneticheskaya kharakteristika* [Dardic languages. Genetic characteristics]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005.

Lehr 2014 — R. Lehr. *A descriptive grammar of Pashai: the language and speech community of Darrai Nur.* PhD thesis. Chicago: The University of Chicago, 2014.

Liljegren 2023 — H. Liljegren. The languages of Peristan through the lens of areal typology. A. M. Cacopardo, A. S. Cacopardo (eds.). *Roots of Peristan: the pre-Islamic cultures of the Hindukush / Karakorum. Proceedings of the International Interdisciplinary Conference, ISMEO, Rome, Palazzo Baleani, 5–7 October, 2022. Part I.* Roma: ISMEO, 2023. P. 391–431.

Vydrin, Belyaev 2023 — A. P. Vydrin, O. I. Belyaev. Sovremennaya rossiyskaya iranistika: predisloviye [Contemporary Iranian studies in Russia: A foreword]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2023. No. 6. P. 7–10. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.7-10.

Семантические оппозиции в сравнительных конструкциях равенства в отдельных иранских языках

Ю. В. Синицына
МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия);
jv.sinitsyna@yandex.ru; ORCID 0000-0002-2408-6270

Аннотация. Статья посвящена стратегиям кодирования экватив-ных и симилятивных конструкций в некоторых иранских языках: осе-тинском (иронский диалект), литературном таджикском, белуджском (стандартизированный вариант, западный и южный диалекты), пушту. Сравнительные конструкции описаны с точки зрения трех семантиче-ских противопоставлений: предметное или событийное, качественное или количественное сравнение, эксплицитные или имплицитные эк-вативы. Результатом исследования стала более подробная и системати-ческая классификация, опирающаяся на типологические представле-ния об устройстве данной области.

Ключевые слова: эквативные конструкции, симилятивные кон-струкции, внутригенетическая типология, осетинский, пушту, таджик-ский, белуджский

Благодарности: Исследование поддержано грантом РНФ № 22-18-00285. Я безмерно благодарна Арсению Павловичу Выдрину за помощь с примерами из пушту и Агнес Корн за помощь с примерами из бе-луджского языка.

Для цитирования: Синицына Ю. В. Семантические оппозиции в сравнительных конструкциях равенства в отдельных иранских язы-ках // Индоиранские языки. 2025. 1(1). С. 23–49.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.3

© Ю. В. Синицына, 2025

Semantic oppositions in comparative constructions of equality in some Iranian languages

Yulia V. Sinitsyna
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia);
jv.sinitsyna@yandex.ru; ORCID 0000-0002-2408-6270

Abstract. The study deals with the strategies used in comparative constructions of equality (CoE) in four Iranian languages: Iron Ossetic (Eastern Iranian), Pashto (Eastern Iranian), Tajik (Western Iranian) and Balochi (Western Iranian). CoEs are described based on three semantic oppositions: subject or event comparison, qualitative or quantitative comparison, and explicit or implicit comparison. Languages from our sample use case markers (Ossetic *-aw*) or adpositions (Ossetic *χʷəžsn* 'like', Tajik *misl-i* (like-EZ) 'like', etc.) with more simple standards of comparison, both from structural and semantic viewpoints (e.g., *he sings* [*like* [*a nightingale*]]). More complex (i.e. clausal) standards (e.g., t*oday he is as happy* [*as* [*he was yesterday*]]) are marked with conjunctions. Ossetic has special conjunctions that introduce standard clauses — *kʷəd* 'how' and *səma* 'as if' — while Pashto, Tajik and Balochi languages use one general subordinating conjunction that introduces comparative clauses, among others, and special forms indicating the parameter of comparison, e.g., Tajik *tarz* 'method, manner'. I did not find information about any special quantitative adposition standard markers in Pashto and Balochi. On the contrary, there is a quantitative standard marker in Ossetic, *bærs* 'approximately', which is used in approximative constructions. The Tajik postposition *barin* has a broader meaning and can be used in either equative / similative or approximative constructions.

Equative constructions with case or adpositions as standard markers in all of the languages in my sample can be attributed to implicit equatives, according to formal criteria (parameter marker is absent in such constructions, what we would expect from typological perspective). At the same time there are some examples of equative constructions with a parameter marker (e.g., Balochi *hamīnčok*) that I classify as explicit strategies.

Key words: equative constructions, similative constructions, intragenetic typology, Ossetic, Pashto, Tajik, Balochi

Acknowledgements: The research has been supported by the Russian Science Foundation, grant № 22-18-00285. I am extremely grateful to Arseniy Vydrin for his help with Pashto and Agnes Korn for her help with Balochi examples.

For citation: Sinitsyna Y. V. Semantic oppositions in comparative constructions of equality in some Iranian languages. *Indo-Iranian languages.* 2025. 1(1). P. 23–49.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.3

1. Введение

Настоящая работа является предварительным внутригенетическим типологическим исследованием сравнительных конструкций (СрК) со значением равенства в иранских языках. На данном этапе мы взяли четыре иранских языка, чтобы рассмотреть наиболее частотные способы выражения этих конструкций: осетинский (восточноиранский, иронский диалект), пушту[1] (восточноиранский), таджикский (западноиранский) и белуджский (западноиранский, современный письменный стандартизированный вариант, основанный преимущественно на южных диалектах[2], южные диалекты, распространенные в прибрежных зонах, и западный диалект, распространенный в Туркменистане).

Сравнение рассматривается как выражение (не)сходства между двумя сущностями, обладающими некоторыми пересекающимися признаками, см., например, [Treis 2018; Кошкарёва,

[1] Данные пушту получены преимущественно из работы [David 2014], которая посвящена описанию западных, восточных и центральных диалектов. Далее мы приводим помету о соответствующем диалекте при наличии таковой в источнике. В [David 2014: 34–35] отмечается, что если у примера не указан диалект, то он затранскрибирован согласно северо-восточному (< восточные) диалекту. Также привлекались данные из [Tegey, Robson 1996]. По классификации [David 2014: 44], описываемый в [Tegey, Robson 1996] диалект относится к восточным. Подробнее про диалектное членение пушту и соотношение диалектных данных в разных описаниях см. [David 2014: 42 сл.].

[2] Южные диалекты, распространенные в области от г. Бемпур через г. Никшехр, г. Сербаз (провинция Систан и Белуджистан, Иран) до округа Кеч (провинция Белуджистан, Пакистан) [Jahani 2019: 20–21].

Плотников 2023]. Мы сосредоточимся на сравнительных конструкциях, описывающих равенство или (менее строго) сходство между сравниваемыми сущностями по отношению к некоторому параметру: *он* (*такой же*) *высокий, как мой друг; он готовит как настоящий повар* и т. д. Задача настоящего исследования — описать систему кодирования элементов СрК равенства в иранских языках через набор семантических оппозиций, релевантных для этой зоны в типологической перспективе.

В основе нашего исследования лежат как собственные полевые данные, полученные в ходе опроса носителей иронского диалекта осетинского языка в г. Владикавказ в 2022–2023 гг., так и данные из грамматических описаний иранских языков: таджикский [Perry 2005]; белуджский [Axenov 2006; Jahani 2019; Korn, Nourzaei 2019]; пушту [Грюнберг 1987; Tegey, Robson 1996; David 2014]. Помимо этого, для исследования привлекались данные Осетинского национального корпуса (ОНК)[3] и Национального корпуса таджикского языка (НКТЯ)[4].

Примеры из осетинского и таджикского языков приведены в литературной орфографии, примеры из пушту и белуджского языков — в унифицированной латинской транскрипции. Глоссирование и перевод адаптированы нами. Элицитированные примеры на осетинском приводятся без дополнительных помет, в остальных случаях указана ссылка на источник.

Статья имеет следующую структуру: в разделе 2 проводится краткий обзор предыдущих исследований в области сравнительных конструкций равенства в типологической перспективе и в контексте рассматриваемых языков; раздел 3 посвящен анализу СрК в иранских языках через призму семантических противопоставлений. Итоги подведены в разделе 4.

[3] Об особенностях ОНК см. статью [Arkhangelskiy et al. 2012]. На момент написания статьи объем ОНК составляет более 12 млн словоупотреблений.

[4] Объем НКТЯ на момент написания статьи составляет 58,4 млн словоупотреблений. Об особенностях НКТЯ см. [Vydrin 2024].

2. Обзор предыдущих исследований

2.1. Обзор исследований СрК в иранских языках

Зона СрК равенства исследована неравномерно в разных иранских языках. Наиболее подробно эта область исследована для осетинского языка: семантика сравнительных показателей кратко описана в грамматиках [Ахвледиани 1963, 1969; Багаев 1965]; в работе [Синицына 2023а] обсуждаются особенности семантики эквативного падежа *-ау* и послелога *хуызæн* на материале иронского диалекта; в [Бызова 2023] рассматривается употребление союза *куыд* — одного из сравнительных маркеров наряду с эквативным падежом *-ау* и *хуызæн* — в целевых конструкциях с семантикой образа действия. Также довольно подробно изучены периферийные способы выражения сходства в осетинском языке — конструкция с причастием прошедшего времени и глаголом *кæнын* ‘делать’ [Синицына 2023б] и конструкция с послелогом *уæлдай* ‘кроме’ [Хомченкова 2025].

Сравнительные конструкции в древнеиранских языках описаны в [Milizia 2021], персидским СрК равенства посвящены работы [Najafi, Rahimian 2021; Ghavami, Najafi 2023]. В двух последних исследованиях СрК в персидском языке рассмотрены с опорой на типологическую классификацию М. Хаспельмата [Haspelmath et al. 2017], при этом детально семантика сравнительных маркеров не анализируется. Нам не известны отдельные работы, посвященные сравнительным конструкциям в белуджском, пушту и таджикском.

Общие грамматические описания, как правило, уделяют не так много внимания вопросам, связанным с выражением сравнительных отношений. Часто авторы грамматик ограничиваются перечислением сравнительных маркеров и кратким описанием их значения, при этом приводимые примеры не всегда информативны — что, например, справедливо для описания сравнительных маркеров в грамматике таджикского языка [Perry 2005]:

таджикский

(1) а. *мисл* ‘подобие чего-то’; *мисл-и мо* ‘как мы’
б. *монанд* ‘подобие’; (*ба*) *монанд-и мо* ‘как мы’ [Perry 2005: 95]

Как видно из примера (1), при описании значения двух синонимичных маркеров не объясняются их различия и не дается примеров употребления этих маркеров в предложении.

2.2. Семантические особенности СрК равенства: теория и типология

Зона сравнения по равенству объединяет несколько типов СрК, отличающихся семантикой предполагаемого сравнения. Рассмотрим несколько примеров. Эквативная конструкция в (2) выражает одинаковую степень проявления признака-параметра сравнения (*высокий*) у объекта сравнения (ОС, *Иван*) и стандарта сравнения (СТНД, *Мария*).

эксплицитная эквативная конструкция
(2) *Иван такой же высокий, как Мария.*
ОС параметр СТНД
= Иван высокий в такой же степени, что и Мария.

Эквативная конструкция в (2) имеет скалярную интерпретацию, так как сравнивается степень проявления параметрического свойства у одного индивида (Иван) со степенью проявления того же свойства у другого индивида (Мария). Указывает на скалярную интерпретацию маркер параметра (*такой же*), который отсутствует в примере (3), имеющем другую интерпретацию. Эквативная конструкция в (3) может быть истинна только в том случае, если оба сравниваемых объекта обладают заданным параметром (например, ‘быть высоким’). Согласно теоретической классификации Джессики Ретт [Rett 2020], конструкцию в (2) следует отнести к группе эксплицитных эквативов, а конструкцию в (3) — к имплицитным эквативам.

имплицитная эквативная конструкция
(3) *Иван высокий, как Мария.*
= Иван высокий, и Мария тоже высокая.

В симилятивной конструкции в (4) нет конкретного указания на параметр сравнения и то, что действие (в данном случае

пение) объекта сравнения в точности соответствует действию, описанному в стандарте сравнения. Значение в (4) предполагает сравнение пения двух индивидов (Ивана и его брата) по схожим особенностям в образе производимого действия (например, мелодия, тембр, громкость и т. д.). Дж. Ретт объединяет симилятивы и имплицитные эквативы с точки зрения семантического анализа без взаимодействия степенных переменных [Rett 2020: 190 сл.].

симилятивная конструкция
(4) *Иван поет как его брат.*
= Пение Ивана в каком-то отношении похоже на пение его брата.

В типологическом исследовании эквативных и симилятивных конструкций [Haspelmath, Buchholz 1998] в отдельную группу выделяются так называемые квантитативные эквативные конструкции, выражающие сравнение по количественному признаку (5), которые противопоставляются качественным, как в примерах выше. Как показывают примеры из русского языка, противопоставление квантитативного сравнения в (5) и качественного в (6) обосновано не только семантикой самого сравнения, но и выбором особенных средств оформления количественного параметра и стандарта сравнения.

сравнение по количеству
(5) *Петя купил **столько же** книг, **сколько** Вася.*

сравнение по качеству
(6) *Петя купил **такие же** книги, **как** Вася.*

Еще одно базовое противопоставление СрК равенства заключается в том, насколько сравниваемые сущности сложны в структурном отношении. Например, если две сравниваемые ситуации отличаются не только участниками, но и совершаемыми ими действиями, стандарт сравнения будет представлять полноценную клаузу (7), и в таком случае могут использоваться особые средства оформления группы стандарта сравнения [Haspelmath, Buchholz 1998: 304].

(7) *Вася **танцует** так же красиво, как **поет** Петя.*

Это не исчерпывающий список семантических особенностей, которые могут влиять на выбор средства для оформления стандарта в СрК равенства. Например, исследование творительного падежа сравнения в русском языке [Rakhilina, Tribushinina 2011] показало, что в данной функции этот падеж употребляется при описании формы (*лечь калачиком*), манеры передвижения (*лететь камнем*), звучания (*реветь белугой*), а также внешнего вида (*смотрится Аполлоном*).

Тем не менее, мы вынуждены ограничиться анализом сравнения в иранских языках с точки зрения базовых противопоставлений ввиду недостаточного материала для более детального анализа. Таким образом, наше исследование призвано выдвинуть гипотезы о семантической дистрибуции сравнительных маркеров с целью их проверки в дальнейших исследованиях с привлечением более подробного эмпирического материала.

3. Сравнительные конструкции равенства в иранских языках

3.1. Предметное vs событийное сравнение

Рассмотрим противопоставление предметных и событийных стандартов сравнения. Предметные стандарты более простые, чем событийные, как семантически, так и структурно. Мы опираемся на идею разделения стандартов сравнения на более и менее прототипические, высказанную в [Stolz 2013: 30]. Например, в (8) предполагается предметное сравнение адресатов высказывания с представителями животного мира (змеями и голубями), при этом с точки зрения структуры стандарты выражены существительными без зависимых. В (9) событийное сравнение устроено более сложно, так как стандарт сравнения (‘в Москве на прошлой неделе’) отличается от объекта сравнения (‘во Владикавказе’) по двум аспектам — месту и времени.

осетинский

(8) *Уæдæ* [*кæлмы-т-ау*] *ут* *зондджын* *æмæ*
итак змея-PL-EQU быть.IMP.2PL умный и

[*бæлон-ау*] *ут* *æнæ-хин.*
голубь-EQU быть.IMP.2PL без-хитрость
'Итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби.'
[ОНЗ: Мф. 10:16].[5]

осетинский

(9) *Дзæуджыхъæу-ы у* *тæвд* [*Мæскуы-йы къуыри*
Владикавказ-IN быть.PRS.3SG жаркий Москва-IN неделя
раздæр куыд уыд-и] *афтæ.*
раньше как быть-PST.3SG так
'Во Владикавказе так же жарко, как было в Москве на прошлой неделе.'

Остальные рассматриваемые нами языки также имеют маркеры, сочетающиеся с более прототипическими, предметными, стандартами. При этом таких средств всегда несколько: предлоги *мисл-и* 'подобие-EZ' (10), *монанд-и* 'похожий-EZ', послелог *барин* в таджикском [Perry 2005: 97, 101]; предлоги *čō* 'как, подобно', *mānand-i* 'подобно-EZ' в западном диалекте белуджского [Axenov 2006: 81]; предлог *leka*, послелог *yunde* (11), *də* + СТНД + *pə šān* (*cer*) в пушту [Грюнберг 1987: 203, 210, 212; David 2014: 328, 342–343]. Наличие в языке нескольких средств для выражения одного и того же значения предполагает более тонкие различия в употреблении таких маркеров в семантическом или стилистическом плане. Не имея достаточно данных для подробного анализа всех перечисленных маркеров, мы обсудим семантические особенности некоторых из них в следующих разделах.

таджикский

(10) *Ҳарф-и ту* ***мисл-и*** *ғазал ширин аст.*
речь-EZ ты подобный-EZ газель сладкий COP.PRS.3SG
'Твоя речь сладостна, как газель[6].' [НКТЯ: Г. Келдӣ. Дар чодари сафеди маҳтобӣ. Душанбе: Адиб, 2015]

[5] Здесь и далее русский перевод стихов из Нового Завета приводится по Синодальному переводу.

[6] Газель — вид лирического стихотворения в восточной поэзии.

пушту

(11) *šarbat-Ø* ***ɣunde*** *ye=* *ɣarp* *k-a.*
щербет-SG.M.OBL подобно 3 глоток делать-IMP.SG
‘Проглоти это как щербет (напиток).’ [David 2014: 328]

Что касается сравнения со стандартами, выраженными клаузами, система осетинского языка противопоставлена системам пушту, таджикского и белуджского языков. В осетинском языке имеются союзы, вводящие различные типы придаточных предложений (например, *цæмæй* ‘чтобы’ вводит целевые придаточные, *куы* ‘когда’ — темпоральные и т. д., подробнее см. [Беляев 2014]). Сюда же можно отнести и придаточные сравнительные, вводимые союзами *куыд* ‘как’ (12) и *цыма* ‘будто’ (13). Как видно из переводов примеров (12) и (13), союзы *куыд* и *цыма* противопоставлены по критерию реальности ситуации, с которой проводится сравнение. СрК с союзом *куыд* (12) предполагает, что ситуация в стандарте сравнения, описывающая танцевальные навыки Сослана, так же реальна, как и ситуация пения Алана, являющаяся объектом сравнения. Союз *цыма*, наоборот, вводит стандарты сравнения, представляющие ирреальную ситуацию, — в (13) с говорящим разговаривают как с ребенком, несмотря на то, что сам говорящий на самом деле ребенком не является.

осетинский

(12) *Сослан* ***куыд*** *æвзæр* *каф-ы,* *Алан раст* *афтæ*
Сослан как плохой танцевать-PRS.3SG Алан прямой так
æвзæр *зар-ы.*
плохой петь-PRS.3SG
‘Алан поет так же плохо, как Сослан танцует.’

осетинский

(13) ***Цыма*** *сывæллон дæн* *афтæ мемæ* *дзур-ы.*
будто ребенок быть.PRS.1SG так я.COMIT говорить-PRS.3SG
‘Он разговаривает со мной, как будто я ребенок.’

Придаточные предложения в пушту, таджикском и белуджском языках вводятся при помощи универсального подчинительного союза (таджикский *ки* [Perry 2005: 350]; белуджский

(стандартизированный вариант) *ke* [Jahani 2019: 242], белуджский (западный диалект) *ki* [Axenov 2006: 244]; пушту *čə* (восточный диалект *če*, западный диалект *či*) [David 2014: 425]), который может дополняться указательными местоимениями, а также другими выражениями в зависимости от значения подчинительной связи[7]. Подобные комплексы с подчинительным союзом используются и для ввода придаточных в СрК, ср. (14)–(16).

таджикский

(14) *Хар-он ҳам шӯра-ҳо-йи биёбон-ро,* ***ба тарз-е***
осел-PL.ANIM тоже лебеда-PL-EZ пустыня-OBJ.DEF к образ-REL
ки *бача-гон қанд-ро мак-анд, бо*
SUB ребенок-PL.ANIM сахар-OBJ.DEF сосать-SBJV.3PL с
шавқ=у завқ ме-хоид-анд.
желание=и удовольствие IMPF-жевать-PST.3PL
‘Ослы жевали пустынный папоротник с увлечением, как дети сосут кусочки сахара.’ [Perry 2005: 366]

белуджский (западный диалект)

(15) ***ančō ki*** *ā wat-ī maqsad u murad-ā*
как SUB DEM REFL-GEN цель и желание-OBJ
rast-ant, mašma um b-ras-an
достичь.PST-3PL мы.INCL также SBJV-достичь.PRS-1PL
‘Пусть мы достигнем нашей цели и желаний так, как это сделали они.’ [Axenov 2006: 263]

пушту

(16) ***cumra če*** *ɣwāṛ-i war= ye= kṛ-a.*
сколько SUB хотеть.PRS-3SG PV.3 3 делать-IMP.SG
‘Дай ему столько, сколько он хочет.’ [Tegey, Robson 1996: 209]

Заметим, что такие составные сравнительные маркеры не только выполняют функцию ввода группы стандарта сравнения,

[7] Например, таджикский (*то*) *вақт-е ки* (до время-REL SUB) ‘пока’ [Perry 2005: 357] и пушту *haɣa waxt čə* (этот.DIR время.M.DIR SUB) ‘когда’ [David 2014: 435], которые вводят темпоральные придаточные, и белуджский (западный диалект) *ǰā-ē ki* (место-REL SUB) ‘где’ [Axenov 2006: 257], который вводит придаточные места.

но и задают параметр, по которому производится сравнение. Например, в (14) и (15) сравниваются два действия по схожей манере, таким образом эти примеры можно отнести к симилятивным конструкциям. Пример (16) является иллюстрацией количественной эквативной конструкции, и в составе маркера стандарта мы находим вопросительно-относительное местоимение с количественным значением.

В следующем разделе мы рассмотрим семантические особенности маркеров стандарта с точки зрения семантики сравнения, задаваемой конструкцией по качественному или количественному параметру.

3.2. Качество vs количество

Грамматические описания осетинского [Ахвледиани 1963; Багаев 1965] и таджикского [Perry 2005] языков указывают на специальные маркеры, которые вводят сравнение со стандартом по количественному признаку. Пример (17) из осетинского языка демонстрирует разницу в интерпретации высказывания в зависимости от выбранного сравнительного маркера — количественной в случае использования *бæрц* ‘около’ (17а) и качественной при употреблении послелога *хуызæн* ‘подобно’ (17б).

осетинский

(17) а. *Алан-мæ ис* ***Мадинæ-йы бæрц*** *чингуы-тæ.*
Алан-ALL EXST Мадина-GEN около книга-PL
‘У Алана (примерно) столько книг, сколько у Мадины.’

б. *Алан-мæ ис* ***Мадинæ-йы хуызæн*** *чингуы-тæ.*
Алан-ALL EXST Мадина-GEN подобно книга-PL
‘У Алана (такие же) книги, как у Мадины.’

Таджикский послелог *барин* ‘подобно’ имеет широкие возможности употребления в СрК. Например, этот показатель встречается в эквативных конструкциях (18), а также в значении ‘такой, как…’ при стандарте сравнения, занимающем атрибутивную позицию по отношению к объекту сравнения (19).

таджикский

(18) *Кампир-и Асила модар-и ман барин дастнигар*
старуха-EZ Асила мать-EZ я подобно зависимый
аст.
COP.PRS.3SG
‘Старуха Асилы зависима, как моя мать.’
[НКТЯ: Мирзо Д. Хунёгар. Душанбе: Адиб, 2012]

таджикский

(19) *Аҳмад барин шатранчбоз-ро ман то ҳол*
Ахмад подобно шахматист-OBJ.DEF я до сейчас
на-дид-ам.
NEG-смотреть.PST-1SG
‘Я до сих пор не видел такого шахматиста, как Ахмад.’
[Perry 2005: 101]

Пример (20), где *барин* указывает на приблизительный вес арбуза, также можно рассматривать как сравнительную конструкцию с количественным параметром. Другими словами, *барин* указывает на сравнение количества квантифицируемого (*тарбуз* ‘арбуз’) с количеством, задаваемым квантификатором (*ду кило* ‘два килограмма’).

таджикский

(20) *Ин тарбуз ду кило барин вазн дор-ад.*
этот арбуз два килограмм подобно вес иметь-PRS.3SG
‘Этот арбуз весит примерно два килограмма.’
[Саймиддинов и др. 2006: 73]

Таким образом, послелог *барин* в таджикском языке относится к сравнительным показателям с эквативно-аппроксимативной полисемией, которые встречаются в языках различных семей, см. [Schourup 1983: 32, Plank 2004]. Мы оставляем вопрос о направлении развития значений у *барин* для дальнейших исследований.

В осетинском языке, помимо послелога *бæрц*, выражающего сравнение в общем количественном аспекте, наблюдается серия маркеров, обозначающих сравнение по конкретному параметру, заданному производящей основой. В грамматиках перечислены

следующие показатели: *бæрзæндæн* ‘высотой в’ (21), *дæргъæн* ‘длиной с’, *стæвдæн* ‘толщиной с’, *фæтæнæн*, *уæр(æ)хæн*, *сæвнæн* ‘шириной в’, *карæн*, *цахъхъæн* ‘в возрасте’ [Ахвледиани 1963: 284; Багаев 1965: 407 сл.].

осетинский

(21) *Аварий-ы бынат ис хæх-т-ыл, 3000 метр-ы*
авария-GEN место EXST гора-PL-SUPER метр-GEN
бæрзæнд-æн *бынат-ы.*
высота-DAT место-LOC
‘Место аварии в горах, в месте (которое) 3000 метров высотой.’
[ОНК: Sputnik Хуссар Ирыстон, 11.05.2016]

В Таблице 1 представлены данные о количестве вхождений данных маркеров в Осетинский национальный корпус. Заметим, что перечисленные в Таблице 1 показатели образованы по единому принципу и фактически являются дативной формой абстрактных существительных — *бæрзæнд* ‘высота’, *кар* ‘возраст’ и т. д. По тому же принципу, согласно одной из версий, образован и сравнительный послелог *хуызæн* ‘подобно’ — от *хуыз* ‘цвет, вид’ [ИЭСОЯ IV: 274].

Таблица 1. Количество вхождений осетинских параметрических сравнительных маркеров в ОНК
Table 1. Occurrences of Ossetic parameter standard markers in the Ossetic National Corpus

Показатель	Кол-во вхождений в ОНК
дæргъ-æн (длина-DAT) ‘длиной с’	222
кар-æн (возраст-DAT) ‘возрастом с’	171
стæвд-æн (толщина-DAT) ‘толщиной с’	76
бæрзæнд-æн (высота-DAT) ‘высотой с’	66
цахъхъ-æн[8] (возраст-DAT) ‘возрастом с’	65
уæр(æ)х-æн (ширина-DAT) ‘шириной с’	12
фæтæн-æн (ширина-DAT) ‘шириной с’	16
арф-æн (глубина-DAT) ‘глубиной с’	6
сæвн-æн (ширина-DAT) ‘шириной с’	0

[8] В общее количество включены также 8 вхождений формы *цахъæн* без удвоенного согласного.

Как видно из таблицы, частотность таких маркеров в корпусе довольно низкая. В то же время в ОНК зафиксировано 9 501 вхождение сравнительного маркера *хуызæн*. Также более частотен по сравнению с показателями из Таблицы 1 (около 1000 вхождений в ОНК) послелог (*й*)*ас*, выражающий сравнение по параметрам величины, числа, возраста, ср. (22).

осетинский

(22) *Арс-ы* *дзæмбы-йы* ***йас*** *у*
медведь-GEN лапа-GEN величиной_с быть.PRS.3SG
дæ *арм.*
POSS.2SG кисть
'Твоя рука величиной с лапу медведя.' [ОНК: Мах дуг, 3, 2003]

Известные нам грамматические описания пушту и белуджского не приводят специальных адложных количественных маркеров стандарта. В грамматике стандартизированного белуджского [Jahani 2019] встречаются примеры сравнительных конструкций с маркером *hamīnčok*, указывающим на параметр, по которому проводится сравнение (23).

белуджский (стандартизированный)[9]

(23) *ā* ***ham-īnčok*** *ke* *nebešt-a-h-a* *kant,*
DEM EMPH-так_много SUB писать.PST-PRF-HI-CL делать.PRS.3SG
ham-īnčok *wān-īt* *ham.*
EMPH-так_много читать.PRS-3SG EMPH
'Он читает столько же, сколько он пишет.' [Jahani 2019: 263]

Данный маркер, однако, может встречаться не только при непосредственно количественном сравнении, ср. (24), где параметром является качественный признак *gal* 'счастливый'. Таким образом, можно предположить, что конструкции в (23) и (24) указывают на точное совпадение в степени сравниваемого признака.

белуджский (стандартизированный)

(24) *mā* *marōčī* ***ham-īnčok*** *gal* *ēn* *ke*
мы сегодня EMPH-так_много радость COP.PRS.1PL SUB

[9] Глоссы примеров (23), (24) и (33) рекомендованы Агнес Корн.

zī *būt-ag-ēn.*
вчера быть.PST-PRF-1PL
‘Сегодня мы также счастливы, как мы были вчера.’
[Jahani 2019: 263]

Это подводит нас к противопоставлению эксплицитных и имплицитных эквативов, о которых пойдет речь в следующем разделе.

3.3. Имплицитное vs эксплицитное сравнение

Последнее противопоставление, которое мы рассмотрим, заключается в семантике эквативных конструкций, в которых две сущности сравниваются по некоторому признаку. Наши наблюдения для всех языков, кроме осетинского, для которого мы также опираемся на суждения носителей, основываются на данных из других источников, а потому могут служить в качестве первоначальных гипотез, требующих эмпирической проверки в последующих исследованиях.

Рассмотрим имплицитное сравнение. Осетинские сравнительные конструкции с маркером *хуызæн* ‘подобно’ имеют оценочное значение, то есть при таком сравнении изначально предполагается, что оба сравниваемых объекта обладают указанным признаком (например, *И Алан, и Мадина высокие*). Это можно проверить, продолжив СрК таким образом, что следующая информация может опровергнуть сделанное утверждение о наличии у сравниваемых индивидов этого признака, как в (25).

осетинский
(25) *Алан Мадинæ-йы хуызæн бæрзонд у,*
Алан Мадина-GEN подобно высокий быть.PRS.3SG
**фæлæ уый ныллæг у.*
но тот низкий быть.PRS.3SG
‘Алан высокий, как Мадина, *но он сам низкого роста.’

Конструкции со специальными маркерами стандарта вроде (*й*)*ас* ‘величиной с’ (26) и т. д. могут рассматриваться как эксплицитные эквативные конструкции. Их семантика не предполагает

обязательного обладания индивидами признаком, соответствующим сравнительному маркеру, например, рост, величина в (26). Так что СрК в (26) может быть продолжена информацией о невысоком росте участников без нарушения прагматической связности.

осетинский

(26) *Алан Мадинæ-йы йас у, ныллаег*
Алан Мадина-GEN величиной_с быть.PRS.3SG низкий
сты.
быть.PRS.3PL
'Алан и Мадина одинакового роста, оба невысокие.'

Маркер *хуызæн* может употребляться и в симилятивных конструкциях (27), а также в эквативных конструкциях с нереферентным (родовым) стандартом сравнения (28), что соответствует типологическим ожиданиям от маркеров с похожей дистрибуцией, например англ. *like*, см. подробнее [Rett 2020].

осетинский

(27) *Æз Алан-ы хуызæн зар-ын.*
я Алан-GEN подобно петь-PRS.1SG
'Я пою как Алан.'

осетинский

(28) *пырындз-ы хуызæн урс-урс-ид фыд*
рис-GEN подобно белый-белый-SUF мясо
'мясо белое (букв. белое-пребелое), как рис' [ИЭСОЯ, II: 246]

Согласно [Синицына 2023а], не все из опрошенных носителей допускают эквативные и симилятивные конструкции с конкретно-референтным стандартом, маркированным эквативным падежом *-ау* (29), но в тех идиолектах, где такое употребление *-ау* возможно, эквативные конструкции с этим маркером также являются имплицитными.

осетинский (иронский диалект)

(29) ?*Алан Мадинæ-йау бæрзонд у.*
Алан Мадина-EQU высокий быть.PRS.3SG
'Алан высокий, как Мадина.'

Аналогичное предположение можно сделать в отношении конструкций со сравнительными маркерами *čō* и *mānand-i* в (западном) белуджском. Примеры (30)–(32) иллюстрируют употребление маркера *čō* в эквативной конструкции с конкретно-референтным стандартом (30), с родовым стандартом (31), а также в симилятивной конструкции (32). При этом *čō* может управлять именами в локативе, как в (30), (32), или в обликвусе, как в (31)[10].

белуджский (западный диалект)

(30) *mēmān* ***čō-m-ē*** *spēt-ēn* *pākīzag-ēn* *tās-ayā*
гость как-EMPH-DEM белый-ATTR чистый-ATTR чаша-LOC
pākīzag *int.*
чистый COP.PRS.3SG
'Гость чистый, как эта белая, чистая чаша.' [Axenov 2006: 81]

белуджский (западный диалект)

(31) *pa* *mēmān-ā* *xizmatt* *kurt-in* ***čō*** *asal-ā* *waššˇ*
для гость-OBL услуга делать.PST-INF как мед-OBL сладкий
int.
COP.PRS.3SG
'Услужить гостю сладко, как мед.' [Axenov 2006: 81]

(32) белуджский (западный диалект)
tī *mard* ***čō*** *mnī* *mard-ayā* *čīz-ē*
2SG.GEN муж как 1SG.GEN муж-LOC вещь-IND
na-dār-īt.
NEG-иметь.PRS-3SG
'Твой муж, как мой муж, ничего не имеет.' [Axenov 2006: 81]

С другой стороны, примеры конструкций с маркером параметра *hamīnčok* указывают скорее на эксплицитную скалярную семантику, ср. (24) из раздела 3.2, а также (33) ниже:

[10] Предлог *mānand-i* в западном диалекте белуджского имеет такое же свойство, см. подробнее [Axenov 2006: 81]. Подробнее о локативном падеже в западном диалекте белуджского см. [Korn 2008].

белуджский (стандартизированный)

(33) *man* ***ham-īnčok*** *zahr ān ke taw ay.*
я EMPH-так_много злой COP.PRS.1SG SUB ты COP.PRS.2SG
‘Я так же зол, как ты (есть).’ [Jahani 2019: 263]

Заметим также, что по своей форме *hamīnčok* является сложением эмфатического показателя *ham* (*am* в диалектах) и демонстратива *īnčok*. Пример (34) из южного диалекта белуджского иллюстрирует употребление этого демонстратива (без эмфатического элемента) вне СрК. Таким образом, белуджские эксплицитные эквативы с маркером *hamīnčok*, восходящим к демонстративу, попадают в одну группу с конструкциями из романских, славянских и некоторых других языков, в которых маркер параметра также восходит к указательному местоимению — например, *так*(*ой*) в русском языке, подробнее см. [Rett 2020: 186–188, 198–199].

белуджский (южный диалект)

(34) *enčok a bey-ā* ⟨…⟩
так_много CL становиться.PRS-1SG
‘Я такого размера ⟨…⟩’
[Korn, Nourzaei 2019: 628]

СрК в таджикском языке с маркерами *мисл-и*, *монанд-и* мы можем предварительно отнести к имплицитным стратегиям, исходя из структурных (отсутствие маркера параметра) и широких сочетаемостных особенностей. Так же, как осетинский *хуызæн* и белуджский *čō*, рассмотренные выше, эти маркеры встречаются в конструкциях разной семантики — ср., к примеру, возможности употребления таджикского маркера *мисл-и* в эквативной (35) и симилятивной (36) конструкции.

таджикский

(35) *Пас,* ***мисл-и*** *мор-он зирак ва мисл-и*
итак подобие-EZ змея-PL.ANIM смышленый и подобие-EZ
кабӯтар-он содда бош-ед.
голубь-PL.ANIM простой быть-IMP.2PL
‘Итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби.’
[ТНЗ: Мф. 10:16]

таджикский

(36) *Инак,* ***мисл-и*** *дузд мео-ям* ⟨…⟩
итак подобие-EZ вор приходить-PRS.1SG
'Се, иду как тать ⟨…⟩' [ТНЗ: Откр. 16:15]

4. Итоги и перспективы дальнейших исследований

Мы рассмотрели стратегии выражения сравнения по равенству в четырех иранских языках с точки зрения семантических противопоставлений. На основе теоретических и типологических исследований были выделены три основных противопоставления, касающихся как семантики стандартов сравнения (предметное vs событийное сравнение), так и всей сравнительной конструкции в целом (сравнение по качеству или количеству, а также эксплицитное vs имплицитное сравнение).

Для выражения сравнения с именными стандартами сравнения во всех рассмотренных нами языках используются стратегии с падежными (осетинский *-ау*) или адложными (осетинский *хуызæн* 'подобно', таджикский *мисл-и* 'подобно' и т. д.) маркерами. Более сложные стандарты, подразумевающие сравнение по нескольким параметрам и выраженные клаузами, оформляются при помощи специальных союзов. Система осетинского языка со специальными сравнительными союзами *куыд* 'как' и *цыма* 'будто' противопоставлена системам пушту, таджикского и белуджского языков: в последних придаточные сравнительные вводятся при помощи сложных комплексов, состоящих из параметра (например, таджикский *тарз* 'образ', белуджский *ančō, čōn* 'как', пушту *cumra* 'сколько') и общего подчинительного союза.

Грамматические описания пушту и белуджского языка не содержат информации об адложных количественных маркерах стандарта, тогда как осетинский послелог *бæрц* употребляется в конструкциях, выражающих приблизительное сравнение по количеству. Таджикский послелог *барин* может употребляться как при количественном, так и при качественном сравнении, тем самым демонстрируя эквативно-аппроксимативную полисемию, довольно распространенную типологически.

Наконец, эквативные конструкции с предложными и адложными маркерами по предварительным данным можно отнести к группе имплицитных эквативов, семантика которых не предполагает прямого взаимодействия степенных аргументов, так как в таких конструкциях отсутствует маркер параметра, что типологически ожидаемо. В белуджском языке зафиксирована стратегия с выраженным маркером параметра, что дает основания рассматривать такие конструкции как пример эксплицитных эквативов.

Дальнейшее исследование таких конструкций может опираться на предложенные в [Rett 2020] диагностические контексты для эксплицитных эквативов, попадающих в эту группу, — в частности, невозможность модифицировать конструкцию степенными выражениями типа *дважды*, *в два раза* и т. д., в отличие от эквативных конструкций в других языках (например, английском), где маркер параметра имеет другое происхождение и конструкции со степенным модификатором разрешены, ср. англ. *he is **twice** as tall as me* ‘он вдвое выше меня’.

Мы рассматриваем настоящее исследование как начальный этап в изучении области сравнительных конструкций в иранских языках. Предположения, сделанные нами по большей части на основе данных из грамматических описаний, должны стать отправной точкой для дальнейших исследований в этой области с привлечением как корпусного материала, так и данных от носителей.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ALL — аллатив; ANIM — одушевленность; ATTR — атрибутивизатор; CL — глагольная клитика; COMIT — комитатив; COP — связка; DAT — датив; DEF — определенность; DEM — демонстратив; DIR — прямой падеж; EMPH — эмфатическая частица; EQU — экватив; EXST — экзистенциальная связка; EZ — изафет; GEN — генитив; HI — заполнитель зияния (hiatus filler); IMP — императив; IMPF — имперфект; IN — инэссив; INCL — инклюзивность; IND — неопределенность; INF — инфинитив; LOC — локатив; M — мужской род;

NEG — отрицание; OBJ — прямой объект; OBL — обликвус; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRF — перфект; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PV — преверб с направительным значением; REFL — рефлексив; REL — релятивизатор; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число; SUB — показатель подчинительной связи; SUF — суффикс; SUPER — суперэссив.

Мф. — Евангелие от Матфея; Откр. — Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис).

Литература

Ахвледиани 1963 — Г. С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963.

Ахвледиани 1969 — Г. С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. II. Синтаксис. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1969.

Багаев 1965 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Ч. I: Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.

Беляев 2014 — О. И. Беляев. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении. Дис. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 2014.

Бызова 2023 — А. А. Бызова. Целевые подчинительные показатели *цæмæй* и *куыд* в осетинском языке // Е. А. Забелина, Н. М. Заика (ред.). Двадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2023 г.). СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 51–54.

Грюнберг 1987 — А. Л. Грюнберг. Очерк грамматики афганского языка (пашто). Л.: Наука, 1987.

Кошкарёва, Плотников 2023 — Н. Б. Кошкарёва, И. М. Плотников. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216. DOI: 10.25205/2307-1753-2023-2-180-216.

Саймиддинов и др. 2006 — Д. Саймиддинов, С. Д. Холматова, С. Каримов (ред.). Таджикско-русский словарь. Душанбе: Пайванд, 2006.

Синицына 2023а — Ю. В. Синицына. Сравнительные конструкции равенства в осетинском языке // Вопросы языкознания. 2023. № 6. С. 49–66. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.49-66.

Синицына 2023б — Ю. В. Синицына. Сравнительная конструкция с глаголом *кæнын* ‘делать’ в осетинском языке // Е. А. Забелина,

Н. М. Заика (ред.). Двадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2023 г.). СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 189–192.

Хомченкова 2025 — И. А. Хомченкова. Лексема *уæлдай* в осетинском языке: между эксцептивным и симилятивным маркером // Индоиранские языки. 2025. № 1. С. 130–151. DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.6.

Arkhangelskiy et al. 2012 — T. Arkhangelskiy, O. Belyaev, A. Vydrin. The Creation of Large-Scale Annotated Corpora of Minority Languages using UniParser and the EANC platform // M. Kay, C. Boitet (eds.). Proceedings of COLING 2012: Posters (24th International Conference on Computational Linguistics, December, 8–15, 2012, Mumbai, India). Mumbai: The COLING 2012 Organizing Committee, 2012. P. 83–92.

Axenov 2006 — S. Axenov. The Balochi Language of Turkmenistan. A corpus-based grammatical description. Uppsala: Uppsala University, 2006.

David 2014 — A. B. David. Descriptive Grammar of Pashto and its Dialects. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014. DOI: 10.1515/9781614512318.

Ghavami, Najafi 2023 — A. Ghavami, P. Najafi. Similative Constructions in Persian Language // Journal of Iranian Dialects & Linguistics. 2023. Vol. 8. Iss. 1. P. 191–209. DOI: 10.22099/JILL.2023.47115.1345.

Haspelmath, Buchholz 1998 — M. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similative constructions in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). Adverbial Constructions in the Languages of Europe. Berlin: De Gruyter Mouton, 1998. P. 277–334. DOI: 10.1515/9783110802610.277.

Haspelmath et al. 2017 — M. Haspelmath, the Leipzig Equative Constructions Team. Equative constructions in world-wide perspective // Y. Treis, M. Vanhove (eds.). Similative and Equative Constructions: A Crosslinguistic Perspective. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 9–32. DOI: 10.1075/tsl.117.02has.

Jahani 2019 — C. Jahani. A Grammar of Modern Standard Balochi. Uppsala: Uppsala University, 2019.

Korn 2008 — A. Korn. A New Locative Case in Turkmenistan Balochi // Iran and the Caucasus. 2008. Vol. 12. Iss. 1. P. 83–99. DOI: 10.1163/157338408X326226.

Korn, Nourzaei 2019 — A. Korn, M. Nourzaei. Notes on the speech of the Afro-Baloch of the southern coast of Iran // Journal of the Royal Asiatic Society. 2019. Vol. 29. P. 623–657. DOI: 10.1017/S1356186319000300.

Milizia 2021 — P. Milizia. Old Iranian // G. Keydana, W. Hock, P. Widmer (eds.). Comparison and Gradation in Indo-European. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 417–476. DOI: 10.1515/9783110641325-015.

Najafi, Rahimian 2021 — P. Najafi, J. Rahimian. Equative constructions in Persian language // Zabanpazhuhi. 2021. Vol. 13. P. 243–267. [In Persian.]

Perry 2005 — J. R. Perry. A Tajik Persian Reference Grammar. Leiden; Boston: Brill, 2005.

Plank 2004 — F. Plank. How to disclaim precision about numbers. Handout for Leipzig Numerals Workshop, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Leipzig, March 29–30, 2004.

Rakhilina, Tribushinina 2011 — E. Rakhilina, E. Tribushinina. The Russian instrumental-of-comparison: constructional approach // M. Grygiel, L. A. Janda (eds.). Slavic Linguistics in a Cognitive Framework. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. P. 145–174.

Rett 2020 — J. Rett. Separate but equal: a typology of equative constructions // P. Hallman (ed.). Interactions of Degree and Quantification. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 163–204. DOI: 10.1163/9789004431515_006.

Schourup 1983 — L. C. Schourup. Common discourse particles in English conversation. Ohio: The Ohio State University, 1983.

Stolz 2013 — T. Stolz. Competing Comparative Constructions in Europe. Berlin: Akademie-Verlag, 2013. DOI: 10.1524/9783050064994.

Tegey, Robson 1996 — H. Tegey, B. Robson. A reference grammar of Pashto. Washington, DC: Center for Applied Linguistics, 1996.

Treis 2018 — Y. Treis. Comparative Constructions: An Introduction // K. Wojtylak, Y. Treis (eds.). On the Expression of Comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages. Hanover, NH: Dartmouth College Library Press, 2018. P. i–xxvi. DOI: 10.1349/PS1.1537-0852.A.492.

Vydrin 2024 — A. Vydrin. Tajik National Corpus // Turkic languages. 2024. Vol. 28. Iss. 1. P. 157–162. DOI: 10.13173/TL.28.1.157.

Источники

ИЭСОЯ — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958–1989.

НКТЯ — Национальный корпус таджикского языка. URL: https://tajik-corpus.org/ (дата обращения: 15.06.2024).

ОНЗ — Новый Завет на иронском диалекте осетинского языка. Институт перевода Библии, 2022. URL: https://ibt.org.ru/ru/text?m=OSS&l=Matt.1.1.1&g=0 (дата обращения: 15.06.2024).

ОНК — Осетинский национальный корпус. URL: http://corpus.osseticstudies.org/ (дата обращения: 15.06.2024).

ТНЗ — Новый Завет на таджикском языке. Институт перевода Библии, 1992. URL: https://ibt.org.ru/ru/text?m=TJIBT&l=Matt.1.1.1&g=0 (дата обращения: 15.06.2024).

References

Akhvlediani 1963 — G. S. Akhvlediani (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka. T. I. Fonetika i morfologiya* [Ossetic Grammar. Vol. I. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: Research Institute under the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 1963.

Akhvlediani 1969 — G. S. Akhvlediani (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka. T. II. Sintaksis* [Ossetic Grammar. Vol. II. Syntax]. Ordzhonikidze: Research Institute under the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 1969.

Arkhangelskiy et al. 2012 — T. Arkhangelskiy, O. Belyaev, A. Vydrin. The Creation of Large-Scale Annotated Corpora of Minority Languages using UniParser and the EANC platform. M. Kay, C. Boitet (eds.). *Proceedings of COLING 2012: Posters* (24th International Conference on Computational Linguistics, December, 8–15, 2012, Mumbai, India). Mumbai: The COLING 2012 Organizing Committee, 2012. P. 83–92.

Axenov 2006 — S. Axenov. *The Balochi Language of Turkmenistan. A corpus-based grammatical description.* Uppsala: Uppsala University, 2006.

Bagaev 1965 — N. K. Bagaev. *Sovremennyi osetinskii yazyk. Ch. I. Fonetika i morfologiya* [Modern Ossetic. Pt. I. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1965.

Belyaev 2014 — O. I. Belyaev. *Korrelyativnaya konstruktsiya v osetinskom yazyke v tipologicheskom osveshchenii* [Correlative construction in Ossetic from a typological viewpoint]. PhD dissertation. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2014.

Byzova 2023 — A. A. Byzova. Tselevyye podchinitelnyye pokazateli *tsæmæy* i *kuyd* v osetinskom yazyke [Purpose clause markers *сәмәj* and *kʷəd* in Ossetic]. E. A. Zabelina, N. M. Zaika (eds.). *Dvadtsataya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Tezisy dokladov.* [20th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars] (Saint Petersburg, 23–25 November 2023). Saint Petersburg: ILS RAS, 2023. P. 51–54.

David 2014 — A. B. David. *Descriptive Grammar of Pashto and its Dialects.* Ed. by C. M. Brugman. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014. DOI: 10.1515/9781614512318.

Ghavami, Najafi 2023 — A. Ghavami, P. Najafi. Similative Constructions in Persian Language. *Journal of Iranian Dialects & Linguistics.* 2023. Vol. 8. No. 1. P. 191–209. DOI: 10.22099/JILL.2023.47115.1345.

Gryunberg 1987 — A. L. Gryunberg. *Ocherk grammatiki afganskogo yazyka (pashto)* [Notes on the grammar of Pashto]. Leningrad: Nauka, 1987.

Haspelmath, Buchholz 1998 — M. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similative constructions in the languages of Europe. J. van der Auwera (ed.).

Adverbial Constructions in the Languages of Europe. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 1998. P. 277–334. DOI: 10.1515/9783110802610.277.

Haspelmath et al. 2017 — M. Haspelmath, the Leipzig Equative Constructions Team. Equative constructions in world-wide perspective. Y. Treis, M. Vanhove (eds.). *Similative and Equative Constructions: A Crosslinguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 9–32. DOI: 10.1075/tsl.117.02has.

Jahani 2019 — C. Jahani. *A Grammar of Modern Standard Balochi*. Uppsala: Uppsala University, 2019.

Korn 2008 — A. Korn. A New Locative Case in Turkmenistan Balochi. *Iran and the Caucasus*. 2008. Vol. 12. No. 1. P. 83–99. DOI: 10.1163/157338408X326226.

Korn, Nourzaei 2019 — A. Korn, M. Nourzaei. Notes on the speech of the Afro-Baloch of the southern coast of Iran. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2019. Vol. 29. P. 623–657. DOI: 10.1017/S1356186319000300.

Khomchenkova 2025 — I. A. Khomchenkova. Leksema *uælday* v osetinskom yazyke: mezhdu ekstseptivnym i similyativnym markerom [The lexeme *wældaj* in Ossetic: between an exceptive and a similative marker]. *Indoiranskiye yazyki* [Indo-Iranian languages]. 2025. No. 1. P. 130–151. DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.6.

Koshkareva, Plotnikov 2023 — N. B. Koshkareva, I. M. Plotnikov. Metayazyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka [Metalinguistic representation of the semantics of comparison as a linguistic sign]. *Kritika i semiotika*. 2023. No. 2. P. 180–216. DOI: 10.25205/2307-1753-2023-2-180-216.

Milizia 2021 — P. Milizia. Old Iranian // G. Keydana, W. Hock, P. Widmer (eds.). *Comparison and Gradation in Indo-European*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 417–476. DOI: 10.1515/9783110641325-015.

Najafi, Rahimian 2021 — P. Najafi, J. Rahimian. Equative constructions in Persian language. *Zabanpazhuhi*. 2021. Vol. 13. P. 243–267. [In Persian.]

Perry 2005 — J. R. Perry. *A Tajik Persian Reference Grammar*. Leiden; Boston: Brill, 2005.

Plank 2004 — F. Plank. How to disclaim precision about numbers. Handout for Leipzig Numerals Workshop, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Leipzig, March 29–30, 2004.

Rakhilina, Tribushinina 2011 — E. Rakhilina, E. Tribushinina. The Russian instrumental-of-comparison: constructional approach. M. Grygiel, L. A. Janda (eds.). *Slavic Linguistics in a Cognitive Framework*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. P. 145–174.

Rett 2020 — J. Rett. Separate but equal: a typology of equative constructions. P. Hallman (ed.). *Interactions of Degree and Quantification*. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 163–204. DOI: 10.1163/9789004431515_006.

Saymiddinov et al. 2006 — D. Saymiddinov, S. D. Kholmatova, S. Karimov (eds.). *Tadzhiksko-russkiy slovar* [Tajik-Russian dictionary]. Dushanbe: Payvand, 2006.

Schourup 1983 — L. C. Schourup. *Common discourse particles in English conversation.* Ohio: The Ohio State University, 1983.

Sinitsyna 2023a — Yu. V. Sinitsyna. Sravnitelnyye konstruktsii ravenstva v osetinskom yazyke [Comparative constructions of equality in Ossetic]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2023. No. 6. P. 49–66. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.49-66.

Sinitsyna 2023b — Yu. V. Sinitsyna. Sravnitelnaya konstruktsiya s glagolom *kænyn* ‘delat’ v osetinskom yazyke [Comparative construction with the verb *кэпэн* ‘do’ in Ossetic]. E. A. Zabelina, N. M. Zaika (eds.). *Dvadtsataya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Tezisy dokladov.* [20th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars] (Saint Petersburg, 23–25 November 2023). Saint Petersburg: ILS RAS, 2023. P. 189–192.

Stolz 2013 — T. Stolz. *Competing Comparative Constructions in Europe*. Berlin: Akademie-Verlag, 2013. DOI: 10.1524/9783050064994.

Tegey, Robson 1996 — H. Tegey, B. Robson. *A reference grammar of Pashto*. Washington, DC: Center for Applied Linguistics, 1996.

Treis 2018 — Y. Treis. Comparative Constructions: An Introduction. K. Wojtylak, Y. Treis (eds.). *On the Expression of Comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages*. Hanover, NH: Dartmouth College Library Press, 2018. P. i–xxvi. DOI: 10.1349/PS1.1537-0852.A.492.

Vydrin 2024 — A. Vydrin. Tajik National Corpus. *Turkic languages.* 2024. Vol. 28. No. 1. P. 157–162. DOI: 10.13173/TL.28.1.157.

Получено / received 24.06.2024 *Принято / accepted 12.08.2024*

Плюсквамперфект в шугнанском и других памирских языках

М. Г. Меленченко
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия);
maksmerben@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9040-2318

Аннотация. Статья представляет сравнительный обзор форм плюсквамперфекта в памирских языках. Источниками служат существующие грамматические описания, а также данные, полученные при работе с носителями современных шугнанского и ишкашимского языков. В большинстве языков памирского ареала плюсквамперфект образуется аналитически, а в некоторых языках — суффиксально. Памирские плюсквамперфекты обладают типологически ожидаемым набором значений: кластер «сверхпрошлого» и ирреальности. Наиболее интересная ситуация обнаруживается в хорогском шугнанском — плюсквамперфект потерял здесь традиционные для этой категории значения давнопрошедшего и предшествования в прошлом и сузил свою сферу употребления до ирреальных контекстов.

Ключевые слова: плюсквамперфект, памирские языки, шугнанский, ишкашимский

Благодарности: Выражаю благодарность анонимному рецензенту за ценные комментарии, всем жителям Памира, которые помогли в сборе представленных данных, а также моим коллегам: А. А. Сергиенко, который по моей просьбе собрал данные ишкашимского языка, и А. О. Бадееву за советы при подготовке статьи. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Меленченко М. Г. Плюсквамперфект в шугнанском и других памирских языках // Индоиранские языки. 2025. 1(1). С. 50–88.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.4

© М. Г. Меленченко, 2025

The Pluperfect in Shughni and other Pamir languages

Maksim G. Melenchenko
HSE University (Moscow, Russia);
maksmerben@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9040-2318

Abstract. The article presents a comparative review of Pluperfects in Pamir languages, addressing both structural and semantic properties of these forms. The data comes from the existing grammatical descriptions as well as recent work with speakers of contemporary Shughni and Ishkashimi conducted in Tajikistan.

In the majority of Pamir languages (Bartangi, Roshorvi, Wakhi, Ishkashimi, Sanglechi, Yazghulami), Pluperfect is formally a periphrastic construction consisting of the Perfect form of the lexical verb and the Preterite form of the auxiliary verb 'to be'. In several languages of the Shughni-Rushani group (Shughni, Rushani, Khufi, Sarikoli), however, Pluperfects are derived from Perfects by means of a suffix. The origins of this suffix are unclear; some scholars trace it back to the auxiliary 'to be'. Many Pamir languages have developed a whole series of periphrastic forms which employ the Perfect form of the lexical verb and different tense forms of the auxiliary — possibly, under Tajik influence.

As regard their semantics, Pamir Pluperfects seem to have a typologically expected set of meanings. According to the 20th century grammars, they show a clustering of discontinuous past (often called "distant past" in the literature) and irreal uses. Some fresh data elicited in 2023–2024 shows that in the Khorugh variety of Shughni, Pluperfect has lost its traditional discontinuous past meaning, and the stimuli that formerly prompted its use in this meaning are unanimously described as incorrect by modern Khorugh speakers. Today the Shughni Pluperfect is only used as an irreal marker, namely, in counterfactual conditional or avertive contexts. In all other contexts, it is interchangeable with Perfect, which has a wider set of functions (most notably, evidential and experiential meanings). This fact may indicate that in Khorugh Shughni, Pluperfect is slowly dying out. At the same time, certain suggests that other Shughni dialects spoken in rural area can be more conservative in this respect. As preliminary research shows, though, the contemporary Ishkashimi Pluperfect has retained its discontinuous past contexts.

Key words: Pluperfect, Pamir languages, Shughni, Ishkashimi

Acknowledgements: I express my gratitude to the anonymous reviewer for his/her invaluable comments, as well as to the Pamiris who helped collect the data for this study, and to my colleagues: A. Sergienko, who collected the Ishkashimi data, and A. Badeev for his advice. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Melenchenko M. G. The Pluperfect in Shughni and other Pamir languages. *Indo-Iranian languages*. 2025. 1(1). P. 50–88.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.4

1. Введение

Глагольные формы, именуемые плюсквамперфектами, — неотъемлемая часть грамматического описания шугнанского языка и других памирских языков[1]. Статья посвящена сравнительному описанию морфосинтаксиса и семантики этих форм в памирских языках. Данные шугнанского получены методом элицитации при работе с носителями языка в г. Хорог (Таджикистан) в 2023–2024 гг., а также из шугнанского корпуса памирского проекта ВШЭ [Makarov et al. 2022], в котором на 2024 г. содержится около 65 000 токенов. Данные ишкашимского языка собраны в кишлаке Рын (Таджикистан) в 2024 г. Для других языков были изучены существующие грамматические описания.

Памирские языки — ареальное объединение языков восточноиранской группы, распространённых на территории Западного Памира, в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана и в близлежащих регионах Афганистана, Пакистана и Китая. Общее число носителей памирских языков в ГБАО в конце 1990-х гг. оценивалось в 170 000 человек [Edelman, Dodykhudoeva 2009a: 775]. Согласно современным научным представлениям, памирские языки не образуют единой генеалогической группы, и в литературе нет консенсуса касательно их внутренней классификации [Edelman, Dodykhudoeva 2009a: 773–775;

[1] В этой статье я использую слово «плюсквамперфекты» во множественном числе применительно к формам разных языков, при этом в каждом из обсуждаемых языков есть только одна категория плюсквамперфекта.

Wendtland 2009; Parker 2023: 40–49]. Общепризнанным генеалогическим объединением более низкого уровня является шугнано-рушанская группа, в которую входят шугнанский, рушанский, хуфский, бартангский, рошорвский и сарыкольский языки. Первые пять идиомов, географически образующие своего рода диалектный континуум, в советско-российской иранистической традиции обычно рассматриваются как отдельные языки, а в англоязычной иногда считаются диалектами общего шугнанского языка (Shughni)[2]. В настоящей статье шугнано-рушанские языки считаются шестью отдельными языками. Кроме языков шугнано-рушанской группы, к памирским обычно причисляют ваханский, ишкашимский (и сангличский, иногда считающийся диалектом ишкашимского), язгулямский (который, согласно [Соколова 1967], родственен шугнано-рушанским), а также иногда языки йидга и мунджанский. Шугнанский язык является самым многочисленным из памирских языков, число говорящих на нём оценивается примерно в 100 000 человек [Edelman, Dodykhudoeva 2009b: 788]. В настоящей статье приводятся данные всех вышеперечисленных языков, кроме йидга и мунджанского; особое внимание уделяется шугнанскому, для которого собрано много данных[3].

Термином «плюсквамперфект» в лингвистике традиционно называется такая видовременная глагольная форма, которая имеет

---

[2] Примерами этой тенденции могут служить, с одной стороны, многие публикации русскоязычных авторов [Карамшоев 1963, 1988; Эдельман 1975; Пахалина 1989] и, с другой, англоязычных [Beck 2013; Müller 2015; Olson 2017]. Однако, как справедливо отметил анонимный рецензент, из этой тенденции есть исключения: см., например, работы [Payne 1980; Wendtland 2009; Stump, Hippisley 2011; Parker 2023: 49], где шугнано-рушанские идиомы считаются отдельными языками, или работы [Соколова 1963, 1966], где они считаются диалектами.

[3] Примеры из шугнанского, рушанского и бартангского языков в статье приведены в иранистической транскрипции на основе латиницы, принятой в памирском проекте ВШЭ: https://pamiri.online/blog/ortho. Для других языков сохранена исходная латинская транскрипция, а исходная кириллическая конвертирована в латиницу. Кириллические буквы *ь* и *ы*, использующиеся в советских публикациях для ишкашимского и ваханского соответственно, заменены на латинские буквы *ə* и *i̇*, отражающие примерное произношение этих гласных по МФА. В примерах в адаптированном виде используется система глосс памирского проекта ВШЭ.

значение «предпрошедшего» или «прошедшего в прошедшем». При этом, как показывают типологические исследования, для плюсквамперфектов типична полисемия с другими характерными значениями [Сичинава 2013: 21–42]. С точки зрения структуры плюсквамперфекты обычно являются аналитическими и зачастую состоят из формы перфекта лексического глагола и формы прошедшего времени вспомогательного глагола [Сичинава 2013: 17–21]. Как будет показано ниже, формы плюсквамперфекта в памирских языках во многом соответствуют этому типологическому портрету, хотя имеют и некоторое количество отличий (как в структуре, так и в семантике). Несмотря на эти отличия, идентификация форм, подходящих под устоявшееся понимание термина «плюсквамперфект», для этих языков не вызывает затруднений, тем более что он часто используется в памироведческой литературе.

Статья организована следующим образом. В разделе 2 обсуждается образование форм плюсквамперфектов в памирских языках, а в разделе 3 — их грамматико-семантические значения. В разделе 4 подводятся итоги.

2. Устройство форм

Видовременные глагольные системы памирских языков сравнительно компактны. Памирские языки располагают тремя основными индикативными формами (традиционные ярлыки — презенс, претерит и перфект), а также формами императива и инфинитива, основы которых в некоторых языках могут различаться нерегулярно. Исторически основа перфекта происходит от причастия на *-ka* и *-čī*, образованного от основы претерита [Додыхудоева 1988: 68–82; Пахалина 1989: 202]. В современных шугнано-рушанских языках рефлексами этих показателей являются соответственно суффиксы *-č*/*-ǰ* (исторически суффиксы основы мужского рода) и *-c*/*-ʒ* (женского рода). Кроме того, у многих глаголов форма перфекта отличается от претерита нерегулярным чередованием в корне [Меленченко 2023: 122–124]. В других памирских языках образование перфекта происходит в разной степени более регулярно — например, в ишкашимском перфект

образуется от основы претерита с помощью суффиксов *-uk*/*-ůk* без чередований [Пахалина 1959: 54]. Категория плюсквамперфекта присутствует во всех памирских языках, как и в подавляющем большинстве иранских языков [Выдрин 2023: 106]. Во всех памирских языках форма плюсквамперфекта образуется от основы перфекта: в некоторых синтетически (с помощью суффикса), в других аналитически (с помощью вспомогательного глагола).

В большинстве языков шугнано-рушанской группы, включая шугнанский, форма плюсквамперфекта образуется синтетически присоединением суффикса *-at* (шугнанский и хуфский)/*-it* (рушанский и сарыкольский)[4] к основе перфекта (1) [Соколова 1963: 75].

шугнанский (баджувский диалект)
(1) *ăxīb=um tu-rd* ***lův-ǰ-at***: ⟨…⟩.
позавчера=1SG PRON.2SG-DAT говорить-PF-PQP
'Позавчера я тебе **сказал**: ⟨иди, работай со своим братом⟩.'
[Карамшоев 1963: 163]

В традиции описания шугнанского языка некоторые авторы выделяют отдельную «основу плюсквамперфекта» на *-at* [Додыхудоева 1988: 76; Edelman, Dodykhudoeva 2009b: 797]. Однако форма плюсквамперфекта, в отличие от прочих основ, всегда регулярно образуется от основы перфекта. Более того, она не является в морфологическом смысле основой для образования никаких других форм. По этим причинам я согласен с К. Паркером в том, что шугнанскую форму плюсквамперфекта нецелесообразно считать отдельной основой [Parker 2023: 257–258]. По-видимому, эти аргументы также применимы к рушанскому, хуфскому и сарыкольскому.

В бартангском и рошорвском шугнанской синтетической форме соответствует аналитическая конструкция, образуемая сложением перфекта лексического глагола с формой претерита

[4] Согласно [Эдельман 1990: 114], в шахдаринском диалекте шугнанского используются и суффикс *-at*, и суффикс *-it*, при этом шахдаринский диалект распространён к юго-востоку от Хорога, то есть на территории, не примыкающей к ареалам рушанского и хуфского языков. Работа, проведённая в 2024 г. в кишлаке Нижний Бидиз, который относится к шахдаринскому диалекту, показала, что опрошенные мной жители этого кишлака используют суффикс *-it*.

вспомогательного глагола *vi:vud* ‘быть’[5] [Карамхудоев 1973: 171–172; Курбанов 1976: 126]. Вспомогательный глагол в этом случае (как и форма перфекта лексического глагола) согласуется с подлежащим по роду (2). При этом, по замечанию Н. Карамхудоева, в переходных клаузах с подлежащим в единственном числе всегда употребляется форма мужского рода единственного числа *vud*, вне зависимости от рода подлежащего (3) [Карамхудоев 1973: 171].

бартангский

(2) a. *yim ar-um **sic** **vad**.*
D1.SG DOWN-D3 идти.PF.F быть.PST.F
‘Она туда **ходила**.’

b. *yim ar-um **suč** **vud**.*
D1.SG DOWN-D3 идти.PF.M быть.PST.M
‘Он туда **ходил**.’ [Карамхудоев 1973: 171]

бартангский

(3) a. *um=i mis **luv-ǰ** **vud**.*
D3.F.SG.O=3SG тоже говорить-PF быть.PST.M
‘Она тоже **сказала**.’

b. *wi=yi mis **luv-ǰ** **vud**.*
D3.M.SG.O=3SG тоже говорить-PF быть.PST.M
‘Он тоже **сказал**.’ [Карамхудоев 1973: 171]

В язгулямском, ишкашимском и сангличском языках используются аналитические конструкции, аналогичные бартангской и рошорвской [Эдельман 1966: 56; Пахалина 1959: 55; Юсуфбеков 2000: 118]. В язгулямском при образовании плюсквамперфекта основа подвергается усечению: если в собственно форме перфекта конечный согласный основы *-g* опционален, то в плюсквамперфекте он всегда выпадает. Так, в примере (4) это показано для основы перфекта *itag* глагола ‘приходить’. В сангличском, по сообщению Ш. П. Юсуфбекова, используется усечённая форма, однако он приводит примеры с конечным *-k* в скобках, что можно понимать как

[5] В статье используется общепринятая в памироведении традиция записи глагольных лексем по схеме <основа презенса>:<основа претерита (муж. р. ед. ч.)> (например, *vi:vud* ‘быть’).

свидетельство его опциональности (5). В ишкашимском, по-видимому, усечения конечного велярного согласного не происходит (6).

язгулямский

(4) *az=əm* ***ita*** ***vad***.
PRON.1SG=1SG приходить.PF быть.PST
‘Я **пришёл**.’ [Эдельман 1966: 56]

сангличский

(5) *pərsāl* ***ōyodu(k)*** ***vəd***.
прошлый_год приходить.PF быть.PST
‘[Он] **приехал** [ещё] в прошлом году.’ [Юсуфбеков 2000: 118]

ишкашимский[6]

(6) *nawůk ref* ***vůst-ůk*** ***vəd=əm***.
новый веник вязать-PF быть.PST=1SG
‘Новый веник я **связала**.’ [Пахалина 1959: 55]

Отдельного рассмотрения заслуживает ситуация в ваханском. В середине XX в., по свидетельству Т. Н. Пахалиной, ваханская форма плюсквамперфекта была в процессе превращения из аналитической в синтетическую [Пахалина 1966а: 409]. Ваханский суффикс плюсквамперфекта выглядит как *-(ə)tu* (западный диалект) / *-(ə)tɨw* (восточный диалект) и происходит от идентичной формы претерита глагола ‘быть’ *təy:tɨw* [Пахалина 1975а: 77, 84; Лашкарбеков 1984: 129][7]. При образовании плюсквамперфекта у

[6] В ишкашимском языке перфект регулярно образуется от основы претерита с помощью суффикса *-ůk*. При глоссировании формы перфекта я опускаю глоссу [PST] в корне глагола для краткости и ясности.

[7] Ваханский язык располагает двумя основами глагола бытия, взаимоотношения которых друг с другом разные исследователи представляют по-разному. Т. Н. Пахалина считала, что это супплетивные основы одного глагола: *ɨməy* — основа презенса (от неё также образуется инфинитив), а *tɨw* — претерита (от неё образуется перфект), в то время как *təy* — копула, выделенная в отдельную словарную статью [Пахалина 1975а]. А. Л. Грюнберг и И. М. Стеблин-Каменский и Э. Башир приводят те же две основы, а *ɨməy* называют «модальной» (неиндикативной) основой глагола ‘быть’ [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976: 603; Bashir 2009: 835–836]. Б. Б. Лашкарбеков называет *ɨməy* недостаточным глаголом [Лашкарбеков 1984: 130].

основы перфекта выпадает конечный велярный *-k*/*-g* (имеющийся у большинства глаголов) (7) и происходит оглушение оставшегося в конце основы согласного (8). Исключение составляют основы на *-ng*, у которых согласный сохраняется (9).

Таблица 1. Сравнение ваханских форм перфекта и плюсквамперфекта [Пахалина 1975а: 77–78]
Table 1. Comparison of Wakhi Perfects and Pluperfects

	глагол	**форма перфекта**	**форма плюсквамперфекта**
(7)	*ɨf:oft* ‘ткать’	*ɨfətk* ткать.PF	*ɨfə(t)-tɨw* ткать[PF]-быть.PST
(8)	*wəzəy:wəzd* ‘приходить’	*wəzg* приходить.PF	*wəs-tɨw* приходить[PF]-быть.PST
(9)	*rəd:rən* ‘убегать’	*rəng* убегать.PF	*rəng tɨw* убегать.PF быть.PST

По-видимому, Т. Н. Пахалина также имеет в виду, что у всех основ, кроме оканчивающихся на *-ng*, форма плюсквамперфекта представляет собой одно просодическое слово, но детали не вполне ясны [Пахалина 1975а: 77–78][8]. В другой публикации она утверждает, что форма с сохранением *-ng* более характерна для речи старшего поколения, но не приводит альтернативных

[8] Б. Б. Лашкарбеков сообщает, что форма плюсквамперфекта в современном языке начинает также образовываться от основы презенса [Лашкарбеков 1985: 107]. Это же утверждение повторяется в работе Э. Башир [Bashir 2009: 839], которая ссылается на Т. Н. Пахалину [Пахалина 1975а: 77] (где такого утверждения мне найти не удалось), и А. Л. Грюнберга и И. М. Стеблина-Каменского, которые, действительно, в начале раздела о плюсквамперфекте утверждают, что эта форма образуется от основы презенса [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976: 598–599]. По-видимому, в указанном фрагменте их книги допущена опечатка; дальнейшее описание и примеры показывают, что имеется в виду основа перфекта. Несколько примеров, приведённых в качестве иллюстрации Б. Б. Лашкарбековым и Э. Башир, объясняются тем, что у этих глаголов основа презенса совпадает с корнем основы перфекта: к примеру, плюсквамперфект от глагола *wɨzɨm:wozomd* ‘держать’, который выглядит как *wɨz(ɨ)m-ətu*, происходит всё же от перфектной формы *wɨz(ɨ)mətk*. Приходится сделать вывод, что этот сюжет проник в некоторые публикации, посвящённые ваханскому, в результате ошибки.

примеров с их усечением, которые бы встречались в речи молодёжи [Пахалина 1975b: 244].

В некоторых памирских языках развились также дополнительные аналитические формы с основой перфекта. В ваханском появилась целая серия форм: к плюсквамперфекту добавились «прошедшее предположительное» (вспомогательный глагол *ɨməy* ‘быть’ в презенсе) и «преждепрошедший перфект» (вспомогательный глагол *təy:tɨw* ‘быть’ в перфекте: *tɨwətk*) [Пахалина 1975a: 78–79; Лашкарбеков 1984: 129]. Эти формы по своему строению и употреблению схожи с серией перфектных форм в таджикском (ср. [Perry 2005: 231–237]). В дальнейшем для ясности я упоминаю их под ярлыками «предположительный перфект» и «двойной перфект» (под термином «двойной перфект» подразумевается аналитическая форма, в которой оба глагола — и лексический, и вспомогательный — стоят в форме перфекта). Вместе с плюсквамперфектом они образуют отдельную серию аналитических форм, выстраивающуюся в парадигму, параллельную синтетическим формам презенса, претерита и перфекта: форма вспомогательного глагола в аналитической серии соответствует форме лексического глагола в синтетической серии, в то время как лексический глагол аналитических форм всегда имеет форму перфекта (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Синтетическая и аналитическая серии глагольных форм в ваханском языке на примере глагола *if:oft* ‘ткать’
[Пахалина 1975b: 243–245]
Table 2. Synthetic and periphrastic series of Wakhi verb forms, exemplified by the verb *if:oft* ‘weave’

синтетическая серия	**аналитическая серия**
презенс *if-* ткать.PRS	предположительный перфект *ɨfətk* *ɨmɨ-* ткать.PF быть.PRS
претерит *oft* ткать.PST	плюсквамперфект *ɨfə(t)-tɨw* ткать[PF]-быть.PST
перфект *ɨfətk* ткать.PF	двойной перфект *ɨfətk* *tɨwətk* ткать.PF быть.PF

А. Л. Грюнберг и И. М. Стеблин-Каменский не считали эти конструкции полноценно сложившимися аналитическими формами и особо отметили их редкость [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976: 631–632]; Б. Б. Лашкарбеков выделил в качестве отдельной формы только предположительный перфект, но не двойной перфект [Лашкарбеков 1984: 129]. Я. Обртелова отмечает, что и форма плюсквамперфекта в ваханском встречается сравнительно редко и, по её мнению, вытесняется перфектом [Obrtelová 2019: 258].

Такая же система засвидетельствована и в сарыкольском (10), где Т. Н. Пахалина также называет предположительный и двойной перфект «сравнительно недавними образованиями» [Пахалина 1989: 208].

сарыкольский

(10) *yi* *xalg* ***məɣǰ*** ***vid.***
D1.SG человек умирать.PF быть.PRS.3SG
‘Тот человек, [должно быть,] **умер**.’ [Пахалина 1989: 208]

Аналогичный предположительный перфект отмечен в ишкашимском [Пахалина 1959: 55–56, 1966b: 426], а двойной перфект — в язгулямском (11) [Эдельман 1966: 56], где Д. И. Эдельман называет его редкой конструкцией, которая находится «на пути превращения в форму» и является калькой с таджикского. Вместе с тем в сравнительной работе [Пахалина 1975b: 244] указывается, что обе формы есть как в ваханском и сарыкольском, так и в язгулямском и ишкашимском.

язгулямский

(11) *Qurbonǰon=ay* ***šəda*** ***vəda***.
Курбонджон=3SG уходить.PF быть.PF
‘Курбонджон, [оказывается,] уже **ушёл**.’ [Эдельман 1966: 56]

Причины сосуществования синтетического (в шугнанском, рушанском, хуфском и сарыкольском) и аналитического (в бартангском и рошорвском) плюсквамперфектов внутри шугнано-рушанской группы не вполне ясны. В. С. Соколова считала, что в бартангском когда-то также существовал синтетический

плюсквамперфект, но позже он был «утрачен и заменён аналитической формой» [Соколова 1963: 75, 1966: 378]. Вместе с тем Л. Р. Додыхудоева, цитируя В. С. Соколову, передаёт (видимо, по ошибке), что та возводила суффикс плюсквамперфекта к глаголу *vi:vud* ‘быть’ [Додыхудоева 1988: 76]. Точку зрения о происхождении этого суффикса от глагола *vi:vud* ‘быть’, однако, высказывала Д. И. Эдельман [Эдельман 1990: 114]. Т. Н. Пахалина также считала, что суффиксы, «несомненно, ⟨…⟩ исторически представляют собой какое-то реликтовое глагольное образование» [Пахалина 1975b: 244], но она возводила суффикс *-at*/*-it* к форме **asta*, причастию от древнеиранского глагола *(*a*)*h*- ‘быть’ (который, например, в шугнанском сохранился в застывшей форме в виде слова *yast* ‘есть, имеется’), а не к современному шугнано-рушанскому *vi:vud*, который, в свою очередь, реконструируется к древнеиранской основе **būya*- ‘быть, становиться’ (ср. авест. *bav*-) [Пахалина 1975b: 244, 1989: 192, 202–203]. Ваханскую форму *tɨw* Т. Н. Пахалина возводила к сочетанию причастия **asta* (от глагола *(*a*)*h*-) и такого же причастия **vut* (от глагола **būya*-) [Пахалина 1975b: 244]. Между тем в литературе предлагаются разные версии происхождения ваханского глагола бытия. М. Н. Боголюбов считал, что основа презенса *təy* восходит к *(*a*)*h*-, а форма претерита *tɨw* — к **būya* [Боголюбов 2012: 34]. И. М. Стеблин-Каменский возводил этот глагол к древнеиранской основе **hišta* (авест. **stā*) ‘стоять, ставить’, отмечая сходное развитие в ряде индоарийских языков [Стеблин-Каменский 1999: 366–367]. Согласно другой точке зрения, как и в некоторых других новоиранских языках, этот глагол произошёл от указательного местоимения, а именно древнеиранского **aita*- [Korn 2011: 56].

Таким образом, среди памирских языков только некоторые языки шугнано-рушанской группы (шугнанский, хуфский, рушанский, сарыкольский) образуют плюсквамперфект синтетически. Остальные же образуют эту форму аналитически, и более того, развили иные похожие аналитические конструкции (вероятно, под влиянием таджикского). Аналитическое образование плюсквамперфектов как конструкций, состоящих из причастной формы и вспомогательного глагола, широко распространено в языках мира, в то время как синтетические плюсквамперфекты

более редки [Сичинава 2013: 17–18][9]. Происхождение двух разных стратегий образования плюсквамперфекта в шугнано-рушанской группе остаётся неясным. Ситуация в сарыкольском языке представляется особенно необычной, так как он сочетает синтетический плюсквамперфект и аналитические формы предположительного и двойного перфекта. Все стратегии образования формы плюсквамперфекта в памирских языках представлены в Таблице 3 (в конце раздела 3.1).

3. Семантика

Семантика плюсквамперфектных форм разных памирских языков в советских и постсоветских научных работах описывается очень похоже — и вместе с тем авторы почти всегда указывают на сосуществование нескольких значений, описание которых часто выглядит довольно абстрактно. Это неудивительно: известно, что плюсквамперфекты в языках мира крайне склонны к полисемии, а правила их использования часто сильно зависят от контекста и субъективного восприятия ситуации говорящими, что затрудняет исследование их семантики [Сичинава 2013: 21–22]. Большинство описаний памирских языков упоминают в качестве основных значений плюсквамперфектов «давнопрошедшее» и «предпрошедшее» (или «предшествование [другому событию]»), а также отмечают их использование в ирреальных контекстах. В этом разделе обсуждаются данные о семантике этих форм, полученные из различных источников (раздел 3.1), а затем описываются результаты исследования плюсквамперфекта в современных шугнанском (раздел 3.2) и ишкашимском (раздел 3.3) языках. Описание семантики предположительного перфекта и двойного перфекта, упомянутых в разделе 2, представляется невозможным без непосредственной работы с носителями языков, так как в литературе данные об употреблении этих форм очень скудны. По этой причине в дальнейшем рассматриваются только значения плюсквамперфекта.

[9] Среди новоиранских языков синтетическое образование плюсквамперфекта было также найдено в ларском языке [Выдрин 2023: 107].

3.1. Обзор литературы

В своей обзорной статье В. С. Соколова отмечает следующие значения у плюсквамперфектов шугнано-рушанской группы: давнопрошедшее, предпрошедшее и «неосуществившееся действие в прошлом» («чуть не…») [Соколова 1966: 380]. Значения «давнопрошедшего» (12) (события, произошедшие в далёком прошлом) и «предпрошедшего» (13) (события, произошедшие раньше некоторых других событий в прошлом) обычно считаются основными в грамматиках отдельных памирских языков. Чаще всего эти два значения приводятся вместе, хотя некоторые авторы выбрали в качестве основного только одно из них.

рушанский
(12) ⟨…⟩ *qat* *mu* *mo* *māš-re*
всегда PRON.1SG.O мать PRON.1PL-DAT
naql ***čūǰ-it***.
рассказ делать.PF-PQP
‘⟨О прошлых временах⟩ нам всегда **рассказывала** мама.’
[Файзов 1966: 115]

рушанский
(13) *mu* *puc* *si-d-ōw=re*
PRON.1SG.O сын(м) стать-INF-PURP=DAT
yi *sōl* ***suǰ-it***=*at*,
один год стать.PF.M.SG-PQP=COORD2
mu *rizen* *sat*.
PRON.1SG.O дочь(F) стать.PST.F/PL
‘После того, как моему сыну **исполнился** год, родилась моя дочь.’ [Файзов 1966: 115]

Иногда авторы специально указывают, что в одних случаях событие, служащее точкой отсчёта для значения предпрошедшего, может быть указано эксплицитно (13), в других же точкой отсчёта является просто некоторый абстрактный момент в прошлом (14) [Карамшоев 1963: 163; Файзов 1966: 115; Эдельман 1966: 56; Карамхудоев 1973: 172].

шугнанский (баджувский диалект)

(14) *mu pid xu zindagī=indīr=i*
PRON.1SG.O отец REFL жизнь=LOC=3SG
lův-ǰ-at *idi* ⟨…⟩.
говорить-PF-PQP COMPL
‘Мой отец ещё при жизни [т. е. до своей смерти — прим. источника] **сказал**: ⟨в левую степь не ходи на охоту⟩.’ [Карамшоев 1963: 163]

Эти два употребления плюсквамперфекта, по-видимому, можно обобщить следующим образом: они указывают на то, что временная референция события отсчитывается относительно некоторого законченного периода в прошлом, а удалённость события во времени и предшествование другому событию являются только лишь коррелятами этой семантики. Использование плюсквамперфекта позволяет «вынести» событие из основной линии повествования в абстрактное прошлое (15). Именно этот традиционный для плюсквамперфектов кластер значений в работе [Сичинава 2013: 40–42] называется общим термином «сверхпрошлое». К сожалению, более современное и точное описание семантики и разграничение этих значений невозможно без детальных исследований с участием носителей соответствующих языков.

бартангский

(15) *o ik=wal yā ca* ***yac***
PTCL EMPH=тогда D3.F.SG SUBD приходить.PF.F
vad, *ik=ā vo yac.*
быть.PST.F EMPH=D3.F.SG опять приходить.PF.F
‘Помнишь, та, которая когда-то **приходила**, опять пришла.’ [Карамхудоев 1973: 172]

Значение «неосуществившегося» действия, также упомянутое В. С. Соколовой [1966: 380], в типологической литературе часто называется терминами «авертив» или «проксиматив» [Сичинава 2013: 29]. В. С. Соколова отмечает, что значение авертива встречается у плюсквамперфектов во всех шугнано-рушанских языках, кроме бартангского и рошорвского. В работах, посвящённых этим языкам [Карамхудоев 1973; Курбанов 1976], это значение

также не упоминается (при этом, согласно Н. Карамхудоеву, оно может выражаться бартангским перфектом [Карамхудоев 1973: 170]). Однако упоминания авертива можно найти в некоторых грамматических описаниях других памирских языков: в грамматиках рушанского (16) [Файзов 1966: 115–116] и ваханского [Пахалина 1975b: 84; Bashir 2009: 839].

рушанский

(16) *mare=m* ***wêx̌č-it***.
чуть_не=1SG падать.PF-PQP
‘Я **чуть не упал.**’ [Файзов 1966: 115]

Примеры на авертивное значение в литературе всегда содержат лексемы со значением ‘чуть не’. По-видимому, авертивная интерпретация в примерах типа (16) появляется из-за сочетания таких лексем с формой плюсквамперфекта. Как будет показано в разделе 2.3, это предположение подтверждается на материале современного шугнанского.

Многие авторы отмечают использование плюсквамперфектов в различных «ирреальных» и неиндикативных контекстах[10], в том числе в условных конструкциях. В шугнанском языке плюсквамперфект может встречаться как и в протасисе, и в аподосисе (17), так и только в аподосисе (18) или только в протасисе (19). При этом, как будет показано в разделе 3.2, как минимум в шугнанском языке (но, вероятно, и в других) контрфактические условия могут вообще не включать в себя форму плюсквамперфекта. Различные формулировки, связанные с ирреальностью или условными конструкциями, встречаются в описаниях шугнанского, рушанского, сарыкольского и ваханского. (Ш. П. Юсуфбеков также упоминает значение ирреальности для сангличского, но не приводит ни одного примера [Юсуфбеков 2000: 118].)

[10] Здесь я употребляю термин «ирреальность» вслед за грамматическими описаниями памирских языков, которые, к сожалению, не уточняют, как именно определяется это понятие (о сложностях, связанных с определением этого термина, см. сборник [Ландер и др. 2004]).

шугнанский (баджувский диалект)

(17) *wim-ird* *foraǩ* *ca* ***vūδǰ-at***,
D3.F.SG.O-DAT желание(М) SUBD быть.PF.M.SG-PQP
yā ***yiθč-at***.
D3.F.SG приходить.PF-PQP
'Если бы ей **захотелось**, она бы **пришла**.'
[Карамшоев 1963: 163]

шугнанский (баджувский диалект)

(18) *dāδ* *tu* *mis* *yiθč*,
тогда PRON.2SG тоже приходить.PF
tu-rd=um *mis* ***dāk-čūǰǰ-at***.
PRON.2SG-DAT=1SG тоже давать-делать.PF-PQP
'Если бы ты тоже пришёл, я и тебе тоже **дал бы**.'
[Карамшоев 1963: 163]

шугнанский (г. Хорог)

(19) *tu=t* *aga* *mu* *žīwǰ* *ca*
PRON.2SG=2SG если PRON.1SG.O любить SUBD
čūǰǰ-at, *uz=um* *xuš* *vuδǰ*.
делать.PF-PQP PRON.1SG=1SG счастливый быть.PF.M.SG
'Если бы тогда ты меня **полюбил(а)**, я был бы счастлив.' (элицитация, 2024 г.)

Ирреальные и модальные употребления включают в себя не только условия. В рушанском, бартангском и ваханском авторы отмечают употребления в контексте предположения при наличии необходимых модальных выражений (20) [Файзов 1966: 116; Карамхудоев 1973: 173; Obrtelová 2019: 271], для рушанского М. Файзов также сообщает об употреблении в контекстах долженствования и ирреального пожелания (21).

бартангский

(20) *wāδ=an* *baɣay* *as tamāš*
D3.PL=3SG вероятно EL PRON.2PL
xīz ***yač*** ***vad***.
APUD приходить.PF быть.PST.F
'Они, по-видимому, **пришли** оттуда, где вы находились (= букв. 'от вас').' [Карамхудоев 1973: 173]

рушанский

(21) *kōšge=m* ***suǰ-it*** *x̌ê-t-ōw.*
вот_бы=1SG идти.PF.M.SG-PQP читать-INF-PURP
‘Хоть бы [я] **поехал** учиться.’ [Файзов 1966: 116]

Вероятно, некоторые из этих семантических ярлыков на самом деле не играют роли при выборе формы плюсквамперфекта. Так, (20) и прочие примеры на значение «предположения» из литературы можно объяснить традиционной для плюсквамперфекта семантикой «сверхпрошлого». Пример (21), с другой стороны, отсылает к несвершившемуся, но желаемому событию, то есть относится к сфере ирреалиса и не может быть объяснён традиционным значением плюсквамперфекта.

В сарыкольском (22) и ваханском (23), которые располагают особой клаузальной дуративной / имперфективной клитикой (*=ik* в сарыкольском, *=(ə)š̌(ək)* в ваханском), значение ирреалиса в грамматиках связывается именно с комбинацией формы плюсквамперфекта и этой клитики [Пахалина 1975а: 83; Obrtelová 2019: 270–271; Palmer 2016: 105, 112]. Для ваханского встречаются примеры не только условий, но и, например, ирреальных пожеланий (24).

сарыкольский

(22) *tuǰik* *teɣ=**ik*** *ca* ***vêδǰ-it***,
таджикский свадьба=DUR SUBD быть.PF-PQP
*waz=am=**ik*** *a-ta* ***yuδǰ-it***.
PRON.1SG=1SG=DUR ACC-PRON.2SG.O нести.PF-PQP
‘Если бы [это] **была** таджикская свадьба, я бы тебя **взял(а)**.’
[Palmer 2016: 112]

ваханский

(23) ***pil=əš̌*** *cə* ***tuə-tu***,
деньги=IPFV SUBD быть[PF]-быть.PST
ž̌i *nan* *x̌at=**əš̌*** *magazin* *wəzdi.*
PRON.1SG.P мать REFL=IPFV магазин приходить.PST
‘Если бы деньги **были**, моя мать сама пошла бы в магазин.’
[Obrtelová 2019: 270]

ваханский

(24) *yi loy=əm=šə yaw cə* ***winə-tiw***,
один раз=1SG=IPFV D3.SG SUBD видеть[PF]-быть.PST
baf=šə ***vi-tiw***.
хорошо=IPFV стать[PF]-быть.PST
‘Хорошо [**было** бы], если бы я его **увидел** хоть раз.’
[Лашкарбеков 1984: 131]

В сарыкольском, по замечанию Т. Палмера, плюсквамперфект может использоваться в том числе в экспериенциальных контекстах — то есть для предикаций, отражающих опыт (не)совершения действия в неопределённом прошлом (*Я никогда не был в Хороге*) (о понятии экспериенциальности см. работу [Вострикова 2010]). Примеры, которые можно было бы назвать экспериенциальными, встречаются и в советских работах, но в них экспериенциальность никогда не обсуждается как потенциально значимый семантический компонент. Впрочем, в итоге Т. Палмер отказывается ассоциировать использование плюсквамперфекта с экспериенциальной семантикой и вместо этого использует для него термин *cessative*, имея в виду, что он обозначает завершённые действия в прошлом, не продолжающиеся в настоящее время [Palmer 2016: 102–105]. По сути это описание напоминает кластер значений, называемый в типологической литературе «сверхпрошлым», «неактуальным прошедшим» [Сичинава 2013: 40–42] или *discontinuous past* [Plungian, van der Auwera 2006].

Для сангличского плюсквамперфекта Ш. П. Юсуфбеков отмечает также употребления, схожие с обычным эвиденциальным перфектом [Юсуфбеков 2000: 118]. Так, конструкцию в примере (25), по-видимому, нужно понимать как ретроспекцию перфекта в значении непрямой эвиденциальности (к сожалению, более подробный контекст в источнике отсутствует). Эту же функцию упоминает Д. И. Эдельман для язгулямского [Эдельман 1966: 56].

сангличский

(25) *az=əm* ***šīdō*** ***vəd***.
PRON.1SG=1SG идти.PF быть.PST
‘Я, оказывается, **ушёл**.’ [Юсуфбеков 2000: 118]

Как сообщается в работе [Parker 2023: 350], в современном шугнанском языке плюсквамперфект сохранил только контрфактическое значение — то есть обозначает события, которые могли свершиться, но не свершились [Плунгян 2004: 274]. При этом в прошлом употребления в значениях сверхпрошлого точно имели место, о чём свидетельствуют и описания, и примеры из грамматик и текстов середины XX в. типа (26)=(14). Этот вопрос подробнее обсуждается в разделе 3.2.

шугнанский (баджувский диалект)

(26) *mu pid xu zindagī=indīr=i*
PRON.1SG.O отец REFL жизнь=LOC=3SG
lův-ǰ-at *idi* ⟨…⟩.
говорить-PF-PQP COMPL
'Мой отец ещё при жизни [т. е. до своей смерти — прим. источника] **сказал**: ⟨в левую степь не ходи на охоту⟩.' [Карамшоев 1963: 163]

В таблице ниже приведены данные о морфосинтаксической структуре и семантике формы плюсквамперфекта в девяти памирских языках, полученные из литературы (данные о семантике в рошорвском и хуфском идиомах очень скудны и потому не включены в таблицу).

Имеющиеся на данный момент (преимущественно советские) грамматические описания дают только примерную и фрагментарную картину полисемии плюсквамперфектов в памирских языках. Вероятно, все выделенные значения (кластер «сверхпрошлого», ирреальные условия, пожелания, авертив) встречаются не только в тех языках, для которых они указаны. Так, например, представляется маловероятным, что значение авертива имеется у плюсквамперфекта только в рушанском и ваханском (например, в следующем разделе оно будет также упомянуто для шугнанского), — по-видимому, оно может присутствовать и у аналогичных форм в других памирских языках, но пока что не было эксплицитно зафиксировано в научной литературе.

Таблица 3. Устройство и значения плюсквамперфектов в памирских языках
Table 3. Structure and meaning of Pluperfects in Pamir languages

язык	**форма**	**упомянутые значения**	**источники**
язгулямский	PF + быть.PST (*vad*)	ПРЕД, ретросп. перфект	[Эдельман 1966: 56]
шугнано-рушанские	см. ниже	ДАВНО, ПРЕД, авертив (кроме барт. и рошорв.)	[Соколова 1966: 380]
		ДАВНО и ПРЕД, ИРР (в условных предложениях)	[Пахалина 1989: 207–208]
бартангский	PF + быть.PST (*vud*/*vad*)	ДАВНО	[Карамхудоев 1973: 171–173]
сарыкольский	PF-*it*	*distant past*/ ретросп. перфект, ИРР (с дур. клитикой)	[Palmer 2016: 102–105, 111–112]
рушанский	PF-*it*	ДАВНО, ПРЕД, ИРР, авертив	[Файзов 1966: 114–115]
шугнанский	PF-*at*	ДАВНО, ПРЕД, ИРР	[Карамшоев 1963: 163; Parker 2023: 350]
ишкашимский	PF + быть.PST (*vəd*)	ДАВНО, ПРЕД	[Пахалина 1959: 55; Пахалина 1966b: 426]
сангличский	PF + быть.PST (*vəd*)	ДАВНО, ПРЕД, ретросп. перфект	[Юсуфбеков 2000: 118]
ваханский	PF-(*ə*)*tu* ← PF + быть.PST (*tɨw*)	ДАВНО, ПРЕД, ИРР (с имперф. клитикой), авертив	[Пахалина 1975a: 77, 84; Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976: 625; Лашкарбеков 1984: 129; Bashir 2009: 838–839]

Примечание. В таблице использованы сокращения ДАВНО (давнопрошедшее), ПРЕД (предпрошедшее) и ИРР (ирреалис).

3.2. Современный шугнанский

В 2023 г. в ходе поездки в г. Хорог (Таджикистан) я провёл исследование семантики формы плюсквамперфекта в современном шугнанском. Хорог — административный центр и единственный город Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана, крупнейший населённый пункт шугнаноязычного ареала. Анкета для исследования была составлена на основе типологии значений категории плюсквамперфекта, описанной в работе [Сичинава 2013: 17–42]. Все примеры в этом разделе, не имеющие ссылки на источник, получены с помощью элицитации.

Выяснилось, что носители хорогского шугнанского запрещают употребление плюсквамперфекта как в контекстах со значением «предпрошедшего» («прошедшего в прошлом»), так и в контекстах сверхпрошлого. Так, в примере (27), который иллюстрирует значение «результирующего состояния в прошлом» [Сичинава 2013: 25], информанты использовали перфект как с контекстом, в котором человек всё ещё находится в г. Душанбе, так и с контекстом, где он уже сутки как вернулся обратно — и в обоих случаях запретили плюсквамперфектный суффикс *-at*.

(27) *uz=um* *nur=ard* *fām-t* *idi*,
PRON.1SG=1SG сегодня=DAT знать-PST COMPL
yu *ar* *Dušānbe* ***tūyǰ*** / **tūyǰ-at*.
D3.M.SG DOWN Душанбе идти.PF.M.SG идти.PF.M.SG-PQP
1. ‘Я только сегодня узнал, что он **уехал** в Душанбе.’
2. ‘Я только сегодня узнал, что он **уезжал** в Душанбе (и вчера вернулся).’

Часто используемый в исследованиях видовременных систем стимул (28) дал те же результаты. Ни акцент на удалённости в прошлое, ни эксплицитное упоминание неактуальности события не позволили носителям разрешить использование *-at* в примере (29). Также плюсквамперфект не используется для выражения аннулированного результата; эта семантика может выражаться конструкцией с результативным причастием на *-in*. Это демонстрирует пример (30), в котором вместо формы

плюсквамперфекта *mūy̌ǰat* употреблена конструкция с причастием и вспомогательным глаголом ‘быть’: *mūy̌ǰin vud* ‘был умершим’ (об этом примере из Евангелия см. [Сичинава 2023: 414–416]).

(28) *toq=i* *čāy* *yet* ***čūǰ*** / **čūǰ-at?*
окно=3SG кто открытый делать.PF делать.PF-PQP
‘[В комнате холодно, хотя окно сейчас закрыто.] Кто **открывал** окно?’

(29) *tu=t* *piro* *sol-en* *ar* *Rixů́n*
PRON.2SG=2SG до год-PL DOWN Рушан
zindagi ***čūd*** / **čūy̌ǰ-at,*
жизнь делать.PST делать.PF-PQP
at *šič* *pi* *Xaraɣ* *zindagi-yi.*
COORD2 сейчас UP Хорог жизнь-PRS.2SG
‘Ты раньше **жил** в Рушане, а теперь живёшь в Хороге.’

(30) *Yid* ***mūy̌ǰ-in*** ***vud****=xu,*
D2.SG умирать.PF-PTCP быть.PF.M.SG=COORD1
šič *zindā* *sut…*
сейчас живой стать.PST.M.SG
‘Он **был мёртв** — и ожил…’ (Лука 15:24) [Dodixudoev 2001: 58][11]

Таким образом, можно заключить, что у современного хорогского плюсквамперфекта весь традиционный кластер значений «сверхпрошлого» оказался утрачен. Примеры из старых текстов типа (26) все опрошенные хорогцы однозначно считали некорректными. Некоторые информанты после наводящих вопросов предположили, что могли слышать подобные употребления от пожилых родственников, но такие носители в г. Хорог мне не встретились. Между тем в корпусе устных текстов [Makarov et al. 2022] можно встретить по крайней мере одно употребление, похожее на значения «сверхпрошлого» — из текста, записанного участниками проекта в 2018 г. в кишлаке Парзудж,

[11] Если не указано иное, для примеров из Библии в статье используется Современный перевод Всемирного библейского переводческого центра (WBTC).

который принадлежит к ареалу шахдаринского говора шугнанского языка (к юго-востоку от Хорога) (31).

(31) ⟨…⟩ *ik=ā* *xolā* *Gulnamo* ***lův-ǰ-at***…
EMPH=D3.F.SG тётя(F) Гулнамо говорить-PF-PQP
xolā *Gulnamo večni* *tar* *sur-en* ***sic-at***.
тётя(F) Гулнамо вечно EQ свадьба-PL идти.PF.F/PL-PQP
‘⟨Ешьте, у них ещё есть,⟩ как тётя Гулнамо **говорила**… тётя Гулнамо вечно по свадьбам **ходила**.’ [Корпус (к. Парзудж, запись 2018 г.)]

Можно предположить, что в некоторых диалектах шугнанского традиционная семантика плюсквамперфекта сохранилась лучше, чем в г. Хорог. Между тем в 2024 г. во время поездки в кишлак Нижний Бидиз, расположенный недалеко от Парзуджа, мне не удалось полноценно подтвердить возможность употреблений с семантикой «сверхпрошлого». Жители кишлака не порождали плюсквамперфект в контекстах типа (27)–(29) и запрещали его использование в подобных контекстах. Один из опрошенных носителей (мужчина приблизительно 1960 г. р.) в процессе разговора кратко упомянул, что употребление формы плюсквамперфекта в контекстах типа (29) похоже на речь пожилого человека, который рассказывает о своём детстве. Однако в других предложениях этот информант вновь запрещал использование плюсквамперфекта.

Единственным современным письменным текстом с традиционным употреблением плюсквамперфекта в значении из сферы «сверхпрошлого», который мне удалось найти, является перевод Евангелия от Луки, выполненный в 1990-е гг. Р. Х. Додыхудоевым и опубликованный в 2001 г. [Dodixudoev 2001]. Это издание представляет собой перевод отрывков из 11 глав Евангелия от Луки на шугнанский общим объёмом в 181 стих и 764 клаузы. Плюсквамперфект в этой публикации встречается семь раз, большинство употреблений — в 23-й и 24-й главах. Контексты употребления плюсквамперфекта ни в одном из этих случаев нельзя объяснить контрфактичностью, а в некоторых они очевидно связаны со сферой «сверхпрошлого» (32)–(33). По-видимому, в этом аспекте язык перевода Евангелия является отчасти архаичным,

хотя, по словам Л. Р. Додыхудоевой (л. с.), задачи намеренной архаизации при переводе не ставилось.

(32) ⟨…⟩ *Wev=qati=yen ў inik-en mis, idê*
D3.PL.O=COM=3PL женщина-PL тоже COMPL
Yeso=qati=yen as ǰalīl ca ***yaθč-at****.*
Иисус=COM=3PL EL Галилея SUBD приходить.PF-PQP
‘⟨А все, кто знал Иисуса, вдали стояли и смотрели.⟩ С ними были также женщины, которые **пришли** с Иисусом из Галилеи.’ (Лука 23:49; перевод мой) [Dodixudoev 2001: 70]

(33) *Tama bayoδ nist nā, yidê Yu*
PRON.2PL в_памяти быть.NEG NEG.Q COMPL D3.M.SG
tama-rd=i tar ǰalīl=aθ čīz ***lův-ў-at****?*
PRON.2PL-DAT=3SG EQ Галилея=INT вещь говорить-PF-PQP
‘Помните, что Он вам говорил, когда ещё был в Галилее…’ (Лука 24:6–7) [Dodixudoev 2001: 72]

Значения экспериенциальности и эвиденциальности, перечисленные в работе [Сичинава 2013: 31–39], также отсутствуют у шугнанского плюсквамперфекта — они в современном шугнанском закреплены за формой перфекта [Меленченко 2023]. Также носители запрещали использование этой формы в значении кунктатива («ещё не…»), которое Д. В. Сичинава также упоминает как одно из возможных для плюсквамперфектов [Сичинава 2013: 30]. Доступными для формы плюсквамперфекта, как и ожидалось, оказались модальные контексты, в том числе контрфактические условные конструкции (34) (в то время как реальные условия, как показано в (35), выражаются презенсом с клитикой будущего времени *=ta*) и ирреальные пожелания говорящего (36). (О выражении пожеланий с помощью ирреальных показателей см., например, [Добрушина 2004].)

(34) *uz=um xu čodar-en biyor ca* ***zinoδ-ў(-at)****,*
PRON.1SG=1SG REFL бельё-PL вчера SUBD стирать-PF-PQP
wev=um as sim=ti ***zoж-t*** */* ***zoж-č(-at)****.*
D3.PL.O=1SG EL верёвка=SUP взять-PST взять-PF-PQP
‘Если бы я вчера **постирала** бельё, я бы его **сняла** с верёвки.’

(35) *uz taš agar nur sarāki Dušānbe ca*
PRON.1SG PROSP если сегодня утро Душанбе SUBD
tī-m, x̌āb-ard=ta firāp-um.
уходить-PRS.1SG вечер-DAT=FUT достигать-PRS.1SG
‘Если я сегодня утром поеду в Душанбе, к ночи приеду.’

(36) *košga=yām māš fukaθ*
если_бы=1PL PRON.1PL все
yak-ǰo zindagi ***čūǰ(-at)*** / **čūd!*
один-место жизнь делать.PF-PQP делать.PST
‘Вот бы мы все **жили** вместе!’

В протасисе и аподосисе условной конструкции возможны различные (но, вероятно, не все) комбинации форм претерита, перфекта и плюсквамперфекта. В протасисе часто употребляются перфект или плюсквамперфект, в то время как в аподосисе часто употребляется также и претерит, что проиллюстрировано в (34). Это распределение соотносится с наблюдениями в работе [Edelman, Dodykhudoeva 2009b: 814]; также об этой асимметрии см. [Добрушина 2004: 144]. (Об условных конструкциях в шугнанском также см. [Parker 2023: 366].)

Как у перфекта, так и у плюсквамперфекта обнаружено значение авертива (недостигнутый результат в прошлом) (37). Это значение отмечалось для всех шугнано-рушанских языков в работе [Соколова 1966: 380], но не было упомянуто в статье [Меленченко 2023], посвящённой шугнанскому перфекту.

(37) *uz=um biyor šičard*
PRON.1SG=1SG вчера чуть_не
toq ***virūx̌-č(-at)*** / **virūx̌-t.*
окно разбивать-PF-PQP разбивать-PST
‘Я вчера чуть не **разбил** окно.’

Как отмечено в разделе 3.1, плюсквамперфект и перфект употребляются в значении авертива только в сочетании с лексемами и выражениями с соответствующей семантикой: *šič-ard* (сейчас-DAT) ‘едва, чуть было не’, *qast* (*na-vid*) (едва_не NEG-быть.PRS.3SG) ‘чуть было не’, *dus=ga=xu* (мало=ADD=COORD1) ‘ещё немного, и’

и другими. При этом и подобные выражения неграмматичны с иными глагольными формами (например, с претеритом). Таким образом, это значение выражается сочетанием лексических средств с определёнными формами (перфектом или плюсквамперфектом). То же самое верно для пожеланий и лексем типа *košga* ‘хоть бы’ (36). Интересно, что так как авертив выражает событие, которое могло свершиться, но так и не свершилось, его можно причислить к контрфактическим значениям. Что касается пожеланий, пока остаётся не вполне ясным, возможно ли с помощью шугнанского плюсквамперфекта выразить не только контрфактическое, но и реальное пожелание (о связи контрфактической семантики с формами плюсквамперфекта см. [Плунгян 2004]).

Во всех проэлицитированных примерах все опрошенные носители разрешали употребление не только плюсквамперфекта, но и перфекта. Эти формы не взаимозаменяемы, так как сфера употребления перфекта значительно шире, однако, по-видимому, не существует контекстов, в которых плюсквамперфект являлся бы единственно (или наиболее) корректной глагольной формой. При этом носители всё же иногда порождают плюсквамперфект в качестве первой реакции при элицитации.

Можно заключить, что в хорогском диалекте в XX в. плюсквамперфект подвергся значительному сокращению сферы использования, сохранил исключительно употребления, так или иначе связанные с ирреальностью (контрфактические условия, ирреальные пожелания говорящего, авертив), и потерял употребления, обозначающие реальные события в прошлом. На данном этапе остаётся не вполне ясным, в какой степени эти выводы можно экстраполировать на весь шугнанский язык; вероятно, в некоторых диалектах плюсквамперфект мог сохранить традиционные употребления. (С другой стороны, потенциальное предположение о том, что такое положение дел давно сформировалось в хорогском диалекте, не кажется убедительным из-за отсутствия каких-либо упоминаний такого факта в советских грамматиках.)

К похожим выводам приходит К. Паркер, который в недавней грамматике шугнанского пишет об опциональности суффикса *-at*, а сам суффикс называет «контрфактическим» (К. Паркер также работал именно с хорогским вариантом шугнанского)

[Parker 2023: 257–258]. Я. Обртелова отмечает, что современный ваханский плюсквамперфект также в целом встречается редко и «в функции предшествования постепенно замещается перфектом» [Obrtelová 2019: 270].

Неясно, является ли это «отмирание» плюсквамперфектов общепамирской тенденцией. Кроме того, не вполне понятно, можно ли вообще говорить об отмирании, так как неизвестно, были ли памирские перфекты и плюсквамперфекты взаимозаменяемы в каких-либо контекстах в прошлом. Вполне возможно, что относительная редкость в речи и (хотя бы частичная) взаимозаменяемость с перфектом давно характерны для памирских плюсквамперфектов и что резкое сужение сферы употребления или уменьшение частоты их использования в хорогском шугнанском не свидетельствуют об исчезновении этой формы. В целом стоит отметить, что контрфактичность, сохранившаяся в Хороге, — одно из наиболее типологически распространённых значений форм (в том числе бывших) плюсквамперфектов [Сичинава 2013: 33–43]. Использование плюсквамперфекта для выражения контрфактических значений встречается во многих языках мира [Плунгян 2004], в том числе и других иранских, включая, например, персидский и североазербайджанский татский языки [Выдрин 2010: 32–33] — но, например, не ягнобский [Выдрин, Мазурова 2023: 155–156].

3.3. Современный ишкашимский

В этом разделе представлены предварительные данные об использовании плюсквамперфекта в ишкашимском языке. Ишкашимский — один из самых малочисленных языков памирского ареала; на нём говорят около 1 000 человек, большинство из которых проживает в кишлаке Рын в Таджикистане [Назарова, Назаров 2011: 42–43]. Данные были собраны А. А. Сергиенко в 2024 г. в Рыне у двух носителей ишкашимского (примерно 1950 г. р. и 2000 г. р.). Результаты показывают, что ишкашимский плюсквамперфект явно отличается от шугнанского тем, что сохранил значения из сферы «сверхпрошлого». Пример (38) повторяет контекст примера (15), в котором шугнанские носители единогласно

запрещали употребление плюсквамперфекта; в ишкашимском же это возможно. Примеры (39) и (40) показывают, что контексты со значениями давнопрошедшего и «результирующего состояния в прошлом» соответственно тоже могут выражаться плюсквамперфектом. Для всех трёх стимулов примеров (38)–(40) первой реакцией носителей было употребление формы претерита, но и форма плюсквамперфекта также оказалась грамматичной. Более подробное исследование других значений плюсквамперфекта в ишкашимском остаётся задачей для будущих исследований.

(38) *žonǰ=i* *ʒa* *ůk* *waxt=əs*
женщина=3SG SUBD один время=IPFV
oɣad / **OK*oɣad-ůk*** *vəd,* *so* *dəv* *oɣad.*
прийти.PST прийти-PF быть.PST сейчас опять прийти.PST
‘Женщина, которая когда-то **приходила**, опять пришла.’ (стимул из [Карамхудоев 1973: 172])[12]

(39) *čəṭ=əm* *ʒa* *vəd,* *mə* *bibi=s*
маленький=1SG SUBD быть.PST PRON.1SG.P бабушка=IPFV
mən-bo *afsona* ***ɣažd*** / **OK*ɣažd-ůk*** ***vəd***.
PRON.1SG.P-DAT сказка сказать.PST сказать-PF быть.PST
‘Когда я был маленьким, моя бабушка всегда **рассказывала** мне сказки перед сном.’

(40) *aw* *ulo-tar* ***tůɣd=i*** / **OK*tůɣd-ůk***
D3.SG ранее-COMP уйти.PST=3SG уйти-PF
vəd=i *Dušanbe,* *vǰeri* *oɣad.*
быть.PST=3SG Душанбе вчера прийти.PST
‘Он недавно **уезжал** в Душанбе и только вчера вернулся.’

[12] Помета **ок** используется в примерах (38)–(40), чтобы подчеркнуть, что форма плюсквамперфекта оценивалась носителями как приемлемая, но первой реакцией всегда оказывалась форма претерита.

4. Заключение

Памирские плюсквамперфекты во многом являются характерными представителями этой типологической категории. В большинстве памирских языков они строятся по обычной морфосинтаксической модели, включающей в себя (бывшее) причастие и вспомогательный глагол в форме прошедшего времени. В шугнанском, рушанском, хуфском и сарыкольском языках, тем не менее, форма плюсквамперфекта устроена менее типично: она образуется от перфекта синтетически с помощью суффикса. Происхождение этого суффикса не вполне ясно; по предположениям некоторых учёных, он восходит к вспомогательному глаголу бытия.

Засвидетельствованные у памирских плюсквамперфектов значения «сверхпрошлого» и ирреалиса (включая авертив) также характерны для плюсквамперфектов в языках мира. Как показало проведённое исследование, в хорогском диалекте шугнанского сфера использования плюсквамперфекта сильно сузилась за последние полвека: форма потеряла традиционные значения «сверхпрошлого», сохранив только ирреальные употребления. Типичным примером использования этой формы в современной речи является контрфактическая условная конструкция. Между тем во всех своих употреблениях хорогский плюсквамперфект взаимозаменяем с перфектом, что может свидетельствовать о постепенном исчезновении этой формы из языка. В ишкашимском языке, тем не менее, значения «сверхпрошлого», по-видимому, остаются актуальными для формы плюсквамперфекта. Неизвестно, как изменилось со времён советских грамматических описаний употребление плюсквамперфекта в других идиомах: рушанском, бартангском, язгулямском и других. Учитывая малоисследованность отдельных памирских идиомов, адекватное описание современной семантики плюсквамперфекта в них только предстоит.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитив; APUD — апудэссив (локализация ‘около’); COM — комитатив; COMP — сравнительная степень; COMPL — релятивизирующий союз; COORD1, COORD2 — сочинительные союзы; D1, D2, D3 — демонстративы трех серий (‘около говорящего’, ‘около собеседника’, ‘вдали от обоих’); DAT — датив; DOWN — эссив с пространственным значением ‘внизу’; DUR — дуратив; EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; EQ — эссив со значением ‘на одном уровне’; F — женский род; FUT — будущее время; INF — инфинитив; INT — интенсификатор; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; M — мужской род; NEG — отрицание; O — косвенный падеж; P — посессивная форма местоимения; PF — перфект; PL — множественное число; PQP — синтетический плюсквамперфект; PRON — личное местоимение; PROSP — проспектив; PRS — презенс; PST — претерит; PTCL — частица; PTCP — перфектное причастие; PURP — целевая форма; Q — вопросительная клитика; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SUBD — подчинительный союз; SUP — суперэссив; UP — эссив со значением ‘вверху’.

Литература

Боголюбов 2012 — М. Н. Боголюбов. К этимологии ваханского вспомогательного глагола *тэй-:ту-* ‘быть’ // О. М. Чунакова (ред.). Труды по иранскому языкознанию: Избранное. М.: Восточная литература, 2012. С. 33–35.

Вострикова 2010 — Н. В. Вострикова. Типология средств выражения экспериентивного значения. Дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ, 2010.

Выдрин 2010 — А. П. Выдрин. Контрафактив в иранских языках // Acta Linguistica Petropolitana. 2010. Т. VI. Ч. 3. С. 31–38.

Выдрин 2023 — А. П. Выдрин. Типология осетинских глагольных парадигм // Вопросы языкознания. 2023. № 2. С. 89–113. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.89-113.

Выдрин, Мазурова 2023 — А. П. Выдрин, Ю. В. Мазурова. Зона перфекта ягнобского языка // Вопросы языкознания. 2023. № 6. С. 138–164. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.138-164.

Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976 — А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский. Ваханский язык. Тексты, словарь и грамматический очерк (Языки Восточного Гиндукуша). М.: Наука, 1976.

Добрушина 2004 — Н. Р. Добрушина. О некоторых корреляциях между зависимым и независимым употреблением ирреальных форм // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Ирреалис и ирреальность (Исследования по теории грамматики, Т. 3). М.: Гнозис, 2004. С. 124–146.

Карамхудоев 1973 — Н. Карамхудоев. Бартангский язык: фонетика и морфология. Душанбе: Дониш, 1973.

Карамшоев 1963 — Д. К. Карамшоев. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1963.

Курбанов 1976 — Х. Курбанов. Рошорвский язык. Душанбе: Дониш, 1976.

Ландер и др. 2004 — Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Ирреалис и ирреальность (Исследования по теории грамматики, Т. 3). М.: Гнозис, 2004.

Лашкарбеков 1984 — Б. Б. Лашкарбеков. Ваханский глагол в историческом аспекте. Дисс. … канд. филол. наук. М.: Институт языкознания АН СССР, 1984.

Меленченко 2023 — М. Г. Меленченко. Эвиденциальный перфект в шугнанском языке // Вопросы языкознания. 2023. № 6. С. 120–137. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.120-137.

Назарова, Назаров 2011 — З. О. Назарова, Н. О. Назаров. Социолингвистическая ситуация на Западном Памире (на материале ишкашимского языка) // Учёные записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 42–49.

Пахалина 1959 — Т. Н. Пахалина. Ишкашимский язык. М.: Издательство АН СССР, 1959.

Пахалина 1966a — Т. Н. Пахалина. Ваханский язык // В. В. Виноградов, В. И. Абаев, И. К. Белодед, Г. Б. Джаукян, М. В. Панов, В. С. Расторгуева (ред.). Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. С. 398–418.

Пахалина 1966b — Т. Н. Пахалина. Ишкашимский язык // В. В. Виноградов, В. И. Абаев, И. К. Белодед, Г. Б. Джаукян, М. В. Панов, В. С. Расторгуева (ред.). Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. С. 419–435.

Пахалина 1975a — Т. Н. Пахалина. Ваханский язык. М.: Наука, 1975.

Пахалина 1975b — Т. Н. Пахалина. Сравнительный обзор памирских языков // Д. А. Ольдерогге (ред.). Страны и народы Востока. Памир. М.: Наука, 1975. С. 222–250.

Пахалина 1989 — Т. Н. Пахалина. Сравнительно-историческая морфология памирских языков. М.: Наука, 1989.

Плунгян 2004 — В. А. Плунгян. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Ирреалис и ирреальность (Исследования по теории грамматики, Т. 3). М.: Гнозис, 2004. С. 124–146.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013.

Сичинава 2023 — Д. В. Сичинава. К описанию контекстов плюсквамперфекта и предбудущего в Новом Завете // Acta Linguistica Petropolitana. 2023. Т. XIX. Ч. 3. С. 392–431. DOI:10.30842/alp23065737193392431.

Соколова 1963 — В. С. Соколова. К уточнению классификации шугнано-рушанской группы памирских языков // Иранский сборник: к 75-летию проф. И. И. Зарубина. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 71–80.

Соколова 1966 — В. С. Соколова. Шугнано-рушанская языковая группа // В. В. Виноградов, В. И. Абаев, И. К. Белодед, Г. Б. Джаукян, М. В. Панов, В. С. Расторгуева (ред.). Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. С. 362–397.

Соколова 1967 — В. С. Соколова. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л.: Наука, 1967.

Стеблин-Каменский 1999 — И. М. Стеблин-Каменский. Этимологический словарь ваханского языка. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 1999.

Файзов 1966 — М. Файзов. Язык рушанцев Советского Памира. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1966.

Эдельман 1966 — Д. И. Эдельман. Язгулямский язык. М.: Наука, 1966.

Эдельман 1975 — Д. И. Эдельман. Категории времени и вида // В. С. Расторгуева (ред.). Опыт историко-типологического исследования иранских языков: Эволюция грамматических категорий. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 337–411.

Эдельман 1990 — Д. И. Эдельман. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Морфология. Элементы синтаксиса. М.: Наука, 1990.

Юсуфбеков 1999 — Ш. П. Юсуфбеков. Сангличский язык в синхронном и историческом освещении. Москва: Б. и., 1999.

Bashir 2006 — E. Bashir. Evidentiality in South Asian languages // M. Butt, T. H. King (eds.). Proceedings of the LFG06 Conference, Workshop on South Asian Languages. Konstanz: Konstanz Universität, 2006.

Beck 2013 — S. Beck. A Sociolinguistic Assessment of the Roshani Speech Variety in Afghanistan // Language Documentation & Conservation. 2013. Vol. 5. P. 235–301.

Edelman, Dodykhudoeva 2009a — J. Edelman, L. Dodykhudoeva. The Pamir languages // G. Windfuhr (ed.). The Iranian Languages. Oxon: Routledge, 2009. P. 773–786.

Edelman, Dodykhudoeva 2009b — J. Edelman, L. Dodykhudoeva. Shughni // G. Windfuhr (ed.). The Iranian Languages. Oxon: Routledge, 2009. P. 787–824.

Korn 2011 — A. Korn. Pronouns as Verbs, Verbs as Pronouns: Demonstratives and the Copula in Iranian // A. Korn, G. Haig, S. Karimi, P. Samvelian (eds.). Topics in Iranian Linguistics, Vol. 34. Wiesbaden: Reichert, 2011. P. 53–70.

Makarov et al. 2022 — Y. Makarov, M. Melenchenko, D. Novokshanov. Digital Resources for the Shughni Language // A. K. Ojha, S. Ahmadi, C.-H. Liu, J. P. McCrae (eds.). Proceedings of the Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference. Marseille: ELRA, 2022. P. 61–64.

Müller 2015 — K. Müller. Deixis in Shughni: Grammatical and Semantic Considerations. MA Thesis. Grand Forks: University of North Dakota, 2015.

Obrtelová 2019 — J. Obrtelová. Discourse-Pragmatic Functions of Tense-Aspect Verb Forms in Wakhi // A. Patard, R. Peltola, E. Roussel (eds.). Cross-Linguistic Perspectives on the Semantics of Grammatical Aspect. Leiden: Brill, 2019. P. 252–281.

Olson 2017 — K. Olson. Shughni Phonology Statement. Б. м.: SIL International, 2017.

Palmer 2016 — T. S. Palmer. Verbal Morphology and Grammatical Aspect in Sarikoli. PhD thesis. Grand Forks: University of North Dakota, 2016.

Parker 2023 — C. Parker. A Grammar of the Shughni Language. PhD thesis. Toronto: McGill University, 2023.

Payne 1980 — J. R. Payne. The decay of ergativity in Pamir languages // Lingua. 1980. Vol. 2. Iss. 51. P. 147–186.

Perry 2005 — J. Perry. A Tajik Persian Reference Grammar. Leiden; Boston: Brill, 2005.

Plungian, van der Auwera 2006 — V. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // Language Typology and Universals. 2006. Vol. 59. Iss. 4. P. 317–349.

Stump, Hippisley 2011 — G. Stump, A. R. Hippisley. Valence Sensitivity in Pamirian Past-tense Inflection: A Realizational Analysis // A. Korn, G. Haig, S. Karimi, P. Samvelian (eds.). Topics in Iranian Linguistics, Vol. 34. Wiesbaden: Reichert, 2011. P. 103–115.

Wendtland 2009 — A. Wendtland. The Position of the Pamir Languages within East Iranian // Orientalia Suecana. 2009. Vol. 58. P. 172–188.

Источники

Dodixudoev 2001 — R. Dodixudoev. Luqo Inǰīl. Maskav: Instituti tarǰumā Kitobi Muqadas, 2001.

References

Bashir 2006 — E. Bashir. Evidentiality in South Asian languages. M. Butt, T. H. King (eds.). *Proceedings of the LFG06 Conference, Workshop on South Asian Languages.* Konstanz: Konstanz Universität, 2006.

Beck 2013 — S. Beck. A Sociolinguistic Assessment of the Roshani Speech Variety in Afghanistan. *Language Documentation & Conservation.* 2013. Vol. 5. P. 235–301.

Bogolyubov 2012 — M. N. Bogolyubov. K etimologii vakhanskogo vspomogatelnogo glagola *têy-:tu-* 'byt' [Towards the etymology of the Wakhi auxiliary *têy-:tu-* 'to be']. O. M. Chunakova (ed.). *Trudy po iranskomu yazykoznaniyu: Izbrannoye* [Selected works in Iranian Linguistics]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2012. P. 33–35.

Dobrushina 2004 — N. R. Dobrushina. O nekotorykh korrelyatsiyakh mezhdu zavisimym i nezavisimym upotrebleniyem irrealnykh form [On some correlations between dependent and independent uses of irrealis forms]. Yu. A. Lander, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchiyeva (eds.). *Irrealis i irrealnost (Issledovaniya po teorii grammatiki, T. 3)* [Irrealis and irreality (Studies in theoretical grammar, Vol. 3)]. Moscow: Gnozis, 2004. P. 124–146.

Edelman 1966 — D. I. Edelman. *Yazgulyamskiy yazyk* [Yazghulami]. Moscow: Nauka, 1966.

Edelman 1975 — D. I. Edelman. Kategorii vremeni i vida [Tense-aspect category]. V. S. Rastorguyeva (ed.). *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya iranskikh yazykov: Evolyutsiya grammaticheskikh kategoriy* [Experience of historical-typological studies on Iranian languages: Evolution of grammatical categories]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1975. P. 337–411.

Edelman 1990 — D. I. Edelman. *Sravnitelnaya grammatika vostochnoiranskikh yazykov: Morfologiya. Elementy sintaksisa* [Comparative grammar of East Iranian languages: Morphology. Elements of syntax]. Moscow: Nauka, 1990.

Edelman, Dodykhudoeva 2009a — J. Edelman, L. Dodykhudoeva. The Pamir languages. G. Windfuhr (ed.). *The Iranian Languages.* Oxon: Routledge, 2009. P. 773–786.

Edelman, Dodykhudoeva 2009b — J. Edelman, L. Dodykhudoeva. Shughni. G. Windfuhr (ed.). *The Iranian Languages.* Oxon: Routledge, 2009. P. 787–824.

Fayzov 1966 — M. Fayzov. *Yazyk rushantsev Sovetskogo Pamira* [Language of the Rushani people of the Soviet Pamir]. Dushanbe: Academy of Sciences of Tajik SSR, 1966.

Gryunberg, Steblin-Kamenskiy 1976 — A. L. Gryunberg, I. M. Steblin-Kamenskiy. *Vakhanskiy yazyk. Teksty, slovar i grammaticheskiy ocherk (Yazyki Vostochnogo Gindukusha)* [Wakhi. Texts, dictionary and a grammatical survey (Languages of Eastern Hindu Kush)]. Moscow: Nauka, 1976.

Karamkhudoev 1973 — N. Karamkhudoev. *Bartangskiy yazyk: fonetika i morfologiya* [Bartangi: Phonetics and morphology]. Dushanbe: Donish, 1973.

Karamshoev 1963 — D. K. Karamshoev. *Badzhuvskiy dialekt shugnanskogo yazyka* [Bajuwi dialect of Shughni]. Dushanbe: Academy of Sciences of Tajiki SSR, 1963.

Korn 2011 — A. Korn. Pronouns as Verbs, Verbs as Pronouns: Demonstratives and the Copula in Iranian. A. Korn, G. Haig, S. Karimi, P. Samvelian (eds.). *Topics in Iranian Linguistics*, Vol. 34. Wiesbaden: Reichert, 2011. P. 53–70.

Kurbanov 1976 — Kh. Kurbanov. *Roshorvskiy yazyk* [Roshorvi]. Dushanbe: Donish, 1976.

Lander et al. 2004 — Yu. A. Lander, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchiyeva (eds.). *Irrealis i irrealnost (Issledovaniya po teorii grammatiki, T. 3)* [Irrealis and irreality (Studies in theoretical grammar, Vol. 3)]. Moscow: Gnozis, 2004.

Lashkarbekov 1984 — B. B. Lashkarbekov. *Vakhanskiy glagol v istoricheskom aspekte* [Wakhi verb from a historical outlook]. PhD thesis. Moscow: Institute of Linguistics, Academy of Sciences of the USSR, 1984.

Makarov et al. 2022 — Y. Makarov, M. Melenchenko, D. Novokshanov. Digital Resources for the Shughni Language. A. K. Ojha, S. Ahmadi, C.-H. Liu, J. P. McCrae (eds.). *Proceedings of the Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference.* Marseille: ELRA, 2022. P. 61–64.

Melenchenko 2023 — M. G. Melenchenko. Evidentsialnyy perfekt v shugnanskom yazyke [Evidential Perfect in Shughni]. *Voprosy Jazykoznanija.* 2023. No. 6. P. 120–137. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.120-137.

Müller 2015 — K. Müller. *Deixis in Shughni: Grammatical and Semantic Considerations.* MA Thesis. Grand Forks: University of North Dakota, 2015.

Nazarova, Nazarov 2011 — Z. O. Nazarova, N. O. Nazarov. Sotsiolingvisticheskaya situatsiya na Zapadnom Pamire (na materiale ishkashimskogo yazyka) [Sociolinguistic situation in West Pamir (on the material of Ishkashimi)]. *Uchenyye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnyye nauki.* 2011. No. 4. P. 42–49.

Obrtelová 2019 — J. Obrtelová. Discourse-Pragmatic Functions of Tense-Aspect Verb Forms in Wakhi. A. Patard, R. Peltola, E. Roussel (eds.). *Cross-Linguistic Perspectives on the Semantics of Grammatical Aspect.* Leiden: Brill, 2019. P. 252–281.

Olson 2017 — K. Olson. *Shughni Phonology Statement.* S. l.: SIL International, 2017.

Pakhalina 1959 — T. N. Pakhalina. *Ishkashimskiy yazyk* [Ishkashimi]. Moscow: Printing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959.

Pakhalina 1966a — T. N. Pakhalina. Vakhanskiy yazyk [Wakhi]. V. V. Vinogradov, V. I. Abayev, I. K. Beloded, G. B. Dzhaukyan, M. V. Panov, V. S. Rastorguyeva (eds.). *Yazyki narodov SSSR.* T. I. Indoyevropeyskiye yazyki [Languages of the peoples of the USSR. Vol. I. Indo-European languages]. Moscow: Nauka, 1966. P. 398–418.

Pakhalina 1966b — T. N. Pakhalina. Ishkashimskiy yazyk [Ishkashimi]. V. V. Vinogradov, V. I. Abayev, I. K. Beloded, G. B. Dzhaukyan, M. V. Panov, V. S. Rastorguyeva (eds.). *Yazyki narodov SSSR.* T. I. Indoyevropeyskiye yazyki [Languages of the peoples of the USSR. Vol. I. Indo-European languages]. Moscow: Nauka, 1966. P. 419–435.

Pakhalina 1975a — T. N. Pakhalina. *Vakhanskiy yazyk* [Wakhi]. Moscow: Nauka, 1975.

Pakhalina 1975b — T. N. Pakhalina. Sravnitelnyy obzor pamirskikh yazykov [Comparative overview of Pamir languages]. D. A. Olderogge (ed.). *Strany i narody Vostoka. Pamir* [Lands and peoples of the East. Pamir]. Moscow: Nauka, 1975. P. 222–250.

Pakhalina 1989 — T. N. Pakhalina. *Sravnitelno-istoricheskaya morfologiya pamirskikh yazykov* [Comparative morphology of Pamir languages]. Moscow: Nauka, 1989.

Palmer 2016 — T. S. Palmer. *Verbal Morphology and Grammatical Aspect in Sarikoli.* PhD thesis. Grand Forks: University of North Dakota, 2016.

Parker 2023 — C. Parker. *A Grammar of the Shughni Language.* PhD thesis. Toronto: McGill University, 2023.

Payne 1980 — J. R. Payne. The decay of ergativity in Pamir languages. *Lingua.* 1980. Vol. 2. Iss. 51. P. 147–186.

Perry 2005 — J. Perry. *A Tajik Persian Reference Grammar.* Leiden; Boston: Brill, 2005.

Plungian 2004 — V. A. Plungian. O kontrafakticheskikh upotrebleniyakh plyuskvamperfekta [About counterfactual uses of the pluperfect]. Yu. A. Lander, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchiyeva (eds.). *Irrealis i irrealnost (Issledovaniya po teorii grammatiki, T. 3)* [Irrealis and irreality (Studies in the Theory of Grammar, Vol. 3)]. Moscow: Gnozis, 2004. P. 124–146.

Plungian, van der Auwera 2006 — V. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking. *Language Typology and Universals*. 2006. Vol. 59. Iss. 4. P. 317–349.

Sitchinava 2013 — D. V. Sitchinava. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskiy plyuskvamperfekt* [Typology of pluperfects. Slavic pluperfect]. Moscow: AST-PRESS, 2013.

Sitchinava 2023 — D. V. Sitchinava. K opisaniyu kontekstov plyuskvamperfekta i predbudushchego v Novom Zavete [Towards the description of contexts of the Pluperfect and Futurum Exactum in the New Testament] // *Acta Linguistica Petropolitana.* 2023. Vol. XIX. Part 3. P. 392–431. DOI:10.30842/alp23065737193392431.

Sokolova 1963 — V. S. Sokolova. K utochneniyu klassifikatsii shugnano-rushanskoy gruppy pamirskikh yazykov [Towards a refined classification of the Shughni-Rushani group of Pamir languages]. *Iranskiy sbornik: k 75-letiyu prof. I. I. Zarubina* [Collection of works in Iranian studies: for the 75th birthday of Prof. I. I. Zarubin]. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1963. P. 71–80.

Sokolova 1966 — V. S. Sokolova. Shugnano-rushanskaya yazykovaya gruppa [Shughni-Rushani group]. V. V. Vinogradov, V. I. Abayev, I. K. Beloded, G. B. Dzhaukyan, M. V. Panov, V. S. Rastorguyeva (eds.). *Yazyki narodov SSSR. T. I. Indoyevropeyskiye yazyki* [Languages of the peoples of the USSR. Vol. I. Indo-European languages]. Moscow: Nauka, 1966. P. 362–397.

Sokolova 1967 — V. S. Sokolova. *Geneticheskiye otnosheniya yazgulyamskogo yazyka i shugnanskoy yazykovoy gruppy* [Genetic relationships of Yazghulami with the Shughni language group]. Leningrad: Nauka, 1967.

Steblin-Kamenskiy 1999 — I. M. Steblin-Kamenskiy. *Etimologicheskiy slovar vakhanskogo yazyka* [Etymological dictionary of Wakhi]. Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1999.

Stump, Hippisley 2011 — G. Stump, A. R. Hippisley. Valence Sensitivity in Pamirian Past-tense Inflection: A Realizational Analysis. A. Korn, G. Haig, S. Karimi, P. Samvelian (eds.). *Topics in Iranian Linguistics*, Vol. 34. Wiesbaden: Reichert, 2011. P. 103–115.

Vostrikova 2010 — N. V. Vostrikova. *Tipologiya sredstv vyrazheniya eksperiyentivnogo znacheniya* [Typology of means of expression of experiential meaning]. PhD thesis. Moscow: Moscow State University, 2010.

Vydrin 2010 — A. P. Vydrin. Kontrafaktiv v iranskikh yazykakh [Counterfactuals in Iranian languages]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2010. Vol. VI. Part 3. P. 31–38.

Vydrin 2023 — A. P. Vydrin. Tipologiya osetinskikh glagolnykh paradigm [Ossetic verbal paradigms in a cross-linguistic perspective]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2023. No. 2. P. 89–113. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.89-113.

Vydrin, Mazurova 2023 — A. P. Vydrin, Yu. V. Mazurova. Zona perfekta yagnobskogo yazyka [Perfects of Yaghnobi]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2023. No. 6. P. 138–164. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.138-164.

Wendtland 2009 — A. Wendtland. The Position of the Pamir Languages within East Iranian. *Orientalia Suecana*. 2009. Vol. 58. P. 172–188.

Yusufbekov 1999 — Sh. P. Yusufbekov. *Sanglichskiy yazyk v sinkhronnom i istoricheskom osveshchenii* [Sanglechi from synchronic and historical viewpoints]. Moscow: S. n., 1999.

Получено / received 15.06.2024 *Принято / accepted 15.08.2024*

Аспектуально-акциональная семантика глаголов с приставкой *фæ-* в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским)

А. А. Левитская
Институт истории и археологии Республики Северная Осетия–Алания (Владикавказ, Россия); 54alina.levitskaya@gmail.com;
ORCID: 0000-0002-5433-0078

Аннотация. В большинстве случаев осетинские глагольные приставки придают глаголу значение совершенного вида (СВ). В настоящей статье рассматриваются семантические особенности приставки *фæ-*, которая отличается разнообразием аспектуально-акциональных значений. Глаголы с данной приставкой не всегда являются глаголами СВ. Можно предположить, что значения приставочных глаголов с *фæ-* как глаголов только СВ, или только НСВ, или глаголов двойственной семантики СВ/НСВ отражают определенные этапы в развитии вида как грамматической категории в осетинском. Особенности аспектуальной семантики глаголов с *фæ-* позволяют провести параллели с функцией приставки *ga-* в готском и с историей развития перфективирующей функции русских приставок.

Ключевые слова: предельность/непредельность, перфективность, имперфективность, перцептивность, монотемпоральность, политемпоральность, осетинский язык

Для цитирования: Левитская А. А. Аспектуально-акциональная семантика глаголов с приставкой *фæ-* в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским) // Индоиранские языки. 2025. 1(1). С. 89–129.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.5

© А. А. Левитская, 2025

Aspectual-actional semantics of verbs with the prefix *fæ-* in the modern Ossetic language (in comparison with Russian)

Alina A. Levitskaya
Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia–Alania (Vladikavkaz, Russia); 54alina.levitskaya@gmail.com;
ORCID: 0000-0002-5433-0078

Abstract. The paper is based on Iron and Digor (more archaic) dialect evidence. The analysis of the formation of aspect in modern Ossetic leads to two major conclusions. The first is that the aspect category in the Ossetic language is relatively young, and the second is that the processes of aspect category formation in Russian and Ossetic are typologically similar.

In most cases, prefixes lend Ossetic verbs perfective meanings. This paper focuses on the semantic features of the prefix *fæ-*, notable for a wide variety of aspectual and actional meanings it can express. The aspectual-functional semantics of prefixed verbs with *fæ-* currently reflects different stages of aspect development in Ossetic, with examples ranging from complete absence of aspectual meanings in these prefixed verbs to distinct differentiation between the meanings of imperfect/perfect types in a pair of prefixed verbs with *fæ-*. No less interesting are observations on how such factors as areal influence and genetic features impact these verbs' aspectual meanings.

In addition, the specific features of verbs with *fæ-* make it possible to draw parallels with the functions of the prefix *ga-* in Gothic and with the development history of the perfectivizing function of prefixes in Russian.

Key words: limiting/unlimiting (terminative/interminative), imperfectivity, perfectivity, perceptivity, monotemporality, polytemporality, Ossetic language

For citation: Levitskaya A. A. Aspectual-actional semantics of verbs with the prefix *fæ-* in the modern Ossetic language (in comparison with Russian). *Indo-Iranian languages*. 2025. 1(1). P. 89–129.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.5

1. Введение

1.1. Вид как грамматическая категория в осетинском языке

Ядро функционально-семантического поля[1] аспектуальности в современном осетинском языке образуют две грамматические категории — категория вида и категория политемпоральной кратности[2]. Наше понимание вида как наиболее грамматикализованной части поля аспектуальности опирается на концепцию профессора Ю. С. Маслова: «Вид — категория формообразовательная (словоизменительная), хотя обычно и наталкивающаяся ⟨…⟩ на “сопротивление” какой-то части лексического материала ⟨…⟩. О виде можно говорить только там, где какие-то аспектуальные значения в пределах большей части (иногда и всей) глагольной лексики получают регулярное выражение посредством парадигматически противопоставленных друг другу грамматических форм одного глагола» [Маслов 2004b: 326].

Все осетинские глаголы дифференцированы по виду как глаголы несовершенного и совершенного вида.

Глаголы несовершенного вида (далее НСВ) — это **бесприставочные глаголы** в форме инфинитива (1), настоящего времени (2), будущего времени (3), прошедшего времени (4).

(1) *Кæдæм цæу-ын, уый **зæгъ-ын** дын*
куда идти-PRS.1SG тот говорить-INF 2SG.ENCL.DAT

[1] «Функционально-семантическое поле — это двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же самой семантической зоне» [Бондарко 2016: 40].

[2] Термин «политемпоральная кратность действия» используется для обозначения действий, повторяющихся в полном объеме в разные локально-временные периоды через неопределенные промежутки времени. Содержание термина опирается на разграничение монотемпорального и политемпорального значений, введенное проф. М. А. Шелякиным [Шелякин 1972: 125–126].

мæ бон нæ-у.
POSS.1SG сила NEG-быть.PRS.3SG
‘**Сказать**, куда я иду, того я тебе сказать не имею права.’
[с. 181 / с. 143][3]

(2) ***Хъуыс-ыс***, *куыд* ***нæр-ы****?*
слышать-PRS.2SG как греметь-PRS.3SG
‘**Слышишь**, как **бухает**?’ [с. 8 / с. 8]

(3) ⟨…⟩ *немыц-ы рæстæдж-ы куыд* ***цæр-дзæнис****, уый.*
немец-GEN время-GEN как жить-FUT.3SG тот
‘⟨Зато Жоре Арутюнянцу было совершенно ясно,⟩ как **он будет жить** при немцах.’ [с. 253 / с. 199]

(4) *Йæ лымæн Анатолий-æн та йæ зæрдæ*
POSS.3SG друг Анатолий-DAT CONTR POSS.3SG сердце
рыст-и *йæ райгуырæн бæстæ-йыл.*
болеть-PST.3SG POSS.3SG рождение страна-SUPER
‘А друг его Анатолий всей душой **болел** за Отечество.’
[с. 252 / с. 199]

В ряду глаголов НСВ находятся также **приставочные глаголы** в форме настоящего времени:

(5) *Фæлæ саби-йы бон-т-ы нæ* ***фæцархай-ынц***
но ребенок-GEN день-PL-IN NEG PV.стараться-PRS.3PL
сæ кæрæдзи ба-мбар-ын-ыл, ⟨…⟩
POSS.3PL друг_друга PV-понимать-INF-SUPER
‘Ну разве в юности **заботятся** о том, чтобы понимать друг друга, ⟨— радость состоит в чувстве доверия, возможности поделиться⟩.’ [с. 56 / с. 46]

Значительную группу глаголов НСВ в современном осетинском языке составляют **приставочные глаголы**, способные

[3] В статье приводятся примеры из текстов романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия» на осетинском и русском языках [Фадеев 1953, 1972]. В скобках указаны номера страниц (до косой черты — из [Фадеев 1953], после косой черты — из [Фадеев 1972]).

имперфективироваться, т. е. иметь видовую пару НСВ с аффиксом имперфективации *-цæй-*, в форме инфинитива (6), в форме настоящего времени (7), в форме прошедшего времени (8), в форме будущего времени (9).

(6) *Иуыл сæ* ***уд*** *сын уый*
совсем POSS.3PL душа 3PL.ENCL.DAT тот
фæ-цæй-тæх-ын *код-т-а.*
PV-IMPF-летать-INF делать-TR-PST.3SG
‘Этим самым он **чуть было не лишил** их чувств.’ [ОНК: Кантемирова Р., Бекузарова В. Хрестоматия для 10-го класса. Владикавказ: ИР, 2002]

(7) *Уазæг хæдзар-æй куы* ***ра-цæй-цæу-ы*** ⟨…⟩
гость дом-ABL когда PV-IMPF-идти-PRS.3SG
‘Когда гость **выходит** (находится в процессе движения к выходу — А. Л.) из дома, ⟨то все члены семьи встают, говорят ему «счастливого пути» и выходят за ним следом к двери со двора (из дома)⟩.’ [ОНК: Хæуытаты Къоста. Уæздандзинады гуырæнтæ. Владикавказ: ИР, 2012]

(8) *Фæстæмæ йæ ахæстон-ы камерæ-мæ куы*
назад 3SG.ENCL.GEN тюрьма-GEN камера-ALL когда
фæ-цæй-код-т-ой, *уæд ын йæ размæ*
PV-IMPF-делать-TR-PST.3PL тогда 3SG.ENCL.DAT POSS.3SG перед
сæ къух-т-ыл ***ра-цæй-хаст-ой***
POSS.3PL рука-PL-SUPER PV-IMPF-нести-TR.PST.3PL
Анатолий Попов-ы…
Анатолий Попов-GEN
‘Когда ее **вели** назад в камеру, навстречу ей **проносили** на руках Анатолия Попова…’ [с. 763 / с. 599]

(9) ⟨…⟩ *цыма арвгæрон фæ-зын-дзæн,* ***æрба-цæй-цæу-дзæн****…*
будто горизонт PV-казаться-FUT.3SG PV-IMPF-идти-FUT.3SG
‘⟨Я хорошо знаю, куда и на что он смотрит: мою мать, спутницу его жизни ищет, ее он ожидает:⟩ будто бы на горизонте она появится, **будет идти** (к нему)…’ [ОНК: Агънаты Гæстæн. Темыры кæстæр чызг. Владикавказ: ИР, 2013]

Глаголы совершенного вида (СВ) — это **приставочные** глаголы в форме инфинитива (10), прошедшего времени (11), будущего времени (12).

(10) ⟨…⟩ *милуангай гектар-тæ зæхх* ***ба-ххуым кæн-ын,***
миллионы гектар-PL земля PV-пашня делать-INF
бай-тау-ын*, хор* ***ба-фснай-ын****,* ***ба-най*** ***кæн-ын****.*
PV-сеять-INF хлеб PV-убирать-INF PV-молотьба делать-INF
‘⟨А попробуй-ка ты из года в год, день за днем, как часы,⟩ миллионы гектаров земли **вспахать**, **посеять**, **убрать хлеб**, **обмолотить**.’ [с. 447 / с. 355]

(11) *Володя та сыф-тæ* ***æр-тъæпп-ытæ***[4] *код-т-а*
Володя CONTR лист-PL PV-хлоп-PL делать-TR-PST.3SG
æмæ сыл ***а-тылд-т-а*** *валик.*
и 3PL.ENCL.SUPER PV-катать-TR-PST.3SG валик
‘Володя **пришлепнул** листы (букв.: ‘листки несколько раз пришлепнул’) и **прокатал** валиком.’ [с. 541 / с. 424]

(12) ⟨…⟩ *æмæ ныртæккæ иумæ кæй* ***æрба-цæу-дзыстæм****.*
и сейчас вместе кто.GEN PV-идти-FUT.1PL
‘⟨Оля ⟨…⟩ сказала, что она договорилась встретиться с сестрой Ниной у парка⟩ и они сейчас придут сюда вместе.’ [с. 425 / с. 338]

Названные ряды форм противопоставлены по аспектуальному семантическому основанию «направленность действия на достижение предела». Наибольший интерес с точки зрения осетинской, сопоставительной (русско-осетинской) и общей аспектологии представляет противопоставление приставочных форм одного и того же глагола с аффиксом *-цæй-* и без него, обозначающих действие как направленное на достижение предела (граммема НСВ) и достигшее его (граммема СВ). См. примеры в таблице 1, а также примеры (13) и (14).

[4] Об употреблениях осетинских глаголов с мультипликативным значением с подобной словообразовательной структурой см. [Цалиева 1983: 113–114; Выдрин 2014; Левитская 2020].

Таблица 1. Приставочные формы с аффиксом *-цæй-* и без него
Table 1. Prefixed forms with the affix *-cæj-* and without it

Приставочная форма с *-цæй-*	**Приставочная форма без *-цæй-***
æрбацæйтулын ‘прикатывать’	*æрбатулын* ‘прикатить’
æрцæйзгъорын ‘сбегать (вниз)’	*æрызгъорын* ‘сбежать вниз, спуститься’
рацæйцæуын ‘выходить’	*рацæуын* ‘выйти’
сцæйисын ‘поднимать’	*сисын* ‘поднять’
фæцæйпырх кæнын ‘разбивать’	*фæпырх кæнын* ‘разбить’

(13) ⟨…⟩ *йæ размæ* ***æрба-цæй-згъорд-т-а*** *йæ мад.*
POSS.3SG перед PV-IMPF-бежать-TR-PST.3SG POSS.3SG мать
‘⟨Да уже и не было времени выбирать:⟩ к ней уже **бежала** мать навстречу.’ [с. 51 / с. 41]

(14) *Уынæр-мæ* ***æрба-згъорд-т-ой*** *зæронд Вера,*
шум-ALL PV-бежать-TR-PST.3PL старый Вера
Николай Николаевич, немыцаг хæринаггæнæг…
Николай Николаевич немецкий повар
‘На шум **прибежали** бабушка Вера, Николай Николаевич, немецкий повар…’ [с. 208 / с. 212]

Кроме указания на конкретно-процессуальный характер действия, формы с *-цæй-* могут обозначать конативный (конативно-тендентивный) характер действия, не реализованного во всей полноте, часто называемого действием «безуспешной попытки» [Бондарко 1980: 606], см., например, (15).

(15) *Немыцаг салдат* ⟨…⟩ *уый* ***фæ-цæй-ахст-а***
немецкий солдат тот PV-IMPF-ловить-TR.PST.3SG
Уля-йы йæ цонг-æй, ⟨…⟩
Уля-GEN POSS.3SG рука-ABL
‘Немецкий солдат, ⟨пропустивший Валю с чемоданом,⟩ **схватил было** и Улю за руку, ⟨но она спокойно и холодно взглянула на него⟩.’ [с. 520 / с. 409]

Приведенные и другие примеры противопоставлений с аффиксом *-цæй-* и без этого аффикса как глаголов НСВ и СВ являются формами одного и того же глагола, не различаются по смыслу, т. е. отвечают критерию «эмансипированности от лексических различий как самому важному из критериев вида как грамматической категории, т. е. видовое противопоставление выступает как чисто грамматическое, без какой-либо примеси лексических различий, осуществляется в рамках единой лексемы» [Маслов 2004b: 331–332]. Данное противопоставление соответствует и другим критериям, а именно: 1) выражает аспектуальное значение; 2) охватывает значительную часть приставочной глагольной лексики, хотя прямое парадигматическое противопоставление видовых форм с данным аффиксом и без него в пределах одной лексемы наблюдается не у всех глаголов (об этом скажем далее); 3) отвечает требованию регулярности, принудительности, обязательности [Маслов 2004b: 330–332]. Например:

(16) ⟨…⟩ *йæ уæлтъыфæл-тæ-иу сæ-хæдæг сæ-хи*
POSS.3SG веко-PL-ITER POSS.3PL-REFL POSS.3PL-REFL.GEN
‘*гъдау-æй цæст-ытæ* ***æр-цæй-æмбæрзт-ой***
обычай-ABL глаз-PL PV-IMPF-закрывать-TR.PST.3PL
‘⟨Он был смертельно утомлен и, видно, так давно не спал,⟩ что веки сами собой **опускались** на глаза его, ⟨он поднимал эти набухшие веки с видимым трудом⟩.’ [с. 706 / с. 554]

Форма *æрцæйæмбæрзтой* выступает в конкретно-процессном значении НСВ. В предложении эта форма входит в состав аналитической конструкции с частицей *-иу*[5]. Данная конструкция буквально выражает следующее: ‘его веки сами по себе неоднократно прикрывали его глаза’. Без существенных потерь для смысла высказывания форма *æрцæйæмбæрзтой* могла быть заменена формой глагола СВ в прошедшем времени *æрымбæрстой* в составе конструкции с *-иу* (‘опустились неоднократно’), что функционально соответствует русскому ‘опускались’. Никакого

[5] Аналитические конструкции ‘глагол + частица *-иу*’ обозначают в современном осетинском языке политемпоральный характер действия, о чем речь будет идти далее.

принципиального влияния на смысл высказывания в части указания на политемпоральную кратность действия, обозначенную аналитической конструкцией «глагол НСВ в конкретно-процессном значении + частица *-иу*», эта замена иметь не будет, потому что указание на процессный характер опускания век не является существенным для общего смысла высказывания. Но, как известно, если в языке какое-то семантическое различие оформилось в грамматическую категорию, язык в сфере действия этой категории уже не может оставлять данное различие невыраженным [Якобсон 1985: 231–238].

1.2. Аспектуально-акциональные ограничители видового противопоставления

Видовое противопоставление по основанию направленности на достижение/недостижение предела возможно лишь в сфере приставочных глаголов, причем с определенными ограничениями. Эти ограничения связаны с аспектуально-акциональной семантикой способов действия, маркированных определенными приставками. Так, не имеют видовых пар приставочные глаголы с аспектуально-акциональной семантикой **однократности** с разными дополнительными эмоционально-экспрессивными оттенками; **начинательности**, также с дополнительно-эмоциональными экспрессивными оттенками; **временной ограничительности**; **пантивной суммарности**[6] многократного или длительного характера протекания действия; **специальной результативности** (например, глаголы частично-результативного СД, сравнительно-результативного СД и др.). Все эти

[6] Значение пантивной суммарности объединяет глаголы, обозначающие действие «объективно многократного характера с итоговым результатом или с итоговым количеством времени проявления действия, что соответствует только семантике СВ» [Шелякин 2017: 72]. Значение пантивной суммарности как одного из условий одновидового (только СВ) характера глаголов следует отличать от результативно-пантивных глаголов «со значением действий, направленных на достижение полного результата путем постепенного (часть за частью) осуществления разового (длительного) или прерываемого действия» [Шелякин 2017: 74]. В этой группе глаголы имеют видовые пары.

глаголы — глаголы perfectiva tantum подробно описаны нами с точки зрения универсальных и идиоэтнических смыслов, имеют функционально-переводные соответствия, поскольку такие смыслы, как делимитативность, пердуративность, начинательность, пантивная суммарность и т. д., являются универсальными аспектуально-акциональными смыслами, обуславливают и в русском языке одновидовой, как правило, характер глаголов. В осетинском языке одновидовой характер глаголов с названной аспектуально-акциональной семантикой усиливается дополнительными эмоционально-экспрессивными оттенками или указаниями на специальную результативность (см. подробнее работы [Левитская 2022c, 2023a]).

В современном осетинском языке в зоне глаголов perfectiva tantum находятся и глаголы движения/перемещения, а также глаголы, семантика которых включает идею направленности действия, с приставками *а-*, *ба-*, *ны-* (например: *аппæрын* ‘бросить’; *бакæсын* ‘посмотреть’, *ныккæлын* ‘налить’). Пространственно-ориентационные значения этих приставок не позволяют выражать перцептивное значение. В глаголах с названными приставками выражается такое соотношение значений места наблюдения (условного наблюдателя) и места протекания действия, которое делает невозможным обозначить перцептивность действия как определяющее контекстуальное и ситуативное условие для выражения процессного характера действия [Бондарко 2016: 133], т. е. между его началом и концом, в середине его течения. Чтобы пояснить невозможность выражения глаголами с приставками *-а*, *-ба*, *-ны* процесса действия в середине его течения (момента перцептивности/наблюдаемости), напомним о пространственно-ориентационных значениях всех осетинских приставок, см. таблицу 2.

Очевидно, что локализация наблюдателя, соответствующая превербам *а-*, *ба-*, *ны-*, не дает возможности наблюдать за развитием действия в его течении, между его началом и концом, в направлениях, указываемых данными превербами. Таким образом, момент фиксации процесса, воспринимаемого условным наблюдателем, не может быть выражен в этих приставочных образованиях по причине несоответствия локальной ориентации

наблюдателя тому пространственному направлению действия, которое обозначается данными приставками, и, напротив, в приставочных образованиях с другими превербами условия для реализации признака перцептивности процесса налицо. Именно в силу названных причин все глаголы движения/перемещения, а также глаголы, в семантике которых присутствует идея направленности действия, с приставками *ærба-*, *ær-*, *ра-*, *с-*, *фæ-* имеют имперфективные формы, а глаголы с приставками *а-*, *ба-*, *ны-* — не имеют (подробнее см. работу [Левитская 2023b]).

Таблица 2. Совпадение/несовпадение локализации условного «наблюдателя» с направлением действия
Table 2. Match/mismatch between the localization of the «observer» and the direction of an action

Совпадение	**Несовпадение**
ær- — движение вниз, наблюдатель внизу;	*ны-* — движение вниз, наблюдатель наверху.
ærба- — движение внутрь, наблюдатель внутри;	*ба-* — движение внутрь, наблюдатель снаружи;
ра- — движение наружу, наблюдатель снаружи;	*а-* — движение наружу, наблюдатель внутри;
с- — движение вверх безотносительно к локализации наблюдателя;	
фæ- — движение в любом направлении безотносительно к локализации наблюдателя.	

1.3. Конкретно-процессное и неограниченно-кратное значения

Особенностью аспектуальной нагрузки осетинских имперфективных форм с аффиксом *-цæй-* является то, что они обозначают, как мы отметили выше, лишь конкретно-процессное значение, в то время как русские имперфективы с суффиксами *-ыва-*/*-ива-*, *-ва-*, *-а-* обозначают и конкретную процессуальность, и неограниченную кратность действия: «Основным среди частных значений НСВ следует признать конкретно-процессное ⟨…⟩.

Одну из верхних ступеней в рассматриваемой иерархии занимает неограниченно-кратное значение (речь может идти о втором месте в комплексе двух основных значений) [Бондарко 2002: 385].

Принципиально важным является сопоставление основных значений НСВ в осетинском и русском языках, и в этой связи обратим внимание на особую позицию профессора В. С. Храковского относительно исключения из видового потенциала русского НСВ неограниченно-кратного значения: «У граммемы НСВ в современном русском языке нет повторительного значения. ⟨…⟩ Из сказанного не следует, что это значение (в любых вариантах) не выражается в высказываниях с глагольной формой НСВ. Оно выражается, но выражается не граммемой НСВ, а средствами контекста ⟨…⟩» [Храковский 2014: 7–8].

В начале статьи мы отметили, что в центре функционально-семантического поля аспектуальности современного осетинского языка находятся две грамматические категории: категория вида, представленная двумя рядами форм НСВ и СВ по аспектуальному основанию «направленность действия на достижение предела», а также категория политемпоральной кратности, представленная глагольными формами без частицы *-иу* и аналитической конструкцией с частицей *-иу* по аспектуальному основанию «темпоральная кратность глагольного действия». Рассмотрим пример:

(17) *камерæ-йæ-**иу** искæй куы **ра-цæй-ласт-ой***
камера-ABL-ITER кто_нибудь.GEN когда PV-IMPF-тащить-TR.PST.3PL
фыдми-тæ кæн-ын-ы тыххæй,
пытка-PL делать-INF-GEN из_за
*уæд-**иу хыл** **с-амад-т-ой***
то-ITER ссора PV-строить-TR-PST.3PL
‘⟨Молодежь … пела в камерах революционные песни,⟩ **буянила**, когда из камеры **вытаскивали** кого-нибудь на пытку…’
[с. 778 / с. 610]

С точки зрения функционально-переводных соответствий очевидно, что употребление осетинской конструкции «глагол + частица *-иу*» при обозначении неограниченно-кратного политемпорального характера действия соответствует неограниченно-кратному типу употребления русского НСВ (в контексте

имеется в виду: названные действия происходили каждый раз, когда заключенных вели на пытку): *хыл-иу самадтой*[7] ‘они буянили’, *рацæйластой-иу* ‘они вытаскивали’. В русской форме НСВ *вытаскивали* в данном контексте превалирует неограниченно-кратное значение и, на наш взгляд, имплицитно присутствует конкретно-процессное. В осетинском языке благодаря аналитическому характеру конструкции, обозначающей политемпоральный характер действия, сохраняется выражение аспектуально-акциональной характеристики действия при каждом его повторе, а именно конкретно-процессное значение НСВ благодаря имперфективной форме (*ра-* + *-**цæй**-* + *-ластой*). В русском языке в рамках одной словоформы НСВ невозможно совместить выражение значений и конкретной процессуальности, и неограниченной кратности, а в осетинском, как следует из приведенного и многих других примеров, можно. Во втором случае употребления граммемы со значением политемпоральной кратности действия *хыл-иу самадтой* (букв. ‘устроили скандал, свару неоднократно’) наблюдается совмещение со значением политемпоральной кратности значений СВ в глаголе *самадтой* ‘они устроили’ — прошедшее время, 3-е лицо, множественное число, изъявительное наклонение — с указанием на общерезультативный способ действия, т. е. сохраняется обозначение аспектуально-акциональных характеристик действия во всей его полноте при каждом повторе.

Доказательством того, что приведенные противопоставления по аспектуальному основанию темпоральной кратности — это грамматическая оппозиция, является свобода этого противопоставления от лексических различий, а также соответствие критерию обязательности, регулярности, принудительности даже в тех случаях, когда этого не требуется, потому что из контекста бывает ясно, что речь идет о неограниченной кратности действия, например:

(18) *Цæлынмæ-**иу** уым **уыд**, уæд-мæ-**иу** Пелагея*
пока-ITER там быть.PST.3SG тогда-ALL-ITER Пелагея

[7] Частица *-иу* может располагаться и после союза, и после смысловой части составного именного сказуемого, и после вспомогательного глагола, и после одной из частей составного глагольного сказуемого.

Ильинична æмæ йæ мад ***ба-ззад-ысты***
Ильинична и POSS.3SG мать PV-оставаться-PST.3PL
*кухня-йы. Сываллæ-ттæ та-**иу** **хуыс-гæ***
кухня-IN ребенок-PL CONTR-ITER спать-PCVB
код-т-ой.
делать-TR-PST.3PL
'Пока Полина Георгиевна **находилась** у него, Пелагея Ильинична и ее мать **оставались** на кухне. Дети еще **спали**.' [с. 289 / с. 222]

В конструкциях *уыд-иу* (нормированный вариант *уыди*) 'она находилась' и *хуысгæ-иу кодтой* 'они спали' без потери для смысла могли быть употреблены глаголы без частицы *-иу*. Из общего контекста предыдущих и последующих высказываний, а также из содержания самого высказывания понятно, что данная ситуация повторялась много раз, но, тем не менее, срабатывает правило обязательного выражения грамматического значения, если оно оформилось в грамматическую категорию, поэтому употребляется конструкция «глагол + частица *-иу*».

Примеры в прошедшем времени в изъявительном наклонении приводились ранее. Приведем примеры функционирования конструкции «глагол + частица *-иу*» в политемпоральном значении в настоящем (19) и в будущем времени (20) изъявительного наклонения, а также в других наклонениях: повелительном (21) и сослагательном (22).

(19) *Искуы* ***иу*** *хатт-иу куы уым, куы ам*
когда_либо ITER раз-ITER когда тот когда этот.IN
фæ-тæпп кæн-ы *спичкæ-йы кæнæ*
PV-вспышка делать-PRS.3SG спичка-GEN или
тамако-судз-æн-ы зынг.
табак-жечь-INF2-GEN огонь
'Изредка то там, то здесь **вспыхивал**[8] огонек спички или зажигалки.' [с. 378 / с. 301]

(20) «*Хъус-ма, ау, мах-**иу** æрмæст*
слушать.IMP.2SG-еще неужели мы-ITER только

[8] Обращает на себя внимание употребление формы настоящего времени вместо прошедшего.

хъуыддадж-ы фæд-ыл ***æмбæл-дзыстæм*** *де-мæ?» —*
дело-GEN след-SUPER встречаться-FUT.1PL POSS.2SG-COMIT
æнæ-нхъæл-æдж-ы загът-а Олег. «Нæ,
без-надежда-PTCP.PRS-GEN говорить-TR.PST.3SG Олег NEG
*цæмæн афтæ, мах-æн-**иу** **с-æмбæл-æн** **уыдзæн**,*
почему так мы-DAT-ITER PV-встречаться-INF2 быть.FUT.3SG
уæгъд-иу *куы уæм, уæд», — загът-а*
свободный-ITER когда быть.FUT.1PL тогда говорить-TR.PST.3SG
Нинæ.
Нина
‘«Слушай, неужели мы **будем** с тобой **встречаться** только по делу?» — вдруг сказал Олег. «Нет, почему же, мы **можем встречаться**, когда **будем свободны**», — сказала Нина, ⟨немного смутившись⟩.’ [с. 343 / с. 273]

(21) *Немыц-ы фидар-гонд пунк-т-ыл-**иу***
немец-GEN крепкий-делать.PTCP.PST пункт-PL-SUPER-ITER
дæрд-т-ыл ***æр-зил***, *куыннæ*
далекий-PL-SUPER PV-поворачивать.IMP.2SG как.NEG
дæ фен-ой, афтæ.
2SG.ENCL.GEN видеть-SBJV.3PL так
‘Немецкие укрепленные пункты **обходи** так, чтобы не видели тебя.’ [с. 687 / с. 538]

(22) *Æмæ-**иу** кæдфæнды мæ цæсты-т-æй*
и-ITER когда_угодно POSS.1SG глаз-PL-ABL
ра-каст-аин, *ды кæддæриддæр уыд-тæ*
PV-смотреть-CNTRF.1SG ты когда_бы_ни быть-PST.2SG
мæ цур-ы.
POSS.1SG около-GEN
‘И когда **бы** я **ни открыл** глаза, ты была всегда возле меня.’ [с. 68 / с. 55]

Таким образом, отсутствие семантических расхождений в противопоставлении: монотемпоральный единичный характер действия / неограниченная кратность этого же действия при соотнесении с ситуацией его повторения в разные временны́е промежутки, а также обязательность, регулярность, принудительность выражения значения политемпоральной кратности действия во всех временах и наклонениях с помощью аналитической конструкции «глагол + частица *-иу*» позволяет говорить о функционировании

в осетинском языке грамматической категории кратности. Этой категории в современном осетинском языке специально принадлежат значения, вхождению которых в семантический потенциал русского НСВ отказывает профессор В. С. Храковский. В осетинском языке нет оснований для дискуссий на эту тему, поскольку сферы обозначения всех частных значений конкретно-процессного потенциала несовершенного вида и потенциала политемпорального неограниченно-кратного значения разделились между соответствующими граммемами двух грамматических категорий.

2. Аспектуально-акциональное многообразие глаголов с приставкой *фæ-*

2.1. Способ действия (СД)

В общем контексте функционально-семантического поля аспектуальности в современном осетинском языке особое место занимают глаголы с приставкой *фæ-*, отличающиеся многообразием аспектуально-акциональных значений и функций. Так, присоединяясь к глаголам предельной и непредельной семантики[9],

[9] «Предельные глаголы обозначают такие действия, которые по своей природе предполагают, хотя бы в отдаленной перспективе, достижение предела, кладущего конец действию. Непредельные глаголы обозначают действия, не предполагающие по своей природе никакого внутреннего предела действия, которые могут длиться беспредельно и не содержат в самих себе никаких предпосылок своего прекращения. Противопоставление предельности и непредельности обычно реализуется в языке как противопоставление значений разных глаголов, а в ряде случае и как противопоставление разных значений одного и того же глагола ⟨…⟩. Соответственно говорят и о глаголах двойственных, с меняющимся значением предельности/непредельности. Во многих случаях глагол, непредельный в абсолютном употреблении, становится предельным в сочетании с дополнением (определенного типа) или с обстоятельством цели (границы движения)» [Маслов 2004b: 314–315]. Универсальность лексико-грамматической категории предельность/непредельность доказал на материале корейского и японского языков проф. А. А. Холодович: «Какой бы язык мы ни взяли, всюду глагол “садиться” будет предельным (то есть глаголом, отображающим состояние с одной степенью свободы), а глагол “петь” — непредельным (то есть глаголом с несколькими или многими степенями свободы)» [Холодович 1963: 8–9].

преверб *фæ-* маркирует в глаголах современного осетинского языка самое большое число способов действия, выступающих в качестве функционально-переводных соответствий следующих русских способов действия: дистрибутивно-суммарного СД, кумулятивного СД, длительно-ограниченного СД, ограничительного СД, общерезультативного СД, сравнительно-результативного СД, тотального СД, чрезмерно-кратного СД, однократного СД, см. некоторые иллюстрации в таблице 3.

Таблица 3. Предикаты с превербом *фæ-* и различные СД
Table 3. Predicates with the preverb *fæ-* and different modes of action

предикат	**перевод**	**СД**
фæхуыссын (æнæхъæн бон)	‘проспать, пролежать (целый день)’	пердуративный (длительно-ограниченный)
фæцархайын (иу цасдæр рæстæг)	‘повозиться (какое-то время)’	делимитативный (ограничительный)
фæлæмæгъ уын[10]	‘ослабеть, стать несколько слабее по сравнению с подразумеваемым исходным состоянием’	сравнительно-результативный
фæхæтын (æппæт дунейы)	‘изъездить (весь мир)’	тотальный
фæриссын (удæй)	‘изболеться (душой)’	чрезмерно-кратный
фæтъыссын	‘всунуть’	однократный
фæтъæбарттæ кæнын	‘помчаться’	начинательный
фæрæдийын	‘ошибиться’	общерезультативный
фæарфæтæ кæнын (адæмæн сеппæтæн)	‘поблагодарить (всех людей)’	дистрибутивный (распределительный)
фæхæлæф кæнын (листовкæтыл)	‘расхватать (листовки)’	
фæуидзын (æфсиртæ)	‘насобирать (колосьев)’	кумулятивный (собирательный)

[10] Сравним: ***ны****ллæмæгъ уын* ‘ослабеть сильно’, ***æрба****лæмæгъ уын* ‘ослабеть внезапно’, ***а****лæмæгъ уын* ‘ослабеть едва заметно’.

2.2. Настоящее неактуальное абстрактное

Глаголы с приставкой *фæ-* выступают в качестве функционально-переводных соответствий видовременных форм русских глаголов НСВ в значении настоящего неактуального абстрактного, выражающего повторяющееся обычное действие, представленное в широком плане настоящего времени, не связанного с моментом речи, см., например, (23).

(23) ⟨…⟩ *се-ппæт-æн ма сæ ном-тæ дæр куы*
POSS.3PL-весь-DAT еще POSS.3PL имя-PL ADD когда
фæ-зон-ыс, *уæд сæ ал-кæцы-йы дæр*
PV-знать-PRS.2SG тогда POSS.3PL каждый-который-GEN ADD
зæрдæ-йæ ***фæ-тон-ыс***, *æфсымæр-ы куыд*
сердце-ABL PV-рвать-PRS.2SG родной-GEN как
тон-ай, афтæ…
рвать-SBJV.2SG так
‘⟨Но, когда в ротах по семь-восемь человек в строю⟩ и всех **знаешь** по именам, тогда каждого, как родного, **отрываешь** от сердца…’ [с. 393 / с. 313]

Нами установлено, что глаголы с приставкой *фæ-* выступают в настоящем неактуальном абстрактном значительно чаще, чем осетинские глаголы с другими приставками [Левитская 2022b].

2.3. Суммарность, кратность, повторность действия

В рамках исследования способности глаголов с приставкой *фæ-* участвовать в обозначении кратности действия, его суммарного характера, его повторности наблюдается их употребление в качестве смысловых и аспектуально-акциональных эквивалентов русских глаголов в форме прошедшего времени в значении суммарной разновидности конкретно-фактического типа употребления глаголов СВ и перфектной разновидности обобщенно-фактического типа употребления глаголов НСВ. Например (подробнее см. работу [Левитская 2021]):

(24) *Фæлæ-иу хатт-æй-хатт йæ зæрд-ыл*
но-iter раз-abl-раз poss.3sg сердце-super
æрба-лæууыд-и йæ цард æппæт дæр æмæ
pv-стоять-pst.3sg poss.3sg жизнь весь add и
*йæ-хæдæг цы **хæст-ыт-ы фæ-цис**, уыдон.*
poss.3sg-refl что война-pl-in pv-быть.prs.3sg тот.pl
'Но иногда он вспоминал всю свою жизнь и войны, в которых сам **участвовал**.' [с. 250 / с. 197]

В (24) русскому глаголу в форме НСВ 'участвовал (в войнах)' функционально соответствует осетинский глагол в форме СВ *фæцис* (*хæстыты*) букв. 'побывал, поучаствовал в войнах'. Определяющим моментом в выборе осетинской формы, адекватной аспектуальным смыслам русского варианта, является то, что русский глагол употреблен в перфектной разновидности обобщенно-фактического типа употребления НСВ, когда глаголом в форме прошедшего времени «констатируется такое наличие или отсутствие факта в прошлом, которое характеризует состояние субъекта в данный момент» [Бондарко 1980: 612]. Именно поэтому в осетинском функционально-переводном эквиваленте выступает приставочный глагол СВ с *фæ-*, выражающий значение кратности действия, представленного как обобщенный факт. В осетинской параллели имплицитно присутствует дополнительная семантика неоднократности действия, сближающая осетинский глагол *фæцис* с русским глаголом *побывал* (букв.: 'войны, на которых он сам побывал'). Эту семантику привносит преверб *фæ-*.

В случаях употребления глагола с *фæ-* в качестве функционально-переводного соответствия русскому глаголу СВ, как, например, в (25), наблюдаем следующие особенности: на повторный характер действия в русском варианте указывают лексические средства ('столько песен'), контекст, сама же форма глагола в СВ ('спели') не выражает значения кратности, обозначает единичный конкретный факт [Бондарко 1980: 608; Зализняк, Шмелев 2000: 19–20], тогда как в осетинской версии это значение передается и лексическими средствами, и формой глагола с приставкой *фæ-* (*зарджытæ фæкодтæм*). Именно присутствие приставки *фæ-* актуализирует значение кратности действия как обобщенного факта, которое

дополнительно подчеркивается формой множественного числа объекта (*Уый бæрц бирæ зарджытæ*) [Левитская 2021].

(25) *Уый бæрц бирæ* ***зардж-ытæ*** *цы*
тот количество много песня-PL что
тыгъд быдыр-ы ***фæ-код-т-æм***,
просторный степь-IN PV-делать-TR-PST.1PL
уырдæм куы а-каст-æн, ⟨…⟩.
тот.DIR когда PV-смотреть-PST.1SG
'Я как посмотрела на степь, где мы столько песен **спели**, ⟨да на этот закат, и еле слезы сдержала⟩.' [с. 9 / с. 9]

2.4. Хабитуальное значение

Еще одна группа характерных для глаголов с приставкой *фæ-* значений — это значения «иметь обыкновение что-то делать», т. е. значение обычности/типичности/хабитуальности/узуальности, о чем писал в свое время В. И. Абаев: «Преверб *фæ-* в настоящем времени выражает обычность действия ("permansiv"), что не вполне совпадает с многократностью ⟨…⟩» [Абаев 1962: 596–597]. Почти 70% выбранных нами из текста художественного произведения контекстуальных примеров с глаголом *фæ-* в настоящем времени — это глаголы со значением 'иметь обыкновение что-то делать'. Например:

(26) *Адæм ахæм-т-ы* ***фæ-хон-ынц*** *арæхстджын-тæ.*
народ такой-PL-GEN PV-звать-PRS.3PL умелец-PL
'В народе таких **зовут** «умельцами».' [с. 286 / с. 226]

И в русских, и в осетинских примерах отсутствуют временные детерминанты — обстоятельства, которые служат, по словам В. С. Храковского, «стандартным маркером повторительного значения» [Храковский 2014: 10]. В такого рода высказывания на русском языке можно легко, никак не нарушая смысла, ввести обстоятельства 'обычно', 'обыкновенно', но их присутствие не является обязательным. В осетинском языке значение хабитуальности, обычности выражается, в первую очередь, глаголом НСВ с приставкой *фæ-* в форме настоящего актуального абстрактного,

а затем уже может дополняться обстоятельствами соответствующей семантики, особенностями синтаксической структуры, наводиться контекстом [Левитская 2022b].

2.5. Становление вида как грамматической категории в осетинском языке

В толковых словарях современного осетинского языка приводятся словарные статьи, свидетельствующие о том, что глагольные формы с *фæ-* могут иметь значение только НСВ или только СВ, или одновременно и значение НСВ, и значение СВ. Например, приведем сведения из Осетинско-русского словаря [Гуриев, Гутиева 2016, 2017, 2018, 2019], самого объемного из печатных изданий последнего десятилетия. Начнем с примеров глаголов только несовершенного вида. Таких нами выбрано 105. Например:

• *фæбæллын* ‘мечтать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 217] (букв. ‘мечтать обычно или долго’) — *бæллын* ‘мечтать’ [Гуриев, Гутиева 2017: 181];

• *фæзонын* ‘знать, уметь’ [Гуриев, Гутиева 2019: 232] (букв. ‘знать обычно, как правило’) — *зонын* ‘знать, уметь’ [Гуриев, Гутиева 2017: 637];

• *фæкувын* ‘долго молиться’ [Гуриев, Гутиева 2019: 239] — *кувын* ‘молиться, кланяться, боготворить, угодничать’ [Гуриев, Гутиева 2018: 85].

Приведенные и подобные им примеры — это примеры глаголов «непредельных в абсолютном употреблении, которые становятся предельными в определенной языковой ситуации» [Маслов 1984: 11]. Фактором, влияющим на актуализацию в глаголах подобной (непредельной) природы значения предельности, является присоединение приставки *фæ-*: в таких глаголах появляется дополнительная семантика, связанная с обстоятельствами определенного типа, чаще всего временны́е ограничители, указатели на некий количественно-временной предел. Например:

• *фæдымын* ‘дуть, курить продолжительное время’ [Гуриев, Гутиева 2019: 225], ‘пробыть в состоянии курения какое-то продолжительное время’;

• *фæкæфын* ‘долго танцевать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 238], ‘протанцевать в течение долгого времени’;

• *фæкувын* ‘долго молиться’ [Гуриев, Гутиева 2019: 239], ‘пробыть в молитвенном состоянии долгое время’;

• *фæкусын* ‘долго работать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 239], ‘проработать в течение долгого времени’;

• *фæфæрсын* ‘долго спрашивать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 308], ‘расспрашивать долго, подробно, многократно’.

Глаголы подобной семантики близки своей акциональностью (т. е. обозначением особенностей протекания действия) русским глаголам длительно-ограниченного способа действия, типа *проработать* и т. п., или ограничительного типа *поработать* и т. п., см. подробнее [Левитская 2022а].

В этой же группе глаголов с приставкой *фæ-*, приведенных в вышеназванном и других словарях как глаголов **только НСВ**, есть сведения и о глаголах, производных от предельных. Например:

• *фæивазын* ‘растягивать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 234] — *ивазын* ‘растягивать’ [Гуриев, Гутиева 2017: 663];

• *фæифтындзын* ‘запрягать, заряжать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 235] — *ифтындзын* ‘запрягать (лошадь), заряжать (ружье)’ [Гуриев, Гутиева 2017: 716];

• *фæтайын* ‘постепенно таять’ [Гуриев, Гутиева 2019: 296] — *тайын* ‘таять; плавить(ся); растворять(ся) и др.’ [Гуриев, Гутиева 2019: 11].

В подобных случаях, когда производящий глагол — предельный, в производном присутствие приставки не просто актуализирует значение предельности, выступает индикатором предельности, а подчеркивает значение направленности на достижение результата. Например:

• *ныгуылын* ‘закатываться, заходить, садиться (о солнце)’ [Гуриев, Гутиева 2018: 367] → *фæныгуылын* ‘закатываться, заходить (о солнце)’ [Гуриев, Гутиева 2019: 267];

• *æхсадын* ‘веять (зерно), снимать кожицу, лущить, шелушить, подстригать (деревья), расчищать, полоть’ [Гуриев, Гутиева 2016: 657] → *фехсæдын* ‘чистить, очищать (овощи); молоть кукурузу, обрезать сухие ветки’ [Гуриев, Гутиева 2019: 340];

• *ивылын* ‘разливаться’ [Гуриев, Гутиева 2017: 668] → *фæивылын* ‘разливаться’ [Гуриев, Гутиева 2019: 234].

В приведенных примерах значения предельных глаголов переводятся на русский язык глаголами несовершенного вида,

однако носители осетинского языка воспринимают приставочные глаголы с *фæ-* как обозначение действий, которые непременно завершаются достижением результата.

В связи с подобными осетинскими примерами уместно вспомнить слова проф. М. А. Шелякина: «Значение результативности вообще является одним из основных аспектуальных значений категории предельности, что объясняется сущностью соответствующих действий, имеющих внутреннюю направленность на предел как на переход субъекта или объекта в новое одновероятное состояние, предопределяющее прекращение осуществления действия» [Шелякин 2017: 68]. Приставочные глаголы предельной семантики, находящиеся (по данным словарей современного осетинского языка) при соединении с приставкой *фæ-* в зоне глаголов НСВ, отражают ситуацию, похожую на ту, о которой писал П. С. Кузнецов: «В древнерусских и старославянских памятниках древнейшей эпохи еще не было того противопоставления СВ и НСВ, какое наблюдается теперь, — присоединение приставки ⟨…⟩ не переводило глагол в совершенный вид» [Кузнецов 1951: 452]. И позже П. С. Кузнецов отмечал: «В древних славянских памятниках /и особенно в древнерусских/ мы находим глаголы, могущие принадлежать к обоим этим видам или вообще с точки зрения вида еще не установившиеся» [Кузнецов 1961: 141].

В глаголах группы **только НСВ**, производных от глаголов, имеющих в своем смысловом потенциале сему кратности действия, обнаруживается не только значение многократного характера действия, но и имплицитное указание на результативность действия при каждом его повторе. Например:

• *фæдæттын* ‘давать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 278], ‘дать многократно’ — *дæттын* ‘давать’ [Гуриев, Гутиева 2017: 423];

• *фæфæрсын* ‘расспрашивать, долго спрашивать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 308], ‘спросить многократно’ — *фæрсын* ‘спрашивать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 278];

• *фæисын* ‘брать, взимать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 235], ‘взять неоднократно — *исын* ‘брать, взимать’ [Гуриев, Гутиева 2017: 694];

• *фæфидын* ‘выплачивать, платить неоднократно’ [Гуриев, Гутиева 2019: 308], ‘заплатить неоднократно’ — *фидын* ‘платить’ [Гуриев, Гутиева 2019: 348];

• *фæрасгар-басгар кæнын* ‘обыскивать, ощупывать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 271], ‘обыскать, ощупать неоднократно’ — *расгар-басгар кæнын* ‘обыскивать, ощупывать’ [Гуриев, Гутиева 2018: 628].

С одной стороны, глаголы с приставкой *фæ-* подобной семантики близки группе русских «реликтовых» глаголов типа *давывать*, *хаживать*, *бирывать*, *говаривать*, *сиживать*, *певать* и др. С другой стороны, осетинские глаголы с *фæ-* этой группы могут быть сближены с русскими глаголами, названными профессором Ю. С. Масловым глаголами «результативно-кратного СД» в праславянском языке, «когда приставка результативного значения соединялась с неопределенно-многократной основой ⟨…⟩. В таком сочетании приставка обозначала направленность на результат каждого отдельного акта повторяющегося действия, т. е. не устраняла многократно-неопределенного значения основы» [Маслов 2004с: 468]. Характеризуя глаголы этого СД, Ю. С. Маслов отмечает, что приставочные глаголы этого СД в праславянском языке «входят в группу предельных основ» [Маслов 2004с: 468].

Самую большую группу глаголов составили глаголы в значении только совершенного вида. Нами выбрано 663 словарные статьи из названного словаря. Например:

• *фæбадын* ‘посидеть’ [Гуриев, Гутиева 2019: 217] — *бадын* ‘сидеть’ [Гуриев, Гутиева 2017: 31];

• *фæлæбурын* ‘схватить(ся); напасть, кинуться, наброситься; быстро приняться за дело’ [Гуриев, Гутиева 2019: 241] — *лæбурын* ‘нападать; ломиться, врываться, набрасываться; затевать драку, ссору; схватывать, хватать’ [Гуриев, Гутиева 2018: 187];

• *фæуромын* ‘задержать, остановить, приостановить; прервать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 305] — *уромын* ‘останавливать, задерживать, тормозить, удерживать, препятствовать; выдерживать, терпеть; успокаивать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 184];

• *фæхудын* ‘посмеяться, рассмеяться’ [Гуриев, Гутиева 2019: 314] — *худын* ‘смеяться; издеваться; осуждать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 530];

• *фестын* ‘встать, вскочить; стать, превратиться’ [Гуриев, Гутиева 2019: 338] — *стын* ‘вставать, подниматься’ [Гуриев, Гутиева 2018: 671];

• *фæриссын* ‘переболеть, поболеть; перестрадать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 275] — *риссын* ‘болеть’ [Гуриев, Гутиева 2018: 543].

Нетрудно заметить, что глаголы этой группы (в значении только СВ) имеют в качестве производящих глаголы как предельной, так и непредельной семантики (как и глаголы первой группы — только НСВ), а именно: *бадын* ‘сидеть’, *худын* ‘смеяться’, *риссын* ‘болеть’ — глаголы непредельные; *лæбурын* ‘нападать; ломиться, врываться, набрасываться; затевать драку, ссору; схватывать, хватать’, *уромын* ‘останавливать, задерживать, тормозить, удерживать, препятствовать; выдерживать, терпеть; успокаивать’, *стын* ‘вставать, подниматься’ — глаголы предельные. В роли производящих для глаголов данной группы могут выступать и глаголы с двойственной семантикой. Например:

• *фæсидын* ‘призвать, пригласить’ [Гуриев, Гутиева 2019: 284] ← *сидын* ‘звать’ (ПД), ‘общаться’ (НПД), ‘призывать’ (ПД), ‘вызывать’ (ПД), ‘вещать’ (НПД), ‘провозглашать тост’ (ПД) [Гуриев, Гутиева 2017: 207];

• *фæхæссын* ‘унести; вырастить детей’ [Гуриев, Гутиева 2019: 311] ← *хæссын* ‘нести; длиться; содержать’ (НПД), ‘растить, воспитывать детей; уносить; уводить; выполнять обязанности; кормить; продолжаться’ (ПД) [Гуриев, Гутиева 2019: 476];

• *фæцымын* ‘попить’ [Гуриев, Гутиева 2019: 321] ← *цымын* ‘пить глотками; хлебать’ (НПД), *цымын цай* ‘пить чай’ (ПД) [Гуриев, Гутиева 2019: 704].

Подчеркнем при этом, что в группу приставочных глаголов с *фæ-* в значении только СВ, обладающих видовой соотносительностью, входят глаголы, производные от бесприставочных глаголов предельной семантики или от глаголов с двойственной семантикой ПД/НПД, например:

• *фæлæбурын* ‘схватить(ся); напасть, кинуться, наброситься; быстро приняться за дело’ [Гуриев, Гутиева 2019: 241] ← *лæбурын* ‘нападать (ПД); ломиться’ (ПД), ‘врываться’ (ПД), ‘набрасываться’ (ПД); ‘затевать драку, ссору’ (ПД); ‘схватывать’ (ПД), ‘хватать’ (ПД) [Гуриев, Гутиева 2018: 187];

• *фæуромын* ‘задержать, остановить, приостановить; прервать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 305] ← *уромын* ‘останавливать’ (ПД), ‘задерживать’ (ПД), ‘тормозить’ (ПД), ‘удерживать’ (ПД), ‘препятствовать’

(ПНД); ‘выдерживать’ (ПД), ‘терпеть’ (НПД); ‘успокаивать’ (ПД) [Гуриев, Гутиева 2019: 184];

• *фездахын* ‘повернуть; вернуть’ [Гуриев, Гутиева 2019: 325] ← *здахын* ‘поворачивать’ (ПД), ‘возвращать’ (ПД) [Гуриев, Гутиева 2017: 617];

• *фестын* ‘встать, вскочить; стать, превратиться’ [Гуриев, Гутиева 2019: 338] ← *стын* ‘вставать’ (ПД), ‘подниматься’ (ПД) [Гуриев, Гутиева 2018: 671].

Вышеизложенные наблюдения над осетинскими глаголами с *фæ-* в сопоставлении с фактами русского языка укладываются в общую «канву» наших размышлений об особом статусе глаголов с приставкой *фæ-* в современном осетинском языке как отражающих разные этапы в истории формировании категории вида в современном осетинском языке.

На эту же идею работает и малочисленная группа глаголов с *фæ-*, в словарных статьях о которых приводятся одновременно и значения СВ, и значения НСВ как свойственные одной и той же глагольной форме. Например:

• *фæмарын* ‘убивать’ (НСВ), ‘убить’ (СВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 255] ← *марын* ‘убивать, мучить’ [Гуриев, Гутиева 2018: 248];

• *фæмысын* ‘вспоминать’ (НСВ), ‘выдумывать’ (НСВ), ‘наговорить’ (СВ), ‘наклеветать’ (СВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 256] ← *мысын* ‘придумывать, измышлять, сочинять, наговаривать’ [Гуриев, Гутиева 2018: 317];

• *фæнæмын* ‘побить’ (СВ), ‘поколотить’ (СВ), ‘долго мять’ (НСВ), ‘утрамбовывать’ (НСВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 258] ← *нæмын* ‘бить, колотить, мять; избивать; топтать, трамбовать’ [Гуриев, Гутиева 2018: 335];

• *фæхафын* ‘скоблить’ (НСВ), ‘соскоблить’ (СВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 310] ← *хафын* ‘скоблить, тереть, строгать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 422];

• *фæулæфын* ‘дышать’ (НСВ), ‘надышаться’ (СВ); ‘отдыхать’ (НСВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 305] ← *улæфын* ‘дышать, вздыхать, отдыхать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 183].

Нами выбрано 53 таких глагола. Как и в предыдущих группах глаголов (только НСВ или только СВ), в данной группе мы наблюдаем производные от бесприставочных глаголов как

предельной, так и непредельной семантики, или от глаголов с подвижной границей между предельными и непредельными значениями одного и того же глагола, см. таблицу 4.

Таблица 4. Глаголы предельной и непредельной семантики
Table 4. Telic and atelic verbs

Производящие глаголы	
Предельные	• *лæмарын* ‘выжимать’ (ПД) [Гуриев, Гутиева 2017: 207] → *фæлæмарын* ‘выжимать’ (НСВ), ‘выжать’ (СВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 241];
	• *æргом кæнын* ‘обнаруживать’ (ПД), ‘раскрывать’ (ПД), ‘разоблачать’ (ПД), ‘проявляться’ (ПД) [Гуриев, Гутиева 2016: 568] → *фергом* кæнын ‘открыть’ (СВ), ‘открывать’ (НСВ), ‘раскрыть’ (СВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 335];
	• *æрвитын* ‘посылать’ (ПД), ‘адресовать’ (ПД), ‘отсылать’ (ПД), ‘отряжать’ (ПД), ‘препровождать’ (ПД), ‘прогонять’ (ПД), ‘подсылать’ (ПД), ‘высылать’ (ПД) [Гуриев, Гутиева 2016: 565] → *фервитын* ‘послать’ (СВ), ‘посылать’ (НСВ), ‘отправить’ (СВ), ‘отправлять’ (НСВ), ‘отослать’ (СВ), ‘отсылать’ (НСВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 335];
Непредельные	• *тæхын* ‘летать; лететь’ [Гуриев, Гутиева 2019: 51] → *фæтæхын* ‘долго лететь’ (НСВ), ‘долго бежать’ (НСВ), ‘пролетать’ (СВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 299];
	• *хойын* ‘бить, стучать, толкать, молотить’ [Гуриев, Гутиева 2019: 507] → *фæхойын* ‘побить’ (СВ), ‘стучать’ (НСВ), ‘поколотить’ (СВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 313];
	• *хъазын* ‘играть, резвиться, веселиться; плясать, танцевать; шутить; играть на сцене; джигитовать’ [Гуриев, Гутиева 2019: 566] → *фæхъазын* ‘долго играть’ (НСВ), ‘подшутить’ (СВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 315];

Окончание Табл. 4

Производящие глаголы	
С двойственной семантикой ПД/НПД	• *дзурын* ‘говорить’ (НПД), ‘звать’ (ПД), ‘призывать’ (ПД), ‘свататься’ (НПД) [Гуриев, Гутиева 2017: 531] → *фæдзурын* ‘долго говорить’ (НСВ), ‘наговорить’ (СВ), ‘позвать’ (СВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 227];
	• *мысын* ‘измышлять’ (ПД), ‘придумывать’ (ПД), ‘сочинять’ (ПД), ‘изобретать’ (ПД), ‘наговаривать’ (ПД), ‘тосковать’ (НПД), ‘скучать’ (НПД), ‘вспоминать’ (ПД), ‘припоминать’ (ПД), ‘помнить’ (НПД) [Гуриев, Гутиева 2018: 317] → *фæмысын* ‘вспоминать’ (НСВ), ‘выдумывать’ (НСВ), ‘наговорить’ (СВ), ‘наклеветать’ (СВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 256];
	• *сурын* ‘гнать’ (НПД), ‘прогонять’ (ПД), ‘выгонять’ (ПД), ‘обгонять’ (ПД), ‘нагонять’ (ПД), ‘преследовать’ (НПД) [Гуриев, Гутиева 2018: 684] → *фæсурын* ‘гнать’ (НСВ), ‘гнаться за кем-либо’ (НСВ); ‘разогнать’ (СВ), ‘прогнать’ (СВ), ‘погнать’ (СВ) [Гуриев, Гутиева 2019: 294].

3. Развитие приставок как видообразующего средства в готском и славянских языках

Важно отметить, что в подавляющем большинстве случаев все глаголы с приставкой *фæ-* — это глаголы предельные, даже глаголы в значении НСВ, которые могут иметь значение предела как указание на количественно-временную границу или объектный ограничитель. Этот факт интересен с типологической точки зрения, если мы вспомним об аспектуальных особенностях приставки *ga-* в готском языке, о которых писал Ю. С. Маслов: «Формы с приставкой *ga-* ⟨…⟩ иногда соответствуют славянскому несовершенному виду, и притом не только многократному, но и “процессному” его значению ⟨…⟩. В более древнюю пору, в период до соединения глаголов с приставками предельное и непредельное значения в одних случаях выражались разнокорневыми

основами, а в других — совмещались в одной и той же основе. Затем появляются приставочные глаголы, в которых приставка, ограничивая протекание действия в пространственном и временном отношении, обычно превращает глагол в предельный. Большинство приставок ⟨…⟩ вносит в глагол значение конкретного предела, связанного с пространственным ограничением протекания процесса или уточнением того или иного частного способа действия. Но наряду с этим выделяются и такие приставки, в которых значение предела носит более абстрактный характер, прежде всего приставка *ga-* ⟨…⟩. К основам, выступавшим до сих пор в обоих значениях, — предельном и непредельном, — все чаще прибавляется теперь для недвусмысленного выражения предельного значения приставка *ga-* (или другие приставки) ⟨…⟩» [Маслов 2004а: 261, 265].

Похожие процессы наблюдались и в развитии роли превербов в славянских языках: «В X/XI вв. — в начале XII в. глагольные приставки в русском языке играли в основном словообразовательную роль и не сообщали основе глагола значения совершенного вида ⟨…⟩. С середины XII в. по конец XIV в. ⟨…⟩ укрепляется и окончательно формируется значение совершенного вида. ⟨…⟩ Вместе с формированием значения СВ происходит осмысление приставок как видообразующего средства» [Аванесов, Иванов 1982: 277–278].

4. Формирование категории вида в осетинском языке

Изложенные факты относительно функциональной многозначности осетинских глаголов с приставкой *фæ-* позволяют сформулировать несколько суждений.

«Палитра» видовых значений глаголов с приставкой *фæ-* является, на наш взгляд, отражением разных этапов в формировании категории вида в современном осетинском языке, а именно: группа глаголов НСВ — это отражение периода, когда превербы еще не были вовлечены в выражение видовых значений. Приставочные глаголы с *фæ-*, как свидетельствует языковой материал, были привлечены последними к участию в видовых

противопоставлениях, поскольку в этом превербе отсутствовала пространственно-ориентационная семантика. Как известно из работ проф. Ю. С. Маслова, проф. А. В. Бондарко и других аспектологов, решающим фактором в становлении категории вида как грамматической в русском языке явилось появление форм с имперфективным значением, а точнее, формирование значения имперфективности, процессности в кругу приставочных глаголов движения/перемещения на стыке категорий предельности/непредельности и определенности/неопределенности действия: «Необходимость выражения имперфективного значения возникла в кругу приставочных глаголов, которые в позднем праславянском языке, равно как и в предписьменную эпоху развития древнерусского языка, составляли самую многочисленную группу глагольной лексики. Первоначально именно она была достаточно отчетливо дифференцирована по категориям определенности/неопределенности и предельности/непредельности, на стыке которых и началось формирование видовых значений. Поэтому развитие категории имперфективности шло главным образом в этой сфере» [Аванесов, Иванов 1982: 163].

Главным фактором в этом процессе является возможность языкового выражения значения перцептивности/восприятия органами чувств, наблюдаемости за процессом протекания действия между его началом и концом, в середине его течения. «〈…〉 Признак процессных ситуаций вытекает из самого содержания процессности: действие, в котором выделяется фиксируемый период; действие, представленное в динамике его протекания от более ранних моментов к более поздним, — это прежде всего действие наблюдаемое (или воспринимаемое на слух, осязаемое и т. д.). Наблюдаемость предполагает время (период) наблюдения (вообще восприятия) и наличие наблюдателя (воспринимающего субъекта). В некоторых случаях может быть существенным и третий компонент — место наблюдения в его соотношении с местом протекания действия» [Бондарко 2016: 133].

В осетинском языке выражение значения перцептивности стало возможным на определенном этапе развития осетинского языка в кругу глаголов с приставками *æр-*, *ærба-*, *ра-*, *с-*, *фæ-*, пространственно-ориентационная семантика которых не

противоречила возможности выразить значение перцептивности. Насколько мы можем судить по фактам иронского и дигорского диалектов, в круг глаголов, способных обозначать перцептивность, в первую очередь вошли именно глаголы, указывающие на позицию условного наблюдателя, совпадающую с направлением движения, т. е. глаголы с приставками *æр-*, *ærба-*, *ра-*, *с-*. Так как глаголы с приставкой *фæ-* были свободны от значения пространственной ориентации, то они, как мы можем судить по состоянию на настоящий момент, вовлеклись заметно позже в выражение значения имперфективности. Однако, судя по тому, что эти глаголы со значением только совершенного вида составляют самую большую группу, процесс вовлечения их в аспектуальное поле проходил достаточно активно (более 79% глаголов с *фæ-* из нашей выборки — это глаголы только СВ). И самый маленький процент глаголов с *фæ-* (6%) — это глаголы, совмещающие значения и НСВ, и СВ в рамках одной лексемы. Именно эта группа глаголов отражает, на наш взгляд, переходный период.

В осетинском языке формирование вида шло типологически сходным образом с русским языком, на стыке категорий пространственной ориентации и предельности/непредельности. Выразителем имперфективного значения стала приставочная форма с аффиксом *-цæй-*, следующим за приставкой перед корнем. Отсутствие пространственно-ориентационной семантики в превербе *фæ-*, ставшее на каком-то этапе его «изъяном», послужившим более позднему его вовлечению в видовые противопоставления, стало со временем его «преференцией», условием его неограниченной «валентности», что заметил в свое время Э. Бенвенист [Бенвенист 1965: 110], и привело к тому, что в настоящее время *фæ-* характеризует в современном осетинском языке десять разных способов действия, перечисленных ранее. Кроме того, приставочные глаголы с *фæ-* выступают также в качестве аспектуально-акциональных функционально-переводных эквивалентов русских глаголов в значении суммарной разновидности конкретно-фактического типа употребления СВ и перфектной разновидности обобщенно-фактического употребления НСВ. Несомненный аспектологический интерес представляет также

употребление глаголов с *фæ-* в форме настоящего времени для выражения хабитуальности и узуальности в осетинском языке, имеющих разные оттенки, см. подробнее [Левитская 2022b].

Приведенные факты относительно глаголов с приставкой *фæ-*, свидетельствующие, на наш взгляд, о сравнительно «молодом» возрасте вида как грамматической категории в современном осетинском языке, могут быть дополнены и такими фактами, как функционирование приставки в соединении с аффиксом *-цæй-* отдельно от основы. Например:

(27) ***Ра-цæй*** *йын* ***хаст-ой*** *чемодан,*
PV-IMPF 3SG.ENCL.DAT нести-TR.PST.3PL чемодан
тыхтæ-тæ, *кæлмæрзæн.*
узел-PL платок
'Ей уже **несли** чемодан, узлы, платок.' [с. 58 / с. 47]

Такие случаи очень редки в иронском и более часты в дигорском. Не менее яркими доказательствами нашего суждения о «молодом» возрасте категории вида в осетинском служат не только приведенные факты относительно иронских глаголов с *фæ-*, но и многочисленные факты дигорского, более архаичного по сравнению с иронским диалекта. Тот факт, что дигорские формы с *-цæй-* не всегда выражают значение имперфективности, заметил еще В. И. Абаев: «Дигорский ⟨…⟩ часто не дает заметного отличия глагольных образований с этим аффиксом от форм без *-цæй-*: *Рацæййевгудæй мæ догæ* 'ушло мое время'; *ниццæйкалдæй мæ мæсуг* 'рухнула моя башня' — вместо *рацæййевгудæй* 'ушло' и *ниццæйкалдæй* 'рухнула' можно было сказать также *райевгудæй* 'ушло' и *никкалдæй* 'рухнула', так как речь идет о вполне завершившихся действиях» [Абаев 1949: 419].

Убедительным подтверждением недавней истории развития категории вида в современном осетинском языке является также утрата иронскими превербами их функции обозначать только предельный характер действия, вне связи со значением перфективности. На определенном этапе развития вида в осетинском языке, когда значение перфективности «перекрыло» значение предельности и приставки стали обозначать перфективность,

включающую предельность, отпала необходимость маркировать с помощью приставок предельность в глаголах предельной семантики. Аналогичные процессы наблюдались и в русском языке с середины XII в. по конец XIV в. и позже [Аванесов, Иванов 1982: 277–278]. Именно такую картину мы наблюдаем в иронском диалекте, для которого характерно большее количество инноваций в фонетике и грамматическом строе. Рассмотрим таблицу 5. В опрощенных глаголах дигорского диалекта наблюдаем сращение «мертвого», утраченного системой живых превербов осетинского языка, преверба *и-* в предельных глаголах как показателя их предельности. В иронских формах предельных глаголов данный преверб отсутствует. Однако при соединении с «живыми» превербами утраченный преверб восстанавливается и в иронских формах, что доказывает высказанный выше тезис о недавнем возникновении способности осетинских приставок перфективировать глагол.

Таблица 5. Расхождения между дигорскими опрощенными и иронскими бесприставочными глагольными формами
Table 5. Differences between Digor fused verb forms and Iron non-prefixed verb forms

Дигорский	**Иронский**	**Русский**	**Иронский (при соединении с живыми приставками)**
и*гурун*	*гуырын*	рождаться	*ра-**й**-гуырын* ‘родиться’
и*зайун*	*зайын*	расти	*ба-**з**-зайын* ‘остаться’ (*-з-* — результат ассимиляции из *-й-*)
и*сæрун*	*сæрын*	закалять	*ба-**й**-сæрын* ‘закалить (сталь)’
и*сæфун*	*сæфын*	пропадать	*æрба-**й**-сæфын* ‘пропасть (внезапно)’
и*сæрдун*	*сæрдын*	смазывать	*ра-**й**-сæрдын* ‘смазать’
и*тæун*	*тауын*	сеять	*ба-**й**-тауын* ‘посеять’ *ра-**й**-тауын* ‘расстелить’
и*стун*	*стын*	вставать	*с-**ы**-стын* ‘встать’ (*-ы-* возникает из *и-*, уподобление корневому гласному)
и*уарын*	*уарын*	раздавать	*ба-**й**-уарын* ‘раздать, поделить’
и*халун*	*халын*	развязывать	*ра-**й**-халын* ‘развязать’

Не менее интересными представляются также исследования относительно недавнего формирования грамматической категории политемпоральной кратности. Так, например, частица *-иу* в составе аналитической конструкции «глагол + частица *-иу*», которая выступает граммемой со значением политемпоральной кратности действия, употребляется и в других значениях. Например, «в осетинском языке существует особая, описательная форма повелительного наклонения будущего времени. Она образуется прибавлением к обычным формам повелительного наклонения частицы *-иу*, которая в других случаях выражает многократное действие. Поскольку и в повелительном наклонении *-иу* может выражать многократность, возникает риск неясности, что именно выражает частица *-иу* в каждом отдельном случае: будущее или многократность? Однако эта неясность обычно устраняется контекстом» [Абаев 1962: 580].

6. Заключение

Наблюдения над аспектуально-акциональными особенностями приставочных глаголов с *фæ-* позволяют, во-первых, проследить **генетические связи** осетинских превербов с их индоевропейским прошлым, а именно способность обозначать предельный характер действия, которая была свойственна приставкам в индоевропейских языках и которую осетинские приставки «принесли» с собой на Кавказ. Во-вторых, увидеть **влияние ареальных кавказских контактов** на формирование пространственно-ориентационных значений в осетинских приставках. В-третьих, убедиться в **историко-типологическом сходстве** процессов формирования категории глагольного вида в осетинском языке в сопоставлении с русским языком, а также на примере аспектуально-акциональной семантики глаголов с приставкой *фæ-* **различить универсальные и идиоэтнические смыслы**, позволяющие сделать вывод об общих закономерностях человеческого мышления.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ADD — аддитивная частица; ALL — аллатив; CNTRF — контрфактив; COMIT — комитатив; CONTR — контрастивная частица; DAT — датив; DIR — директив; ENCL — местоименная энклитика; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; IMPF — имперфективная частица; IN — инессив; INF — инфинитив; INF2 — второй инфинитив; ITER — итеративная частица; NEG — отрицание; PCVB — причастие-деепричастие; PL — множественное число; POSS — посессивное местоимение; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; PV — преверб; REFL — рефлексивное местоимение; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число; SUPER — суперэссив; TR — переходность.

НСВ — несовершенный вид; СВ — совершенный вид; СД — способ действия.

Литература

Абаев 1949 — В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949.

Абаев 1962 — В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка // Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1962. С. 488–662.

Аванесов, Иванов 1982 — Р. И. Аванесов, В. В. Иванов (ред.). Историческая грамматика русского языка: Морфология, глагол. М.: Наука, 1982.

Бенвенист 1965 — Э. Бенвенист. Очерки по осетинскому языку. М.: Наука, 1965.

Бондарко 1980 — А. В. Бондарко. Употребление видов // Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Русская грамматика. Т. I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М.: Наука, 1980. С. 604–613.

Бондарко 2002 — А. В. Бондарко. Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Бондарко 2016 — А. В. Бондарко. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: Либроком, 2016.

Выдрин 2014 — А. П. Выдрин. Глагол в осетинском языке // А. К. Оглоблин, Н. Н. Телицин (отв. ред.). Востоковедение. Историко-филологические исследования. Межвузовский сборник статей. Вып. 30 (заключительный). Памяти акад. М. Н. Боголюбова. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2014. С. 25–80.

Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.

Кузнецов 1951 — П. С. Кузнецов. Примечания // А. Мейе. Общеславянский язык. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. С. 417–470.

Кузнецов 1961 — П. С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М.: Издательство АН СССР, 1961.

Левитская 2020 — А. А. Левитская. Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: собирательно-многоактный СД и результативно-многоактный СД (в сопоставлении с русским языком) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. № 196. С. 105–117. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-196-105-117.

Левитская 2021 — А. А. Левитская. Виды значений монотемпоральной и политемпоральной повторяемости действия в современном осетинском языке и способы их выражения в сопоставлении с русским языком // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 4. С. 43–49. DOI: 10.18522/1995-0640-2021-4-43-56.

Левитская 2022a — А. А. Левитская. Результативная акциональность в глаголах терминативно-временных способов действия (ограничительность) в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским языком) // Вестник МГЛУ. 2022. № 7 (862). С. 71–78. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_7_862_71.

Левитская 2022b — А. А. Левитская. Особенности аспектуально-темпорального потенциала осетинских глаголов настоящего времени в сопоставлении с их видо-временными русскими эквивалентами // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2022. Т. 26. № 2. С. 81–94. DOI: 10.18522/1995-0640-2022-2-81-94.

Левитская 2022c — А. А. Левитская. Видовая несоотносительность осетинских глаголов: влияние универсальных акциональных смыслов (в сопоставлении с современным русским языком) (часть первая) // Вестник СОГУ. 2022. № 4. С. 169–181. DOI: 10.29025/1994-7720-2022-4-169-181.

Левитская 2023a — А. А. Левитская. Осетинские глаголы perfectiva tantum: влияние универсальных и идиоэтнических акциональных смыслов (в сопоставлении с русским языком) (часть вторая) // Вестник СОГУ. 2023. № 2. С. 95–108. DOI: 10.29025/1994-7720-2023-2-95-108.

Левитская 2023b — А. А. Левитская. Аспектуально-акциональные функции пространственно-ориентационных значений превербов в осетинском языке (в сопоставлении с русским языком) // Вестник СОГУ. 2023. № 3. С. 145–159. DOI: 10.29025/1994-7720-2023-3-145-159.

Маслов 1984 — Ю. С. Маслов. Об основных понятиях аспектологии // Очерки по аспектологии. Л.: ЛГУ, 1984. С. 5–47.

Маслов 2004a — Ю. С. Маслов. Категория предельности/непредельности глагольного действия в готском языке // А. В. Бондарко, Т. А. Майсак,

В. А. Плунгян (сост., ред.). Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 249–266.

Маслов 2004b — Ю. С. Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии // А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян (сост., ред.). Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 305–365.

Маслов 2004c — Ю. С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации // А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян (сост., ред.). Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 445–476.

Холодович 1963 — А. А. Холодович. О предельных и непредельных глаголах (по данным корейского и японского языков) // Е. М. Пинус, С. Н. Иванов (отв. ред.). Филология стран Востока. Л.: Издательство ЛГУ, 1963. С. 3–11.

Храковский 2014 — В. С. Храковский. Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное/многократное/итеративное/узуальное/хабитуальное) значение? // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 3–12.

Цалиева 1983 — А. А. Цалиева. Аспектуальность в осетинском языке, ее генетические и ареальные связи. Дисс. … канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1983.

Шелякин 1972 — М. А. Шелякин. Приставочные способы глагольного действия и категория глагольного вида в современном русском языке (К теории функционально-семантической категории аспектуальности). Дисс. … доктора филол. наук. Л.: ЛГУ, 1972.

Шелякин 2017 — М. А. Шелякин. Способы действия в поле лимитативности // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: URSS, 2017. С. 63–85.

Якобсон 1985 — Р. О. Якобсон. Взгляды Боаса на грамматическое значение // В. А. Звегинцев (сост., ред.). Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 231–238.

Источники

Гуриев, Гутиева 2016 — Гуриев Т. Т., Гутиева Э. Т. Осетинско-русский словарь. Том 1. В 4 т. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016.

Гуриев, Гутиева 2017 — Гуриев Т. Т., Гутиева Э. Т. Осетинско-русский словарь. Том 2. В 4 т. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017.

Гуриев, Гутиева 2018 — Гуриев Т. Т., Гутиева Э. Т. Осетинско-русский словарь. Том 3. В 4 т. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018.

Гуриев, Гутиева 2019 — Гуриев Т. Т., Гутиева Э. Т. Осетинско-русский словарь. Том 4. В 4 т. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019.

ОНК — Осетинский национальный корпус. URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru (дата обращения 01.07.2024).

Фадеев 1953 — Фадеев А. А. Ærыгон гварди. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстоны чингуыты рауагъдад, 1953.

Фадеев 1972 — Фадеев А. А. Молодая гвардия. Собр. соч. в 7 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1972.

References

Abaev 1949 — V. I. Abaev. *Osetinskiy yazyk i folklor* [Ossetic language and folklore]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949.

Abaev 1962 — V. I. Abaev. Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyka [A grammatical sketch of Ossetic]. *Osetinsko-russkiy slovar* [Ossetic-Russian dictionary]. Ordzhonikidze: North Ossetian Publishing House, 1962. P. 488–662.

Avanesov, Ivanov 1982 — R. I. Avanesov, V. V. Ivanov (eds.). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya, glagol* [A historical grammar of Russian. Morphology. The verb]. Moscow: Nauka, 1982.

Benveniste 1965 — E. Benveniste. *Ocherki po osetinskomu yazyku* [Essays on Ossetic]. Moscow: Nauka, 1965.

Bondarko 1980 — A. V. Bondarko. Upotrebleniye vidov [The use of aspect]. N. Yu. Shvedova (ed.). *Russkaya grammatika. T. I. Fonetika, fonologiya, udareniye, intonatsiya, slovoobrazovaniye, morfologiya* [Russian grammar. Vol. I. Phonetics, phonology, stress, intonation, word formation, morphology]. Moscow: Nauka, 1980. P. 604–613.

Bondarko 2002 — A. V. Bondarko. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsionalnoy grammatiki* [Theory of meaning in the system of functional grammar]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2002.

Bondarko 2016 — A. V. Bondarko. *Printsipy funktsionalnoy grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and issues of aspectology]. Moscow: Librokom, 2016.

Kholodovich 1963 — A. A. Kholodovich. O predelnykh i nepredelnykh glagolakh (po dannym koreyskogo i yaponskogo yazykov) [On telic and atelic verbs (based on Korean and Japanese data)]. E. M. Pinus, S. N. Ivanov (eds.). *Filologiya stran Vostoka* [Philology of Oriental countries]. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1963. P. 3–11.

Kuznetsov 1951 — P. S. Kuznetsov. Primechaniya [Notes]. A. Meillet. *Obshcheslavyanskiy yazyk* [Common Slavic]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury [Foreign Languages Publishing House], 1951. P. 417–470.

Kuznetsov 1961 — P. S. Kuznetsov. *Ocherki po morfologii praslavyanskogo yazyka* [Essays on the morphology of the Proto-Slavic language]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961.

Levitskaya 2020 — A. A. Levitskaya. Multiplikativnyye sposoby deystviya v sovremennom osetinskom yazyke: sobiratelno-mnogoaktnyy SD i rezultativno-mnogoaktnyy SD (v sopostavlenii s russkim yazykom) [Multiplicative modes of action in modern Ossetic: collective-multiact Aktionsart and resultative-multiact Aktionsart (in comparison with Russian)]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2020. No. 196. P. 105–117. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-196-105-117.

Levitskaya 2021 — A. A. Levitskaya. Vidy znacheniy monotemporalnoy i politemporalnoy povtoryayemosti deystviya v sovremennom osetinskom yazyke i sposoby ikh vyrazheniya v sopostavlenii s russkim yazykom [Types of meanings of monotemporal and polytemporal repetition of action in modern Ossetic and ways of expressing them in comparison with Russian]. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 2021. Vol. 25. No. 4. P. 43–49. DOI: 10.18522/1995-0640-2021-4-43-56.

Levitskaya 2022a — A. A. Levitskaya. Rezultativnaya aktsionalnost v glagolakh terminativno-vremennykh sposobov deystviya (ogranichitelnost) v sovremennom osetinskom yazyke (v sopostavlenii s russkim yazykom) [Resultative actionality in verbs of terminative-temporal Aktionsarts (restrictiveness) in modern Ossetic (in comparison with Russian)]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2022. No. 7(862). P. 71–78. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_7_862_71.

Levitskaya 2022b — A. A. Levitskaya. Osobennosti aspektualno-temporalnogo potentsiala osetinskikh glagolov nastoyashchego vremeni v sopostavlenii s ikh vido-vremennymi russkimi ekvivalentami [Features of the aspectual-temporal potential of Ossetic verbs of the present tense in comparison with their aspectual-temporal Russian equivalents]. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 2022. Vol. 26. No. 2. P. 81–94. DOI: 10.18522/1995-0640-2022-2-81-94.

Levitskaya 2022c — A. A. Levitskaya. Vidovaya nesootnositelnost osetinskikh glagolov: vliyaniye universalnykh aktsionalnykh smyslov (v sopostavlenii s sovremennym russkim yazykom) (chast pervaya) [Aspectual inconsistency of Ossetic verbs: the influence of universal Aktionsart meanings (in comparison with modern Russian) (part one)]. *Bulletin of North Ossetian State University*. 2022. No. 4. P. 169–181. DOI: 10.29025/1994-7720-2022-4-169-181.

Levitskaya 2023a — A. A. Levitskaya. Osetinskiye glagoly perfectiva tantum: vliyaniye universalnykh i idioetnicheskikh aktsionalnykh smyslov (v sopostavlenii s russkim yazykom) (chast vtoraya) [Ossetic *perfectiva tantum* verbs: the influence of universal and idioethnic Aktiosart meanings (in comparison with Russian) (part two)]. *Bulletin of North Ossetian State University.* 2023. No. 2. P. 95–108. DOI: 10.29025/1994-7720-2023-2-95-108.

Levitskaya 2023b — A. A. Levitskaya. Aspektualno-aktsionalnyye funktsii prostranstvenno-oriyentatsionnykh znacheniy preverbov v osetinskom yazyke (v sopostavlenii s russkim yazykom) [Aspectual-Aktionsart functions of spatial-orientational meanings of preverbs in Ossetic (in comparison with Russian)]. *Bulletin of North Ossetian State University.* 2023. No. 3. P. 145–159. DOI: 10.29025/1994-7720-2023-3-145-159.

Maslov 1984 — Yu. S. Maslov. Ob osnovnykh ponyatiyakh aspektologii [On the basic concepts of aspectology]. *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad: Leningrad State University, 1984. P. 5–47.

Maslov 2004a — Yu. S. Maslov. Kategoriya predelnosti/nepredelnosti glagolnogo deystviya v gotskom yazyke [The category of telicity/atelicity of verbal action in Gothic]. A. V. Bondarko, T. A. Maysak, V. A. Plungyan (eds.). *Izbrannyye trudy. Aspektologiya. Obshcheye yazykoznaniye* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. P. 249–266.

Maslov 2004b — Yu. S. Maslov. K osnovaniyam sopostavitelnoy aspektologii [On the foundations of comparative aspectology]. A. V. Bondarko, T. A. Maysak, V. A. Plungyan (eds.). *Izbrannyye trudy. Aspektologiya. Obshcheye yazykoznaniye* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. P. 305–365.

Maslov 2004c — Yu. S. Maslov. Rol tak nazyvayemoy perfektivatsii i imperfektivatsii [The role of so-called perfectivation and imperfectification]. A. V. Bondarko, T. A. Maysak, V. A. Plungyan (eds.). *Izbrannyye trudy. Aspektologiya. Obshcheye yazykoznaniye* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. P. 445–476.

Shelyakin 1972 — M. A. Shelyakin. *Pristavochnyye sposoby glagolnogo deystviya i kategoriya glagolnogo vida v sovremennom russkom yazyke (K teorii funktsionalno-semanticheskoy kategorii aspektualnosti)* [Prefixed modes of verbal action and the category of verb aspect in modern Russian (On the theory of the functional-semantic category of aspectuality)]. Doctoral thesis. Leningrad: Leningrad State University, 1972.

Shelyakin 2017 — M. A. Shelyakin. Sposoby deystviya v pole limitativnosti [Modes of action in the field of limitativity]. A. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Vvedeniye. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Moscow: URSS, 2017. P. 63–85.

Tsalieva 1983 — A. A. Tsalieva. *Aspektualnost v osetinskom yazyke, yeye geneticheskiye i arealnyye svyazi* [Aspectuality in Ossetic, its genetic and areal connections]. PhD thesis. Leningrad: Leningrad State University, 1983.

Vydrin 2014 — A. P. Vydrin. Glagol v osetinskom yazyke [Verb in Ossetic]. *Vostokovedeniye. Istoriko-filologicheskiye issledovaniya. Mezhvuzovskiy sbornik statey. Vyp. 30 (zaklyuchitelnyy). Pamyati akad. M. N. Bogolyubova* [Oriental Studies. Historical and philological research. Interuniversity collection of papers. Iss. 30 (final). In memoriam of academician M. N. Bogolyubov]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2014. P. 25–81.

Xrakovskij 2014 — V. S. Xrakovskij. Yest li u nesovershennogo vida v russkom yazyke povtoritelnoye (neogranichenno-kratnoye/mnogokratnoye/iterativnoye/uzualnoye/khabitualnoye) znacheniye? [Does the Russian imperfective have repetitive (frequentative/iterative/habitual) meaning?]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2014. No. 4. P. 3–12.

Yakobson 1985 — R. O. Yakobson. Vzglyady Boasa na grammaticheskoye znacheniye [Boas' View on Grammatical Meaning]. V. A. Zvegintsev (ed.). *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow: Progress, 1985. P. 231–238.

Zaliznyak, Shmelev 2000 — Anna A. Zaliznyak, A. D. Shmelev. *Vvedeniye v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian aspectology]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000.

Получено / received 17.06.2024 *Принято / accepted 02.09.2024*

Лексема *уæлдай* в осетинском языке: между эксцептивным и симилятивным маркером

И. А. Хомченкова
МГУ имени М. В. Ломоносова;
ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия);
irina.khomchenkova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1653-0201

Аннотация. В иронском диалекте осетинского языка существует лексема *уæлдай*, употребляющаяся в собственно эксцептивных (‘никто/ничто/все, кроме X’) и аддитивно-эксцептивных конструкциях (‘помимо X, еще Y’). Данная лексема конкурирует с базовым эксцептивным маркером *йеддæмæ* ‘кроме’, который также типичен в конструкциях с отрицательными местоимениями, и маркером *фæстæмæ* ‘обратно’, который более частотен с универсальными кванторными словами типа ‘все’. В некоторых словарях отмечается, что *уæлдай* имеет также симилятивное значение ‘подобно, как’. В статье показывается, что симилятивное значение можно вывести из значения ‘отличающийся’, поскольку *уæлдай* в большинстве случаев употребляется в предложениях с отрицательным бытийным глаголом (‘X не является отличным от Y’ = ‘X как Y’). Вместе с тем было выявлено, что в некоторых контекстах, содержащих полнозначный глагол, *уæлдай* приобретает собственно симилятивное значение.

Ключевые слова: эксцептивная конструкция, симилятивная конструкция, сравнение, семантика, осетинский

Благодарности: Исследование поддержано грантом РНФ № 22-18-00285.

Для цитирования: Хомченкова И. А. Лексема *уæлдай* в осетинском языке: между эксцептивным и симилятивным маркером // Индоиранские языки. 2025. 1(1). С. 130–151.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.6

© И. А. Хомченкова, 2025

The lexeme *wældaj* in Ossetic: between an exceptive and a similative marker

Irina A. Khomchenkova
Lomonosov Moscow State University; Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
irina.khomchenkova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1653-0201

Abstract. In Iron Ossetic, there is a lexeme *wældaj* with the meanings of: 1) 'extra, excess' (cf. *wældaj zərd* 'unnecessary word'); 2) 'abundance, leftover'; 3) 'special'; 4) 'in addition to'; and 5) 'different' (according to the Historical-Etymological Dictionary of Ossetic by V. I. Abaev). In the last two senses discussed in this paper, *wældaj* is used with the ablative case. In addition, *wældaj* has the meaning 'except'. When *wældaj* is used in an exceptive construction ('nobody/nothing/everything except X') or an exceptive-additive construction ('in addition to X, Y') it competes with the basic exceptive marker *jet:æmæ* 'except' and the marker *fæštæmæ* 'back to'. *Ǯet:æmæ*, like *wældaj*, is typically used in constructions with negative pronouns like 'nobody/nothing', and *fæštæmæ* is more commonly used with universal quantifiers like 'everything'. They are rarer in the exceptive-additive construction compared to *wældaj*.

Furthermore, some dictionaries note that *wældaj* has a similative meaning 'like, as'. I describe three types of similative constructions with *wældaj*: constructions with the verb *wævən* 'to be' with negative particles (X Y-ABL *wældaj* NEG-be), constructions with the negative existential copula *næj* (X-ABL Y-ABL *wældaj* NEG.EXST), and constructions with other verbs with negative particles. I show that the similative meaning can be derived from the meaning 'different', since *wældaj* is mostly used in sentences with a negative existential verb ('X is not different from Y' = 'X is like Y'). At the same time, in some contexts with lexical verbs, *wældaj* seems to function as a purely similative marker.

Key words: exceptive construction, similative construction, comparison, semantics, Ossetic

Acknowledgements: The research has been supported by the Russian Science Foundation, grant № 22-18-00285.

For citation: Khomchenkova I. A. The lexeme *wældaj* in Ossetic: between an exceptive and a similative marker. *Indo-Iranian languages*. 2025. 1(1). P. 130–151.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.6

1. Введение

Осетинский — восточноиранский язык, распространенный в основном на территории Республики Северная Осетия-Алания и Республики Южная Осетия. Согласно переписи 2020 г., на территории России около 345 тыс. человек владеет осетинским языком [Перепись 2020]. Осетинский язык имеет два основных диалекта — иронский и дигорский; они оба имеют письменную традицию, однако носителей иронского осетинского больше.

Настоящее исследование посвящено описанию свойств лексемы *уæлдай* в иронском диалекте осетинского языка. Материал был собран методом анкетирования носителей в г. Владикавказ в 2023–2024 гг. (далее примеры, полученные этим методом, не помечаются), также использовались данные устного (УКО, около 60 тысяч токенов) и письменного корпусов (ОНК, около 12 миллионов токенов) и словарей [Гуриев, Гутиева 2017, 2019; ИЭСОЯ]. Корпусные примеры были переведены носителями осетинского языка.

В [ИЭСОЯ, IV: 77] у лексемы *уæлдай* приводятся следующие переводы: ‘лишний’, ‘излишек’, ‘избыток’, ‘остаток’; ‘особенный’; ‘сверх (того)’; ‘отличающийся’. Эти значения описывают три разные конструкции: независимые употребления (ср. *хæринаджы уæлдæйттæ* ‘объедки’ [Гуриев, Гутиева 2019: 147], букв. ‘остатки еды’), зависимые в функции определения (ср. *уæлдай дзырд* ‘лишнее слово’ [ИЭСОЯ, IV: 77]) и зависимые, похожие на послеложные, употребляющиеся с аблативом (ср. *уым-æй уæлдай ма* [тот-ABL кроме еще] ‘помимо того’ [Гуриев, Гутиева 2019: 147]).

Опрос носителей выявил, что *уæлдай* также является одним из способов выражения эксцептивного значения, а именно исключения участника из некоторого множества, наряду с единицей *йеддæмæ* ‘кроме’ (1). Более того, согласно словарю [Гуриев,

Гутиева 2019], лексема *уæлдай* также имеет симилятивное значение ‘как, подобно’ (2). Оба эти значения не отмечаются в [ИЭСОЯ, IV: 77]. (Как видно из примеров, в этих конструкциях также используется аблатив.)

(1) *Алан йеддæмæ / Алан-æй* ***уæлдай*** *ни-чи кæу-ы.*
Алан кроме Алан-ABL кроме NEG-кто плакать-PRS.3SG
‘Кроме Алана, никто не плачет.’

(2) *рагон ус-æй* ***уæлдай*** *нæ-у*
старый женщина-ABL кроме NEG-быть.PRS.3SG
‘(он) подобно старой женщине’ [Гуриев, Гутиева 2019: 147]

Статья устроена следующим образом. В разделе 2 обсуждаются наиболее частотные способы выражения эксцептивного значения в осетинском языке; подробно описывается употребление лексемы *уæлдай* в этом значении. Раздел 3 посвящен симилятивным конструкциям с *уæлдай*; обсуждается, можно ли признать *уæлдай* (периферийным) симилятивным маркером. В разделе 4 рассматриваются пути развития значений этой лексемы и подводятся итоги.

2. Эксцептивные конструкции

2.1. Собственно эксцептивная конструкция

В общем случае собственно эксцептивная конструкция включает ассоциированное множество, из которого производится исключение участника (‘никто’/‘все’), эксцептивный маркер (‘кроме’) и исключаемый элемент, ср. *никто/все, кроме Алана*.

В осетинском языке базовым средством для выражения исключения из некоторого множества является единица *йеддæмæ* ‘кроме’ (в текстах встречается также написание *йеттæмæ* и *йедтæмæ*) (3). В этих контекстах возможны и лексемы *фæстæмæ* (4) и *уæлдай* (5), см. [Хомченкова 2023].

(3) *Карч-ы фыд-ы* ***йеттæмæ*** *куы ни-цы хæр-ы! —*
курица-GEN мясо-GEN кроме ведь NEG-что есть-PRS.3SG
дзырд-та Симон.
говорить-PST.3SG Симон
‘Он же, кроме курятины, ничего не ест! — говорил Симон.’
[Цховребова 1963: 150]

(4) *Михал-æй* ***фæстæмæ*** *иууылдæр ам сты.*
Михаил-ABL кроме все здесь быть.PRS.3PL
‘Все здесь, кроме Михаила.’ [Гагкаев 1952: 50]

(5) *Хъæу-ы кус-гæ бон-т-ы кар-джын*
селение-IN работать-PCVB день-PL-IN возраст-PROP
æфсин-т-æй ***уæлдай*** *ни-чи-уал ба-ззай-ы.*
хозяйка-PL-ABL кроме NEG-кто-больше PV-остаться-PRS.3SG
‘В селе в рабочие дни обычно не остается никого, кроме женщин в возрасте.’ [ОНК: И. Айларты. Мамысоны æфцæгыл. 2-аг чиныг. Владикавказ: ИР, 1990]

Как видно из примеров, лексемы *фæстæмæ* и *уæлдай* употребляются с аблативом (см. [Гагкаев 1952: 90; Ахвледиани 1963: 285]), в отличие от *йеддæмæ*. Лексема йеддæмæ может употребляться с генитивом (3) или номинативом (6). В этом случае выбор модели управления *йеддæмæ* не зависит от падежа на ассоциированном множестве и в примерах (3) и (6) с ним не совпадает. Также возможно и совпадение падежа на исключении и ассоциированном множестве, см., например, (7). Подробнее об этом см. [Хомченкова 2023].

(6) *Габо* ***йедтæмæ*** *дзы ни-кæйы ба-зыд-тон*
Габо кроме 3PL.ABL NEG-кто.GEN PV-знать-PST.1SG
‘Кроме Габо, я из них никого не узнал.’ [Ахвледиани 1963: 294]

(7) *Мæн-ыл* ***йедтæмæ*** *ни-кæ-уыл æууæнд-ы.*
я-SUPER кроме NEG-кто-SUPER верить-PRS.3SG
‘Кроме меня, он никому не верит.’ [Ахвледиани 1963: 295]

В различных источниках значение исключения указывается и у ряда других единиц:

• *æндæр*[1] (‘за исключением, **кроме**’ [Гагкаев 1956: 115], «*æндæр* примыкает к послелогам, выражающим отношения исключения, замещения» [Багаев 1965: 411]), см. (8);

• *уæлæмæ* (‘**кроме**, сверх, свыше, больше’ [Ахвледиани 1963: 285], ‘**кроме**, над’ [Гагкаев 1956: 115]);

• *дарддæр* (‘дальше, **кроме**’ [Цховребова 1963: 155]), см. (9).

• *æддæ*, *æдде*, *æддийæ* ‘вне’, ‘за’, ‘**кроме**’, ‘снаружи’ [Цховребова 1963: 153] (*æдде* и *æддийæ* — исторически аблативные формы от *æддæ* [ИЭСОЯ, I: 105]).

Для лексем *уæлæмæ* и *æддæ* примеры на значение исключения в процитированных выше работах не приводятся.

Единицы *уæлæмæ* и *æддæ* оценивались носителями как неграмматичные в эксцептивной конструкции. Это верно и для *æндæр* и *дарддæр* (хотя некоторые носители оценивали их как грамматичные, но не распространенные).

(8) *Сослæнбег-æй* ***æндæр*** *хъæд-мæ чи а-цыд-аид,*
Сосланбек-ABL другой лес-ALL кто PV-идти-CNTRF.3SG
уый хæдзар-ы нæ уыд.
тот дом-IN NEG быть.PST.3SG
‘В доме никого не было, кроме Сосланбека, кто бы мог поехать в лес.’ [Ахвледиани 1963: 294]

(9) *Хату-йæ* ***дарддæр*** *дзы ни-кæй-ы ба-зыд-тон.*
Хату-ABL дальше 3PL.ABL NEG-КТО.GEN-GEN PV-знать-PST.1SG
‘Кроме Хату, я из них никого не узнал.’ [Ахвледиани 1963: 295]

Значение исключения также указано у аллативной формы *æддæмæ* (*æддæ-мæ* (вне-ALL) ‘наружу; кроме’ [ИЭСОЯ, I: 105], ‘кроме’ [Ахвледиани 1963: 282]), управляющей аблативом. Вместе с тем носители не считают эту форму употребимой в эксцептивных контекстах, предпочитая форму *йеддæмæ*. Можно предположить, что *йеддæмæ* происходит от сочетания показателя аблатива *-æй*/*-йæ* и формы *æддæмæ*. Однако в этом случае необходимо объяснить,

[1] О единице *æндæр* в [ИЭСОЯ, I: 154] указано, что она имеет значение ‘кроме’ в дигорском осетинском.

почему *йеддæмæ* употребляется в том числе с генитивом (10), так как это нельзя обосновать простым переразложением.

(10) *Сæрмæт Агуындæ-йы* ***йеддæмæ*** *ни-кæм-æй тарст.*
Сармат Агунда-GEN кроме NEG-кто-ABL бояться.PST.3SG
'Сармат не боялся никого, кроме Агунды.' [ОНК: В. Гаглойты. Гъе, мардзæ, исчи!.. Владикавказ: ИР, 2009]

Рассмотрим данные из Устного корпуса осетинского языка. В десяти примерах с собственно эксцептивной конструкцией в отрицательных предложениях была употреблена лексема *йеддæмæ*; в одном случае встретилась лексема *фæстæмæ* (в утвердительном предложении, в отличие от *йеддæмæ*). Однако опрос носителей показал, что распределение этих двух показателей по отрицательным и утвердительным предложениям в корпусе является скорее только тенденцией. Лишь некоторые носители отмечали, что *йеддæмæ* менее уместен в утвердительных предложениях. В текстах, не входящих в УКО, также встречаются и противоположные примеры: *фæстæмæ* в отрицательных предложениях и *йеддæмæ* в утвердительных, см. (11) и (12) соответственно.

(11) *сывæллон æмæ сылгоймаг-æй* ***фæстæмæ****…*
ребенок и женщина-ABL кроме
ни-кæй-уал а-уагът-ой
NEG-кто.GEN-больше PV-оставлять-PST.3PL
'кроме детей и женщин никого не отпустили' [ИЭСОЯ, I: 463]

(12) *Чъреба — Хуссар Ирыстон-ы сæйраг горæт,*
Цхинвал юг Осетия-GEN главный город
дзур-ынц дзы алы æвзаг-ыл ирон ***йеддæмæ****.*
говорить-PRS.3PL 3SG.IN каждый язык-SUPER иронский кроме
'Цхинвал — столица Южной Осетии, там говорят на всех языках, кроме осетинского.' [ОНК: Мах дуг, 1, 2002]

В УКО также встретилось еще 12 примеров с *йеддæмæ*, в которых представлена конструкция, не содержащая эксплицитно выраженное множество (ср. в (13) 'пыль поднимается только под одной ногой' = 'пыль не поднимается, кроме как под одной

ногой'), и которая чаще всего включает количественные конструкции, см. [Хомченкова 2023]. Такие конструкции не включались в рассмотрение.

(13) *йæ иу къах-ы бын* ***йеддæмæ*** *рыг не*
poss.3sg один нога-gen под кроме пыль neg
с-кæл-ы
pv-сыпаться-prs.3sg
'Только под одной его ногой поднимается пыль.' [ОНК: Д. Дауыраты. Лезинкайы суадæттæ: Уацаутæ æмæ радзырдтæ. Владикавказ: ИР, 2009]

Лексема *уæлдай* в УКО в собственно эксцептивной конструкции употреблена не была. При этом в ОНК не встретилось примеров, в которых *уæлдай* в эксцептивной конструкции употреблялся бы с универсальным кванторным словом (например, *иууылдæр* или *æппæт*). Вместе с тем носители оценивают подобные примеры как грамматичные, ср. (14).

(14) *Знон Алан-æй* ***уæлдай*** *иууылдæр фондз-тæ ра-йст-ой.*
вчера Алан-abl кроме все пять-pl pv-брать-pst.3pl
'Вчера все, кроме Алана, получили пятерки.'

2.2. Аддитивно-эксцептивная конструкция

Помимо собственно эксцептивной конструкции, *уæлдай* употребляется и в аддитивно-эксцептивной конструкции (15), где элемент не исключается из множества ('помимо X, еще и Y'). Согласно данным, полученным от носителей, в таких контекстах обычно используется *уæлдай*, употребление *йеддæмæ* и *фæстæмæ* менее допустимо, но возможно.

(15) *Алан-æй* ***уæлдай*** *ма Сослан дæр бæрæгбон-мæ*
Алан-abl кроме еще Сослан add праздник-all
æрба-цыд.
pv-идти-pst.3sg
'Помимо Алана, еще и Сослан пришел на праздник.'

В этой конструкции типично употребление частицы *ма* ‘еще’ и аддитивной частицы *дæр*. Однако в ОНК встречаются примеры и без этих единиц (16).

(16) *Хансиат-мæ ærдз-он курдиат-æй уæлдай ис*
Хансиат-ALL природа-ATTR талант-ABL кроме EXST
цард-æмбарынад.
жизнь-понимание
‘У Хансиат помимо природного таланта есть понимание жизни.’ [ОНК: З. Ш. Джикаева. Творец осетинской драмы. Владикавказ: ИР, 2004]

В грамматиках эти два значения (собственно эксцептивное и аддитивно-эксцептивное) также отмечаются у лексемы *уæлдай*: ‘кроме, в отличие (от), сверх, больше’ [Ахвледиани 1963: 282]; «‘кроме’ (не отличаться от…)» [Гагкаев 1956: 115]; ‘кроме, сверх’ [Гагкаев 1952: 90].

В УКО в аддитивно-эксцептивной конструкции по два раза были употреблены лексемы *уæлдай* и *æдде*. При этом во всех случаях зависимым обеих этих лексем было местоимение *уый* ‘тот’:

(17) *Уым-æй* ***уæлдай*** *ма дæлæ Нузал æмæ Мызур-ы*
тот-ABL кроме еще там_внизу Нузал и Мизур-GEN
адæм-æн дæр дæлæ гъе уым иу æртæ уæладзыг
люди-DAT ADD там_внизу ну тот.IN один три этаж
хæдзар-ы с-арæзт-ой
дом-NUM PV-строить-PST.3PL
(Но тем, кто там когда-то давно трудился, этим людям наконец-то наше правительство оказало какую-то помощь.) ‘Кроме этого, для переселенцев из Нузала и Мизура[2] вон там многоэтажных дома три построили, [и там тоже живут люди].’ [УКО: Агузарова Изета, часть 1, 29.7]

(18) *уым-æй* ***æдде*** *ма иу йемæ дыууæ лæдж-ы*
тот-ABL снаружи еще ITER 3SG.COM два мужчина-NUM

[2] Нузал и Мизур — названия поселков в Алагирском районе Республики Северная Осетия-Алания.

уыд-и
быть-PST.3SG
‘(младший брат моего свекра был вместе со сватами, да,) кроме него еще двое мужчин было.’ [УКО: Агузарова Изета, часть 1, 105.2]

Итак, лексема *уæлдай* употребляется в собственно эксцептивной конструкции (‘никто, кроме X’) и в аддитивно-эксцептивной конструкции (‘помимо X, еще Y’). Такая полисемия зафиксирована и в других языках, ср., например, [Vostrikova 2019], где обсуждаются данные русского (*кроме*), английского (*besides*), хинди (*alaavaa, siwaai*), турецкого (*dışında*), болгарского (*освен*) и персидского (*be joz-e*) и предлагается формальный анализ таких конструкций. В [DatSemShift] указано развитие ‘за исключением’ (with exception of) → ‘в добавление’ (in addition to) (#5013) на основании данных трех языков (немецкого, русского и сербского), см. также [Зализняк 2019] о русской лексеме *кроме*. Мы обсудим возможное направление развития значений лексемы *уæлдай* в разделе 4.

3. Симилятивные конструкции

3.1. Симилятивные маркеры в осетинском

Основными средствами для выражения симилятивного значения в осетинском языке являются показатель экватива *-ау* (19) и послелог *хуызæн* ‘подобно’ (20), см. подробное описание функций этих показателей в [Синицына 2023а] (примеры процитированы по этой же работе).

(19) *рагон Нæртон лæг-**ау** зар-ын куы зон-ин...*
древний нартовский мужчина-EQU петь-INF если знать-OPT.1SG
‘о если бы я умел петь, как древний Нарт...’ [ИЭСОЯ, IV: 288]

(20) *Хъызымдæ кæй-дæриддæр мад-ы **хуызæн** рæвдыд-та*
Кизимда кто.GEN-INDEF мать-GEN подобно утешать-PST.3SG
‘Кизимда ласкала каждого, как мать’ [ИЭСОЯ, II: 385]

Также симилятивное значение может выражаться с помощью союзов *куыд* ‘как’ (21) или *цыма* ‘будто’ (22).

(21) *Уый гæпп-ытæ кæн-ы тæрхъус* ***куыд***
тот прыжок-PL делать-PRS.3SG заяц как
кæн-ы, афтæ.
делать-PRS.3SG так
‘Он прыгает так же, как прыгает заяц.’ [Синицына 2023a: 52]

(22) ***Цыма*** *сывæллон дæн афтæ мемæ дзур-ы.*
будто ребенок быть.PRS.1SG так я.COM говорить-PRS.3SG
‘Он разговаривает со мной, как будто я ребенок.’ [Синицына 2023a: 52]

В [Синицына 2023b] также описываются свойства более периферийной конструкции, выражающей симилятивное значение, которая состоит из глагола *кæнын* ‘делать’, причастия прошедшего времени и существительного в генитиве, см. (23).

(23) *бындз-ыт-ы мард кæн-ынц*
муха-PL-GEN умирать.PTCP.PST делать-PRS.3PL
‘мрут как мухи’ [Гуриев, Гутиева 2017: 274]

Вместе с тем симилятивное значение отмечается и у лексемы *уæлдай* в [Гуриев, Гутиева 2019: 146]: ‘как, подобно’, ср. (24). Во всех таких примерах *уæлдай* употребляется предикативно; конструкции с ним содержат показатель отрицания и в общем случае бытийный глагол. Корпусные данные также подтверждают у *уæлдай* наличие симилятивного значения, ср. (25). Исходя из этого, можно выдвинуть предположение, что *уæлдай* следует добавить в инвентарь симилятивных показателей.

(24) *адæймадж-ы мард бындз-ы мард-æй*
человек-GEN умирать.PTCP.PST муха-GEN умирать.PTCP.PST-ABL
уæлдай *куы-нæ-уал у*
кроме ведь-NEG-больше быть.PRS.3SG
‘люди стали как мухи умирать’ [Гуриев, Гутиева 2017: 274]

(25) *Мах-мæ президент-ы ба-уром-ын Зæхх-ы*
мы-ALL президент-GEN PV-останавливать-INF земля-GEN
къори-йы зылд ба-уром-ын-æй ***уæлдай***
шар-GEN вращение PV-останавливать-INF-ABL кроме
нæ-у.
NEG-быть.PRS.3SG
'У нас остановить президента — все равно что остановить вращение земли.' [ОНК: Мах дуг, 9, 2012]

Приведем также некоторые иллюстрации на симилятивное значение у *уæлдай* на материале перевода на осетинский Псалтыри [Уанеты 2012], используя для сравнения русский Синодальный перевод (26), (27).

(26) *Дымгæ кæй ны-ффæйлау-ы, ахæм зыгуым-æй*
ветер кто.GEN PV-волноваться-PRS.3SG такой мякина-ABL
уæлдай *ма уæнт,*
кроме NEG быть.IMP.3PL
'Да будут они, как прах пред лицем ветра,' [и Ангел Господень да прогоняет их] [Псалом 34:5]

(27) *Дæ раз-ы фос-æй* ***уæлдай*** *нæ уыдтæн.*
POSS.2SG перед-GEN скот-ABL кроме NEG быть.PST.1SG
(тогда я был невежда и не разумел;) 'как скот был я пред Тобою.' [Псалом 72:22]

Рассмотрим свойства этих конструкций с *уæлдай* подробнее в следующем разделе.

3.2. *Уæлдай* с бытийным глаголом

Употребление *уæлдай* в симилятивном значении с бытийным глаголом возможно только при использовании отрицательных частиц (28).

(28) *Алан Сослан-æй* ***уæлдай*** *нæ-у / *у.*
Алан Сослан-ABL кроме NEG-быть.PRS.3SG быть.PRS.3SG
'Алан не отличается / *отличается от Сослана.'

Согласно [Haspelmath, Buchholz 1998: 319], некоторые симилятивные маркеры не могут употребляться в предикативной позиции. Можно было бы предположить, что конструкция с *уæлдай* типична именно в этой функции. Однако, как видно из (29), в предикативной позиции доступны как конструкция с *уæлдай*, так и маркеры *хуызæн* и *-ау*.

(29) а. *Ды арт-æй* ***уæлдай*** *нæ дæ.*
ты огонь-ABL кроме NEG быть.PRS.2SG
‘Ты словно огонь.’
б. *Ды арт-ы* ***хуызæн*** / *арт-****ау*** *дæ.*
ты огонь-GEN подобно огонь-EQU быть.PRS.2SG
‘Ты словно огонь.’

В (29а) представлен отрицательный бытийный глагол, и это предложение можно в первом приближении перевести как «ты не есть (никто), кроме огня». Эта трактовка поддерживается предложениями вида (30), где буквально использована конструкция «я есть ничто, кроме читателя». В (29а) употребляется отрицательный глагол, поскольку отрицательное местоимение отсутствует; в (30) глагол в утвердительной форме, ввиду наличия отрицательного местоимения (в осетинском языке нет отрицательного согласования вида *никто не пришел*).

(30) *Стæй æз хуымæтæг чиныгкæсæг-æй* ***уæлдай***
потом я простой читатель-ABL кроме
ни-цы дæн
NEG-что быть.PRS.1SG
‘Я всего лишь обычный читатель.’ [ОНК: Мах дуг, 9, 1997]

К примерам с бытийными глаголами примыкают примеры типа (31), который включает предикат *кæсын* ‘видеть’, употребленный в значении ‘казаться’.

(31) *Анархи с-араз-ын сæм хъæмпыхал а-цъæл*
анархия PV-делать-INF 3PL.ALL соломинка PV-разбитый

кæн-ын-æй ***уæлдай*** *нæ кæс-ы.*
делать-INF-ABL кроме NEG видеть-PRS.3SG
'Сотворить анархию для них — все равно что сломать соломинку.' [ОНК: А. Хæмыцаты. Бонивайæнты: Уацау. Орджоникидзе: ИР, 1982]

Учитывая, что *уæлдай* также имеет значение 'отличающийся' (32), именно из него и можно вывести симилятивное значение. Например, (31) можно проинтерпретировать следующим образом: 'сотворение анархии не кажется им отличным от ломания соломинки'. Однако такая трактовка более затруднительна в примерах с отрицательными местоимениями (30). В этом случае перевод 'Я [есть] ничто, кроме обычного читателя' кажется более логичным, нежели 'Я [есть] ничто, отличный от обычного читателя'.

(32) *топпыхос-æй* ***уæлдай*** *куы нæ дæ*
порох-ABL кроме ведь NEG быть.PRS.2SG
'ты не отличаешься от пороха, (сразу вспыхиваешь)' [ИЭСОЯ, IV: 77]

Также в этой конструкции лексема *уæлдай* может модифицироваться (33). Исходя из полученных данных, в качестве модификатора в данном случае может выступать лексема *бирæ* 'много'. Эти примеры являются аргументом в пользу трактовки *уæлдай* как единицы со значением 'отличающийся'.

(33) *Ал-кæм-æн дæр ифтындз-ын чи ком-ы, уыцы адæймаг*
UQ-кто-DAT ADD запрягать-INF кто рот-GEN тот человек
бирæ уæлдай *нæ-у æгомыг фос-æй.*
много кроме NEG-быть.PRS.3SG немой скот-ABL
'Тот, кто любому дает себя запрячь, немногим отличается от безмолвной скотины.' [Гуриев, Гутиева 2017: 716]

3.3. *Уæлдай* с экзистенциальной связкой

Существует также похожая конструкция, которая в настоящем времени содержит экзистенциальную связку, обычно маркированную отрицанием (34); в прошедшем времени в осетинском

нет экзистенциальной связки и используется обычная форма прошедшего времени 3SG *уыд* (см. [Alekseev 2025]). В этом случае аблативом оформляются обе именные группы (такое употребление двойного аблатива описывается в [Беляев, Хомченкова 2022]).

(34) *Арт-æй дæу-æй* ***уæлдай*** *нæй.*
огонь-ABL ты-ABL кроме NEG.EXST
'Разницы нет между тобой и огнем.'

В текстах также встречаются примеры этой конструкции с союзом *æмæ* 'и'. В подобных примерах аблатив может или маркировать каждую именную группу (35), или функционировать как групповая флексия (36).

(35) ***Уæлдай*** *нæй лæг-æй æмæ ус-æй.*
кроме NEG.EXST мужчина-ABL и женщина-ABL
'Между мужем и женой нет разницы.' [ОНК: М. Дзасохты. Зонд æмæ амонд. Владикавказ: ИР, 2012]

(36) *тæппуд лæг æмæ тæрхъус-æй* ***уæлдай*** *нæй*
трусливый мужчина и заяц-ABL кроме NEG.EXST
'трусливый мужчина, что заяц' [Гуриев, Гутиева 2019: 45]

В этой конструкции *уæлдай* также может модифицироваться лексемой *бирæ* 'много' (37).

(37) *Мæн-æй дæу-æй* ***бирæ*** *уæлдай нæй.*
я-ABL ты-ABL много кроме NEG.EXST
'Между мной и тобой нет большой разницы.'

Отметим, что данная конструкция может употребляться и без глагольного отрицания. В этом случае *уæлдай* встречается с лексемами *цы* 'что' (38)–(39) и *ницы* 'ничто' (40).

(38) *Цард æмæ мæлæт-æй* ***цы уæлдай*** *ис?*
жизнь и смерть-ABL что кроме EXST
'Какая есть разница между жизнью и смертью?' [ОНК: Мах дуг, 7, 2010]

(39) *Фаризæт-æй Афассæ-йæ* ***цы*** ***уæлдай*** *ис?*
Фаризат-ABL Афасса-ABL что кроме EXST
'Какая разница между Фаризат и Афассой?' [ОНК: Г. А. Агнаев. Длинной осенней дорогой. Владикавказ: ИР, 2003]

(40) *Стæй, æппынфæстаг,* ***ни-цы*** ***уæлдай*** *ис*
затем наконец NEG-что кроме EXST
Клеопатрæ æмæ уыцы Леля-йæ.
Клеопатра и тот Леля-ABL
'Затем, наконец, нет никакой разницы между Клеопатрой и этой Лелей.' [ОНК: Мах дуг, 11, 1997]

3.4. *Уæлдай* с другими глаголами

Отдельно рассмотрим примеры без бытийных глаголов. Например, в (41) утверждается, что старушка не произнесла ни слова (буквально 'не двигала рот'), при этом также производится ее сравнение с окаменевшими объектами. В примерах из раздела 3.2 отрицание в сочетании с *уæлдай* приводило к противоположному значению ('X не есть, кроме Y' = 'X как Y'). В этом же случае глагольное отрицание никак не влияет на симилятивную семантику.

(41) *Ацы зæронд ус уæд-æй фæстæмæ цавддур-æй*
этот старый женщина тогда-ABL после окаменелый-ABL
уæлдай *йæ дзых нал ба-змæл-ын*
кроме POSS.3SG рот больше_не PV-двигаться-INF
код-та.
делать-PST.3SG
'Эта старушка с тех пор не произнесла ни слова, словно окаменевшая.' [ОНК: Р. С. Кантемирова, В. Г. Бекузарова. Хрестоматия 10. Владикавказ: ИР, 2002]

Такой же случай представлен в (42): присутствует симилятивная семантика ('как заяц'), при этом отрицательный компонент остается в переводе ('он не уставал', букв. «он не потел»). Можно предположить, что это обусловлено наличием не бытийного, а полнозначного глагола, в конструкциях с которым *уæлдай* может

реинтерпретироваться в собственно симилятивный маркер, не попадая при этом в сферу действия отрицания.

(42) *Тæрхъус-æй* ***уæлдай*** *хид нæ код-та.*
заяц-ABL кроме пот NEG делать-PST.3SG
(Он был настолько подвижным, что на него было сложно смотреть.)
'Он словно заяц не уставал.' (За мгновение ока он своему противнику наносил столько ударов, что не мог сам и сосчитать.)
[ОНК: М. Казиев. Я верю. Владикавказ: ИР, 2005]

Таким образом, в некоторых случаях простой анализ симилятивных конструкций с *уæлдай* как 'X не является отличным от Y' = 'X как Y' оказывается затруднительным.

Интересно, что в этой конструкции доступны не все именные группы. Например, (43) интерпретируется по-другому, не ожидаемый перевод «Алан не устает, как Залина», а «Алан не устает, в отличие от Залины». При этом это нельзя объяснить лишь референциальным статусом, поскольку определенные ИГ в симилятивной конструкции возможны (44).

(43) *Алан Залина-йæ уæлдай нæ фæллай-ы.*
Алан Залина-ABL кроме NEG уставать-PRS.3SG
'Алан, в отличие от Залины, не устает.'

(44) *Алан ацы тæрхъус-æй уæлдай нæ фæллай-ы.*
Алан этот заяц-ABL кроме NEG уставать-PRS.3SG
'Алан не устает, как этот заяц.'

Более подробное описание особенностей рассмотренных трех конструкций с *уæлдай*, в частности, семантических ограничений в симилятивной конструкции с полнозначными глаголами, требует дополнительного изучения.

4. Заключение

Итак, помимо значения ‘лишний’, лексема *уæлдай* также имеет следующие три типа употребления: ‘в добавление’ (аддитивно-эксцептивная конструкция (45)=(15)), ‘за исключением’ (собственно эксцептивная конструкция (46)=(1)) и ‘в отличие от’ (47).

(45) *Алан-æй* ***уæлдай*** *ма Сослан дæр бæрæгбон-мæ*
Алан-ABL кроме еще Сослан ADD праздник-ALL
æрба-цыд.
PV-идти.PST.3SG
‘Помимо Алана, еще и Сослан пришел на праздник.’

(46) *Алан-æй* ***уæлдай*** *ни-чи кæу-ы.*
Алан-ABL кроме NEG-кто плакать-PRS.3SG
‘Кроме Алана, никто не плачет.’

(47) *Алан-æй* ***уæлдай***, *Сослан бæрæгбон-мæ æрба-цыд.*
Алан-ABL кроме Сослан праздник-ALL PV-идти.PST.3SG
‘В отличие от Алана, Сослан пришел на праздник.’

Как мы отметили в конце раздела 2, в [DatSemShift] указано развитие ‘за исключением’ (with exception of) → ‘в добавление’ (in addition to). В [Зализняк 2019] отмечается, что именно отрицательные эксцептивные конструкции (‘никто/ничто, кроме X’) — в которых и типичен *уæлдай* — являются «семантическим мостом», который соединяет эти два значения.

В [ИЭСОЯ, IV: 77] у *уæлдай* приводятся значения ‘в добавление’ и ‘в отличие от’, а значение ‘за исключением’ отсутствует. Во-первых, можно предположить обратное развитие ‘в добавление’ → ‘за исключением’. Во-вторых, значение ‘за исключением’ можно вывести из значения ‘в отличие от’: ‘никто не плачет, в отличие от Алана’ = ‘Алан плачет, никто другой не плачет’ → ‘никто не плачет, кроме Алана’.

Симилятивное значение в отрицательной конструкции (48)=(29а) можно также вывести из значения ‘в отличие от’ (‘ты словно огонь’ = ‘ты не отличаешься от огня’).

(48) *Ды арт-æй* ***уæлдай*** *нæ дæ.*
ты огонь-ABL кроме NEG быть.PRS.2SG
'Ты словно огонь (ты не отличается от огня).'

Впрочем, как мы показали в конце раздела 3.4, такая трактовка поддерживается в первую очередь предложениями с бытийными глаголами. Тем самым в некоторых контекстах (с полнозначными глаголами) *уæлдай* становится похож на симилятивный маркер.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ADD — аддитивная частица; ALL — аллатив; ATTR — атрибутивизатор; CMPR — показатель сравнительной степени; CNTRF — контрафактив; COM — комитатив; DAT — датив; EQU — экватив; EXST — показатель существования; GEN — генитив; IMP — императив; IN — инессив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; ITER — итератив; NEG — отрицание; NUM — нумератив; OPT — оптатив; PCVB — причастие-деепричастие; PL — множественное число; POSS — посессивность; PROP — проприетив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PV — преверб; SG — единственное число; SUPER — суперэссив; UQ — универсальное кванторное слово.

Литература

Ахвледиани 1963 — Г. С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Северо-Осетинской АССР, 1963.

Багаев 1965 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Ч. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.

Беляев, Хомченкова 2022 — О. И. Беляев, И. А. Хомченкова. Сочинительные функции аблатива в осетинском языке // И. А. Хомченкова (ред.). Малые языки в большой лингвистике. Выпуск 4. М.: Буки Веди, 2022. С. 44–54.

Гагкаев 1952 — К. Е. Гагкаев. Очерк грамматики осетинского языка. Дзауджикау: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1952.

Гагкаев 1956 — К. Е. Гагкаев. Синтаксис осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1956.

Зализняк 2019 — Анна А. Зализняк. Загадка полисемии слова *кроме* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 4 (22). С. 77–89. DOI: 10.31912/pvrli-2019.4.6.

Синицына 2023a — Ю. В. Синицына. Сравнительные конструкции равенства в осетинском языке // Вопросы языкознания. 2023. № 6. С. 49–66. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.49-66.

Синицына 2023b — Ю. В. Синицына. Сравнительная конструкция с глаголом *кæнын* ‘делать’ в осетинском языке // Е. А. Забелина, Н. М. Заика (ред.). 20-я Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2023 г.). СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 189–192.

Хомченкова 2023 — И. А. Хомченкова. Эксцептивные конструкции с послелогом *йеддæмæ* в осетинском языке // И. А. Хомченкова (ред.). Малые языки в большой лингвистике. Выпуск 5. М.: Буки Веди, 2023. С. 185–198.

Цховребова 1963 — З. Д. Цховребова. О послелогах в осетинском языке // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института Академии Наук Грузинской ССР. 1963. Вып. XII. С. 143–159.

Alekseev 2025 — D. Alekseev. Non-Verbal Predication in Ossetic // Indo-Iranian Languages. 2025. № 1. P. 173–192. DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.8.

Haspelmath, Buchholz 1998 — M. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similative constructions in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). Adverbial constructions in the languages of Europe. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 1998. P. 277–334. DOI: 10.1515/9783110802610.277.

Vostrikova 2019 — E. Vostrikova. Phrasal and clausal exceptive-additive constructions crosslinguistically. PhD Thesis. Amherst: University of Massachusetts Amherst, 2019.

Источники

Гуриев, Гутиева 2017 — Гуриев Т. А., Гутиева Э. Т. (сост.). Осетинско-русский словарь. Том 2. В 4 т. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017.

Гуриев, Гутиева 2019 — Гуриев Т. А., Гутиева Э. Т. (сост.). Осетинско-русский словарь. Осетинско-русский словарь. Том 4. В 4 т. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019.

ИЭСОЯ — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958–1989.

ОНК — Осетинский национальный корпус. URL: http://corpus.ossetic-studies.org/ (дата обращения 01.08.2024).

Перепись 2020 — Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (Том 5 «Национальный состав и владение языками», Таблица 4 «Владение языками и использование языков населением») (дата обращения 01.08.2024).

Уанеты 2012 — Уанеты С. (пер.). Псаломтæ ирон æвзагыл. М.: Институт Перевода Библии, 2012.

УКО — Устный корпус осетинского языка. URL: https://www.ossetic-studies.org/ru/texts (дата обращения 01.08.2024).

DatSemShift — Каталог семантических переходов (The Catalogue of Semantic Shifts). URL: https://datsemshift.ru/ (дата обращения 01.08.2024).

References

Akhvlediani 1963 — G. S. Akhvlediani (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka. T. I. Fonetika i morfologiya* [Ossetic Grammar. Vol. I. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: Research Institute under the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 1963.

Alekseev 2025 — D. Alekseev. Non-Verbal Predication in Ossetic. *Indo-Iranian Languages*. 2025. No 1. P. 173–192. DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.8.

Bagaev 1965 — N. K. Bagaev. *Sovremennyy osetinskiy yazyk. Ch. I. Fonetika i morfologiya* [Modern Ossetic. Pt. I. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House, 1965.

Belyaev, Khomchenkova 2022 — O. I. Belyaev, I. A. Khomchenkova. Sochinitelnyye funktsii ablativa v osetinskom yazyke [Coordinating functions of the ablative case in Ossetic]. I. A. Khomchenkova (ed.). *Malyye yazyki v bolshoy lingvistike* [Minor languages in general linguistics]. Iss. 4. Moscow: Buki Vedi, 2022. P. 44–54.

Gagkaev 1952 — K. E. Gagkaev. *Ocherk grammatiki osetinskogo yazyka* [A sketch of Ossetic grammar]. Dzaudzhikau: State Publishing House of the North Ossetian ASSR, 1952.

Gagkaev 1956 — K. E. Gagkaev. *Sintaksis osetinskogo yazyka* [Syntax of Ossetic]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House, 1956.

Haspelmath, Buchholz 1998 — M. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similative constructions in the languages of Europe. J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 1998. P. 277–334. DOI: 10.1515/9783110802610.277.

Khomchenkova 2023 — I. A. Khomchenkova. Ekstseptivnyye konstruktsii s poslelogom *yyeddæmæ* v osetinskom yazyke [Exceptive constructions with the postposition *jet:ɜmɜ* in Ossetic]. I. A. Khomchenkova (ed.). *Malyye*

yazyki v bolshoy lingvistike [Minor languages in general linguistics]. Iss. 5. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 185–198.

Sinitsyna 2023a — Yu. V. Sinitsyna. Sravnitelnyye konstruktsii ravenstva v osetinskom yazyke [Comparative constructions of equality in Ossetic]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2023. No. 6. P. 49–66. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.49-66.

Sinitsyna 2023b — Yu. V. Sinitsyna. Sravnitelnaya konstruktsiya s glagolom *kænyn* 'delat' v osetinskom yazyke [Comparative construction with the verb *kənən* 'do' in Ossetic]. E. A. Zabelina, N. M. Zaika (ed.). *Abstracts of the 20th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars (Saint Petersburg, 23–25 November 2023)*. St. Petersburg: The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. P. 189–192.

Tskhovrebova 1963 — Z. D. Tskhovrebova. O poslelogakh v osetinskom yazyke [On postpositions in Ossetic]. *News of the South Ossetian Research Institute of the Academy of Sciences of the Georgian SSR*. 1963. Iss. XII. P. 143–159.

Vostrikova 2019 — E. Vostrikova. *Phrasal and clausal exceptive-additive constructions crosslinguistically*. PhD Thesis. Amherst: University of Massachusetts Amherst, 2019.

Zaliznyak 2019 — Anna A. Zaliznyak. Zagadka polisemii slova *krome* [The enigmatic polysemy of Russian *krome*]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2019. No. 4 (22). P. 77–89. DOI: 10.31912/pvrli-2019.4.6.

Получено / received 28.06.2024 *Принято / accepted 19.08.2024*

The verb focus construction in Iron Ossetic

Anastasia D. Podgornaia
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia);
podganastas@gmail.com; ORCID: 0009-0004-8379-691X

Abstract. This paper describes a construction consisting of a participle-converb with the suffix *-gæ* and the verb *kænən* 'to do' in Iron Ossetic. I show that it marks verb focus and is obligatorily used in the presence of focus particles modifying a verb. Its morphosyntactic properties include (1) attachment of prefixes to the auxiliary verb and (2) the interposition of negative and other elements in the left preverbal position. These properties can be linked to the placement of the non-finite form in *-gæ* in the focus position. This accounts for the incompatibility of the verb focus construction with complex verbs consisting of a nominal part and a light verb (often *kænən* 'to do'), as their being in focus is marked with the nominal part appearing in the focus position. I conclude that the Ossetic focus construction showcases a cross-linguistically attested strategy of employing periphrasis with a verb 'to do' for marking verb focus in a language with word order restrictions.

Key words: 'do'-constructions, Iron Ossetic, verb focus

For citation: Podgornaia A. D. The verb focus construction in Iron Ossetic. *Indo-Iranian languages.* 2025. 1(1). P. 152–172.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.7

Конструкция глагольного фокуса в иронском диалекте осетинского языка

Анастасия Дмитриевна Подгорная
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия); podganastas@gmail.com;
ORCID: 0009-0004-8379-691X

© Anastasia D. Podgornaia, 2025

Аннотация. В статье на материале иронского диалекта осетинского языка рассматривается конструкция, состоящая из причастия-деепричастия на *-гæ* и глагола *кæныи* ‘делать’. Показано, что употребление данной конструкции для маркирования фокуса на глаголе и ее морфосинтаксические свойства связаны с положением компонентов конструкции в структуре клаузы, в которой отмечается жесткий порядок следования элементов глагольного комплекса. Использование особой конструкции для маркирования глагольного фокуса находит типологические параллели.

Ключевые слова: глагольный фокус, иронский осетинский, конструкции с глаголом ‘делать’

Для цитирования: Podgornaia A. D. The verb focus construction in Iron Ossetic. *Indo-Iranian languages*. 2025. 1(1). P. 152–172.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.7

1. Introduction

Ossetic is a modern East Iranian language spoken in North Ossetia–Alania, Russian Federation, and South Ossetia. Its most widespread dialect, Iron, is spoken by about 345,000 people in North Ossetia[1] and has numerous descriptions, cf. [Miller 1903; Gagkaev 1952, 1956; Abaev 1959, 1964; Bagaev 1965, 1982; Akhvlediani 1963, 1969], among others.

The discussion in this paper will be based on elicited examples collected during my fieldwork in Vladikavkaz in 2023 and corpus data from both oral (around 60,000 tokens) and written corpora (around 12 million tokens) of Iron Ossetic, contexts from which will be marked with OC and ONC respectively.[2]

This paper deals with a productive construction consisting of a lexical verb that appears in the non-variable participle-converb form with the suffix *-gæ* and the auxiliary verb *kænən* ‘to do’ carrying verb inflections, consider *kušgæ kodta* ‘[he] worked’ in (1).

[1] According to the 2020 All-Russia Census of Population URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami.

[2] Links are given in the Sources at the end of the article. Transliteration follows the guidelines at URL: https://www.ossetic-studies.org/biblio/ossetic-orth-en.pdf.

(1) *Æxšæv* ***kuš-gæ*** ***kod-t-a***, *bon=ta*
night work-CVB do-TR-PST.3SG day=CONTR
qaqqæd-t-a *jæ=xi* *wəsə tudʒdʒən-t-æj.*
guard-TR-PST.3SG POSS.3SG=REFL that blood.enemy-PL-ABL
'In the night he worked, and during the day he protected himself from blood enemies.' [OC: Tower, 1.8]

Although this construction is mentioned in a lot of descriptions of Ossetic, the consensus on its function and a detailed account of its properties are missing. In this paper, I will show that it is an instantiation of the cross-linguistically attested type of constructions with a verb 'to do' that allows one to mark verb focus, while preserving the place of a finite predicate in a clause.

The paper is structured as follows. In Section 2, I give a brief overview of the features of Iron Ossetic relevant to the present topic. Section 3 presents the components, restrictions on productivity, syntactic and pragmatic properties of the verb focus construction and attempts to explain the set of its properties in connection to the Ossetic clause structure. I summarize the findings and consider them in a typological perspective in the Conclusions.

2. Basic facts about Iron Ossetic

Iron Ossetic is a discourse-configurational language with the basic word order SOV and rigidly constrained order of elements in the preverbal area [Lyutikova, Tatevosov 2009; Erschler 2012; Belyaev 2022]. The order of constituents depends on their information status and is determined in relation to the finite predicate. As shown in (2) from [Belyaev 2022: 45], the verbal complex includes elements in focus (Foc), followed by question words (Wh), comparative adverbs (Adv), negative elements (Neg) and non-verbal components (NVC) that come before the finite verb (V). The left periphery of the clause is associated with topicality, whereas postverbal elements can be both topical and focal.

(2) Foc — Wh — Adv — Neg — NVC — V

In the verbal domain, Ossetic has rich morphology and perfectivizing preverbs [Vydrin 2021]. A substantial part of verbal vocabulary is comprised of so-called 'complex', or 'compound', verbs (Russian *složnye / sostavnye glagoly*) that consist of a nominal part and a light verb (most commonly *wævən* 'to be' and *kænən* 'to do'), see (3). Ossetic complex verbs show prosodic, syntactic, morphological, and semantic unity, for details see [Vydrin 2014; Grashchenkov 2018].

(3) *Æž dʷar næ* ***ba-jgom kod-t-on***.
I door NEG PV-opened do-TR-PST.1SG
'I didn't open the door.' [Grashchenkov 2018: 80]

Some authors describe the verb focus construction as a type of complex verbs [Gagkaev 1952: 80; Akhvlediani 1969: 105; Thordarson 2009: 77–79]. However, as I show in subsequent sections, they differ in properties and should be considered separately.

3. The Iron Ossetic verb focus construction

3.1. Components

Researchers usually emphasize the 'complex' nature of the construction in question calling it a 'compound verb form' (*sostavnaja forma glagola*) [Abaev 1959: 98], 'complex verb form' (*složnaja forma glagola*) [Bagaev 1965: 337], 'periphrastic verbal expression' (*perifrastičeskoe glagol'noe vyraženie*) [Vydrin 2014: 66], etc. The two-element construction is claimed to be semantically equivalent to a 'simple' verb, e.g., in [Gagkaev 1956: 67; Abaev 1959: 98; Bagaev 1965: 337]. In fact, (4a) and (4b) are taken by native speakers to express the same propositional content, and the construction in question can be easily replaced by a simple form in most contexts, for exceptions see Section 3.3.

(4) a. *Zalinæ* ***žar-ə***.
Zalina sing-PRS.3SG

b. *Zalinæ* ***žar-gæ*** ***kæn-ə***.
Zalina sing-CVB do-PRS.3SG
'Zalina sings / is singing.'

The first component of the construction is a non-finite form derived from the present stem with the suffix *-gæ*. This form can be used either as a participle denoting progressive or habitual events (5) or as a converb (6). In the latter function it appears in dependent clauses describing time and manner, thus competing with the converb proper (the present stem with the suffix *-gæjæ*), cf. [Belyaev, Vydrin 2011].

(5) *wat-ə=nən* *jed* *wəd-i…* *šug-æj*
room-IN=1PL.DAT HES be-PST.3SG firewood-ABL
ænzar-gæ *pes*
ignite-CVB stove
'In the room we had a stove that was stoked with firewood.'
[OC: Zangieva, Khabalova, 112.2]

(6) *æmæ* ***špor*** ***kæn-gæ*** *sæw-æm*
and quarrel do-CVB go-PRS.1PL
'And we are walking while quarreling.' [OC: Houses and children, 7.5]

The verb *kænən* 'to do' denotes what can be called a 'generalized action' [Schulze-Berndt 2008], as in (7).

(7) *æmæ=dam=šən* *kʷəd* ***kæn-on***
and=CIT=3PL.DAT how do-SBJV.1SG
'And he says, "What do I do with them?"' [OC: Fatima Aguzarova, 54.1]

3.2. Productivity

Abaev [1959: 98] states that the construction can be derived from any verb in Ossetic, and my data prove that it is in fact very productive.

First, it is not limited to the expression of agentive actions and combines with verbs denoting events with a single patient participant, cf. (8) with *mælən* 'to die', and states like *riššən* 'to hurt', *særən* 'to live'.

The participant structure of the predicate is determined by the lexical verb.

(8) *wəd wəsə ævžag* ***kæn-ə*** ***mæl-gæ***,
then that language do-PRS.3SG die-CVB
mæl-gæ kæn-ə.
die-CVB do-PRS.3SG
'⟨…⟩ if no one speaks the language,) then that language dies, dies.'
[OC: Talk (Gizel), 163.3]

When the construction is derived from a prefixed verb, the prefix invariably attaches to the auxiliary verb, as mentioned in [Gagkaev 1956: 67; Bagaev 1965: 338; Akhvlediani 1969: 222; Vydrin 2014: 67]. To illustrate, (9) includes a construction corresponding to the prefixed verb *akušən* 'to work (for some time)', to which the preverb *a-* imparts perfective delimitative meaning, and (10) features the construction derived from the prefixed verb *rajgʷərən* 'to be born' with the perfective preverb *ra-* attached to *kænən*.

(9) *Alan* ***kuš-gæ*** ***a-kod-t-a*** / ****a-kuš-gæ***
Alan work-CVB PV-do-TR-PST.3SG PV-work-CVB
kod-t-a.
do-TR-PST.3SG
'Alan has worked for some time.'

(10) ***gʷər-gæ***=*dær* *am* ***ra-kod-t-on***
be.born-CVB=ADD here PV-do-TR-PST.1SG
'(Yes, [I have been living here] for a long time,) I was born here too.'
[OC: Zangieva, Khabalova, 68.1]

The auxiliary verb can be dropped in imperative forms [Bagaev 1982: 67; Akhvlediani 1969: 120] and coordinated structures, taking the prefix with itself, see a modified corpus example with added auxiliaries in parentheses (11).[3]

[3] In [Belyaev, Vydrin 2011: 128] it is stated that the auxiliary cannot be dropped with prefixed verbs, however, the examples cited there show rather the ungrammaticality of a prefixed participle-converb form in this construction.

(11) ***gʷər-gæ***=*dær* *am* ***(ra-kod-t-on*** / **kod-t-on),*
be.born-CVB=ADD here PV-do-TR-PST.1SG do-TR-PST.1SG
sær-gæ=*dær* *am* ***(kæn-ən)****, šk'ola=dær* *am* —
live-CVB=ADD here do-PRS.1SG school=ADD here
iwwəldær
all
'(It seems to me that there is no village except for Dzuarikau. Really.) I was born here, I live here, the school is here — everything.'
[OC: Dzuarikau school, 56.3]

There is, however, a restriction on the construction's productivity, as it is incompatible with complex verbs, no matter what position the participle-converb form takes (12b)–(12c); (12d) contains the form *axʷərgængæ* with the first consonant of the stem *kæn-* being voiced as it appears in a participle-converb derived from this verb.

(12) a. *Nər* ***axʷər kæn-ən***.
now study do-PRS.1SG
'I study / am studying now.'
b. **Nər* ***kæn-gæ axʷər kæn-ən***.
now do-CVB study do-PRS.1SG
c. **Nər* ***axʷər kæn-gæ kæn-ən***.
now study do-CVB do-PRS.1SG
d. **Nər* ***axʷər.gæn-gæ kæn-ən***.
now study.do-CVB do-PRS.1SG

This incompatibility is not due to the avoidance of repetition, since *kænən* can be used in this construction as a lexical verb (13), contra [Vydrin 2014: 66].

(13) ***kæn-gæ***=*wən* *ni-sə* ***kæn-dzən-æn***.
do-CVB=2PL.DAT NEG-what do-FUT-1SG
'(Don't be afraid,) I won't do anything to you.' [ONC: Iron adæm šfældəštad. Vol. 2. Vladikavkaz: IR, 2007]

Furthermore, the construction is not used with complex verbs featuring other auxiliary verbs such as *kom darən* 'to fast' (14), *ænqælmæ kæšən* 'to wait' (15), *mæštæj marən* 'to tease' (16).

(14) *Alan* ***kom*** {***dar-ə*** / ****dar-gæ*** ***kæn-ə***}.
Alan mouth hold-PRS.3SG hold-CVB do-PRS.3SG
'Alan fasts / is fasting.'

(15) *Dæ=xæzar* *raž=dæm* ***ænqæl-mæ*** {***kæš-ən*** /
POSS.2SG=house front=2SG.ALL hope-ALL look-PRS.1SG
****kæš-gæ*** ***kæn-ən***}.
look-CVB do-PRS.1SG
'I wait / am waiting for you in front of your house.'

(16) *Me='fšəmær=mæ* ***mæšt-æj*** {***mar-ə*** /
POSS.1SG=brother=1SG.GEN anger-ABL kill-PRS.3SG
****mar-gæ*** ***kæn-ə***}.
kill-CVB do-PRS.3SG
'My brother teases / is teasing me.'

This restriction is tentatively formulated in [Akhvlediani 1969: 222–223], where it is stated that the construction is more characteristic of simple verbs. The only attested example of a complex verb appearing in this construction, also mentioned in [Ibid.], is *qəgdarən* 'to disturb' (17). This verb, originally composed of *qəg* 'sorrow, trouble' and *darən* 'keep, hold', however, is close to being lexicalized and is written as one word in contrast to other complex verbs.

(17) ***Qəgdar-gæ****=mæ* ***kæn-ut***.
disturb-CVB=1SG.GEN do-PRS.2PL
'(Please, don't read so loud!) You are disturbing me.' [ONC: Max dug, 3, 1997]

In Section 3.5 I propose an explanation for the impossibility of the verb focus construction with complex verbs. The proposal is corroborated by the syntactic and pragmatic properties of this construction.

3.3. Syntactic properties

Most occurrences of the construction feature the participle-converb form in preposition to the auxiliary. The reversed order is attested

in 5 cases out of 146 in OC, for example, in (8) and (18)–(19), cf. [Bagaev 1965: 338; Akhvlediani 1969: 220].

(18) ***kuš-gæ***=*dær* ***kod-t-am***, *štæj* ***kod-t-am*** ***kaf-gæ***=*dær*
work-CVB=ADD do-TR-PST.1PL then do-TR-PST.1PL dance-CVB=ADD
'(And we were sent to the "Gran" fabric.) We worked, then we danced as well.' [OC: Classmates. 5th night school, 4.8]

(19) *æmæ=iw čевre-jæ* ***ba-kod-t-oj*** ***ælxæn-gæ***=*dær*
and=ITER intermediary-ABL PV-do-TR-PST.3PL buy-CVB=ADD
'And the intermediary was even bribed.' [OC: Talk (Gizel), 66.3]

As noted in [Akhvlediani 1969: 106, 220; Bagaev 1982: 64; Kudzoeva 2003: 62, 72] and as the examples cited above demonstrate, the two parts of the construction can be separated from each other. First, if a component of the construction happens to be the first prosodic word in a minimal discourse unit, second-position clitics come after it, for details see [Lowe, Belyaev 2015], cf. (17) and the clitic cluster in (20).

(20) ***æftaw-gæ***=*jæm=æj* ***ba-kod-t-oj***
add-CVB=3SG.ALL=3SG.GEN PV-do-TR-PST.3PL
'⟨…⟩ then this new [building] was finished,) it was attached to it [the old building].' [OC: Dzuarikau school, 6.4]

Secondly, the construction is frequently used with focus particles such as the additive *dær*, contrastive *ta*, and *kʷə* modifying the verb. They appear in a third of all examples from OC, that is, 49 occurrences out of 146. When these focus particles are used, the construction cannot be changed to a simple verb. This was pointed out in [Belyaev, Khomchenkova 2022: 40–41] for the emphatic coordinate construction, which features *dær* (21). Our data show that the generalization can be extended to the other uses of *dær*, see (10), and other particles (22)–(23).

(21) a. *Zalinæ abon* ***kuš-gæ***=*dær* ***a-kod-t-a*** *æmæ*
Zalina today work-CVB=ADD PV-do-TR-PST.3SG and

kaf-gæ=*dær* ***a-kod-t-a***.
dance-CVB=ADD PV-do-TR-PST.3SG
'Zalina worked as well as danced today.'

b. **Zalinæ abon* ***a-kʷəš-t-a***=*dær* *æmæ*
Zalina today PV-work-TR-PST.3SG=ADD and
a-kafəd=*dær*.
PV-dance.PST.3SG=ADD

(22) ***kæš-gæ***=*ta* *næ* ***kæn-ə!***
read-CVB=CONTR NEG do-PRS.3SG
'(We have so many books in the attic! ⟨...⟩) And he does not read!' [OC: Zangieva, Khabalova, 197.4]

(23) *æmæ=zə, žæʁ-ən, æž* ***æppæl-gæ***=*kʷə*
and=3PL.IN say-PRS.1SG I praise-CVB=PTCL
kod-t-on *wəm-æj!*
do-TR-PRS.1SG that-ABL
'And so, I say, I complimented her, didn't I!' [OC: Houses and children. P. 2, 89.2]

Moreover, some elements can only be positioned after the participle-converb form right before the auxiliary verb. These can be subsumed under the category of elements bound to the left preverbal position, see Section 2, including negation *næ* (24) and other negative and question / relative words, see *nisə* 'nothing' (13), *niči* 'nobody' in (25) and *či* 'who' in a relative clause (26) (cf. some observations in [Akhvlediani 1969: 106, 220; Bagaev 1982: 64; Kudzoeva 2003: 62, 72]).

(24) *Zalinæ* ***kuš-gæ*** *næ* ***kod-t-a*** / **næ*
Zalina work-CVB NEG do-TR-PST.3SG NEG
kuš-gæ ***kod-t-a***.
work-CVB do-TR-PST.3SG
'Zalina doesn't work / isn't working.'

(25) *Am* ***zur-gæ*** *ni-či* ***kæn-ə*** /
here talk-CVB NEG-who do-PRS.3SG
ni-či* ***zur-gæ* ***kæn-ə***.
NEG-who talk-CVB do-PRS.3SG
'Nobody is speaking here.'

(26) *Alan, nər* {***fəš-gæ*** *<u>či</u>* ***kæn-ə*** / **<u>či</u>*
Alan now write-CVB who do-PRS.3SG who
fəš-gæ ***kæn-ə***}, *wəj u.*
write-CVB do-PRS.3SG that be.PRS.3SG
'Alan is the one who is writing right now.'

The only contexts in which relative words were found to come before the participle-converb are parallel coordinate clauses, such as (27) and (28) that compare actions of different people and in different places respectively. These cases feature multiple partitive constructions, to use the term coined by Haspelmath [1997: 177ff.], and need further investigation.

(27) *æmæ=iw=zə* *<u>či</u>* ***ælviš-gæ*** ***kod-t-a***,
and=ITER=3PL.ABL who spin-CVB do-TR-PST.3SG
<u>či</u>=zə *c'ənda* *kod-t-a,* *<u>či</u>=iw=zə*
who=3PL.ABL stocking do-TR-PST.3SG who=ITER=3PL.ABL
pir-gæ ***kod-t-a***,
comb.wool-CVB do-TR-PST.3SG
'Some of them were spinning, some of them were knitting stockings, some of them were combing wool.' [OC: Zarema Timofeevna, 12.6]

(28) *<u>kæm</u>* *beton* *žmæš-t-am,* *<u>kæm</u>* *jed* *kod-t-am,*
where concrete mix-TR-PST.1PL where HES do-TR-PST.1PL
<u>kæm</u> ***amaj-gæ*** ***kod-t-am***, *aftæ-tæ.*
where build-CVB do-TR-PST.1PL SO-PL
'(Then we both started and built them.) We mixed the concrete in one place, did this or that in the other, built in the other, this way.' [OC: Zangieva, Khabalova. P. 2, 87.2]

Preverbal subordinators, such as *k^{w}ə* 'when, if' (29), also have to appear before the auxiliary verb.

(29) *Don* {***fəs-gæ*** *<u>k^{w}ə</u>* ***fæ-kæn-ə*** / **<u>k^{w}ə</u>*
water boil-CVB when PV-do-PRS.3SG when
fəs-gæ ***fæ-kæn-ə***}, *wæd ag təng tævd væjj-ə.*
boil-CVB PV-do-PRS.3SG then pot very hot be.ITER-PRS.3SG
'When water boils, the pot can be very hot.'

The example (30) features the elements from all the above-mentioned groups: the focus particle *dær*, the second position genitive enclitic *dæ*, the preverbal conjunction *kʷə*, and the negative adverb *nikʷə*. They account for the majority of cases in OC.

(30) ***wən-gæ***=*dær*=*dæ* *kʷə* *ni-kʷə* ***kod-t-on***,
see-CVB=ADD=2SG.GEN when NEG-when do-TR-PST.1SG
‘⟨…⟩ if I have never ever seen you, (how could I have turned you out?)’ [OC: Houses and children. P. 2, 38.4]

Other elements that can occur in the interposition between the components of the construction include adverbs like *am* ‘here’ (10)–(11), *aftæ* ‘so’. There are 5 cases in OC where the components are separated by at least one content word, one of them is *raž-dær* (front-CMPR) ‘before, earlier’ (31), which is a comparative adverb that is placed in the verbal complex. Constituents that can appear between the parts of the construction need further investigation.

(31) ***šk’æf-gæ***=*dær*=*iw* *raž-dær* ***kod-t-oj*** *məd-ə*
seize-CVB=ADD=ITER front-CMPR do-TR-PST.3PL honey-GEN
k’uš, ævi nər ba-jdəd-t-oj?
cup or now PV-begin-TR-PST.3PL
‘Was there a tradition to steal the bowl of honey before, too, or is it a new tradition?’ [OC: Zangieva, Khabalova. P. 3, 37]

To sum up, most instances of the construction show contact placement of the participle-converb form in preposition to *kænən*. However, the reversed order is also possible. Constituents bound to the preverbal area cannot precede the participle-converb form.

3.4. Functions

While it does not affect the semantic content of the clause (see Section 3.1), the construction is said to be used for “highlighting the action” [Abaev 1959: 98–99; Bagaev 1965: 338] or expressing “emphasis” [Vydrin 2014: 67]. Such notions are frequently used when dealing with focus, which can be defined as a phenomenon of marking “the semantic

component of a pragmatically structured proposition whereby the assertion differs from the presupposition" [Lambrecht 1994: 213].

The construction has proved felicitous in contexts of verb focus (32a), cf. [Belyaev, Vydrin 2011: 127], but not in the presence of thetic focus on the whole clause (32b), predicate focus on the verb phrase (32c), and argument focus on a constituent like a direct object (32d).

(32) a. Context: What has Zalina done to the floors? They are so clean!
Zalinæ p'ol-tæ [***nəxšad-t-a*** / ***æxš-gæ***
Zalina floor-PL PV.wash-TR-PST.3SG wash-CVB
nək-kod-t-a]$_{F}$.
PV-do-TR-PST.3SG
'Zalina [has washed]$_{F}$ the floors.'

b. Context: What happened? The furniture is moved.
[*Zalinæ p'ol-tæ* ***nəxšad-t-a*** / #***æxš-gæ***[4]
Zalina floor-PL PV.wash-TR-PST.3SG wash-CVB
nək-kod-t-a]$_{F}$.
PV-do-TR-PST.3SG
'[Zalina has washed the floors]$_{F}$.'

c. Context: What has Zalina done? The room looks fresh.
Zalinæ [*p'ol-tæ* ***nəxšad-t-a*** / #***æxš-gæ***
Zalina floor-PL PV.wash-TR-PST.3SG wash-CVB
nək-kod-t-a]$_{F}$.
PV-do-TR-PST.3SG
'Zalina [has washed the floors]$_{F}$.'

d. Context: What has Zalina washed?
Zalinæ [*p'ol-tæ*]$_{F}$ ***nəxšad-t-a*** / #***æxš-gæ***
Zalina floor-PL PV.wash-TR-PST.3SG wash-CVB
nək-kod-t-a.
PV-do-TR-PST.3SG
'Zalina has washed [the floors]$_{F}$.'

The observation that the construction is a specialized means of marking verb focus is corroborated by its frequent use with focus particles, which cannot attach to the finite verb, triggering its use, see

[4] The symbol # here indicates that the sentence with this form is grammatical but infelicitous in the given context.

Section 3.3. Corpus examples lend support as well. Consider a part of the dialogue in (33) between a teacher and a student who has concealed the fact that she is performing. In (33a), the teacher wants to know whether the student is actually singing and uses the construction in question, whereas the subsequent questions (33b) and (33c) deal with other aspects, thus featuring simple verb forms.

(33) a. *Larisa,* ***žar-gæ kæn-əš****?*
Larisa sing-CVB do-PRS.2SG
'Larisa, do you sing? (Yes.)'
b. *æmæ max-æn sæwəlnæ išk^{w}ə* ***a-žarəd-t-a****?*
and we-DAT why.not ever PV-sing-TR-PST.3SG
'Why didn't you sing for us? (I don't want, I feel shy.)'
c. *æmæ wəm=ta scenæ-jæ* ***žarəd-t-a****?*
and there=CONTR scene-ABL sing-TR-PST.3SG
'And did you sing from stage there? (Yes.)'
[OC: Alagir school, 130–135]

The examples (32a) and (33a) illustrate the use of the construction to mark (new) information focus (also called state-of-affairs focus). It also frequently appears under contrastive focus (34)–(35) and verum focus (also called truth focus) when the speaker asserts the truth of the proposition (36)–(37).

(34) Context: Did Zalina wash the floors?
Zalinæ p'ol-tæ ***æxš-gæ*** *næ, fælæ* ***mærž-gæ***
Zalina floor-PL wash-CVB NEG but sweep-CVB
nək-kod-t-a.
PV-do-TR-PST.3SG
'Zalina didn't wash the floors, she swept them.'

(35) *ærtækkæ* ***ælxæn-gæ kæn-ənS****, fælæ wæd=ta*
now buy-CVB do-PRS.3PL but then=CONTR
lævar læværd-t-oj
gift give-TR-PST.3PL
'Now people buy [flats], but at that time [they] were given for free.'
[OC: Zarema Aldatova, 139.4]

(36) Context: Did Alan wash the floors?
Alan p'ol-tæ ***æxš-gæ*** ***nək-kod-t-a***, *fælæ ævžær.*
Alan floor-PL wash-CVB PV-do-TR-PST.3SG but bad
'Alan did wash the floors, but [he did it] badly.'

(37) ***fəš-gæ****=jæ* ***fæ-kod-t-on***
write-CVB=3SG.GEN PV-do-TR-PST.1SG
'(Haven't you written down anything from them? ⟨…⟩) I have written her down, (⟨…⟩ but not so much.)' [OC: Dzaurikau school, 73.1]

Some authors characterise the construction in aspectual terms, with Thordarson [2009: 72] ascribing a habitual meaning to it and Pisowicz [2022: 140ff.] calling it a compound present (progressive) tense (Polish *czas teraźniejszy złożony*). However, although these uses are prominent, the construction allows the whole spectrum of aspectual interpretations that simple verbs have, for instance, consider the perfective context in (32a). Furthermore, even in habitual and progressive contexts the construction is incompatible with argument focus, as (38) shows. Therefore, it is more precisely described as a pragmatic, rather than an aspectual device, although constructions with a verb 'to do' are a frequent source of aspect markers [Jäger 2006: 276ff.], as well as focus constructions [Güldemann 2003].

(38) Context_1: What does Zalina usually wash?
Context_2: What is Zalina washing right now?
Zalinæ $[$*p'ol-tæ*$]_F$ ***æxš-ə*** / ***#æxš-gæ***
Zalina floor-PL wash-PRS.3SG wash-CVB
kæn-ə.
do-PRS.3SG
'Zalina washes / is washing $[$the floors$]_F$.'

3.5. Analysis

The previous sections give an overview of the properties of the construction under discussion, most of which are mentioned in the descriptions I have consulted. However, none of them attempts to explain the set of observations.

I propose that they can be accounted for if we assume that the participle-converb in the construction fills a focus position, being placed either in the verbal complex or postverbally, as is proved possible by (18)–(19) in Section 3.3. This conditions the obligatory use of the construction with verb-modifying focus particles and the interposition of the negative and question words, as well as other elements bound to the preverbal position.

This assumption also helps to account for the incompatibility of the construction with complex verbs. It is noted that combinations that usually function as complex verbs can diverge from the single-unit behaviour described in Section 2, with the nominal part functioning like a normal direct object. In this case prefixes attach to the verb, compare the complex verb with the prefix attached to the nominal part in (39) and a simple combination of the nominal part and the prefixed verb in (40), cf. [Gagkaev 1956: 67; Akhvlediani 1969: 107]. The latter is similar to the verb focus construction.

(39) *Žæʁ, sə=dən* ***ba-lævar kæn-on****?*
say.IMP.2SG what=2SG.DAT PV-gift give-SBJV.1SG
'Tell [me], what present should I give you?' [ONC: A. Qajtəqtə. Amondwardʒətæ. Vladikavkaz: IR, 1993]

(40) *fælæ=šən Comartatæ* ***wæj*** *næ, fælæ*
but=3PL.DAT Comartov.PL sale NEG but
lævar ba-kod-t-oj *kʷəj-tæ.*
gift PV-do-TR-PST.3PL dog-PL
'(Once two men came down from the mountains to buy dogs,) but Comartovs haven't sold dogs to them, but rather gave them as a present.' [ONC: Z. Gaglojtə. Iron məggægtæ. Vladikavkaz: IR, 2005]

The element that can function as a nominal part of a complex verb in these cases is detachable, see (41), which shows that the negative particle is placed to the left of *fənæj* 'sleep' in the complex verb (41a) and to the right of it in case of a simple combination of a noun and a verb with a prefix (41b). Note that other orders are not accepted.

(41) a. *Alan abon <u>næ</u>* ***a-fənæj kod-t-a****.*
Alan today NEG PV-sleep do-TR-PST.3SG
'Alan didn't sleep today.'

b. *Alan abon* ***fənæj*** *næ* ***a-kod-t-a***.
Alan today sleep NEG PV-do-TR-PST.3SG
c. **Alan abon* ***a-fənæj*** *næ* ***a-kod-t-a***.
Alan today PV-sleep NEG PV-do-TR-PST.3SG
d. **Alan abon* *næ* ***fənæj a-kod-t-a***.
Alan today NEG sleep PV-do-TR-PST.3SG

Further parallelism with the verb focus construction can be demonstrated in contexts featuring a focus particle. For example, in the emphatic coordinate construction in (42) the particle *dær* attaches to *fənæj* 'sleep' and *kænən* 'to do' takes the prefix *a-*. The use of the complex verb *afənæj kænən* 'to have a sleep' is not possible in this context. Corpus examples illustrate the verb focus construction coordinated with *ax^{w}ər kænən* 'to study' that usually functions as a complex verb (43), as well as a combination of a verb with a normal direct object (*sočinenitæ fəššən* 'to write compositions') (44).

(42) *Alan abon* {***fənæj***=*dær* ***a-kod-t-a*** /
Alan today sleep=ADD PV-do-TR-PST.3SG
****a-fənæj kod-t-a***=*dær* / ****a-fənæj***=*dær* ***kod-t-a***}
PV-sleep do-TR-PST.3SG=ADD PV-sleep=ADD do-TR-PST.3SG
æmæ ***kæš-gæ***=*dær* ***a-kod-t-a***.
and read-CVB=ADD TR-do-TR-PST.3SG
'Alan slept as well as read today.'

(43) *wəsə ræštæʤ-ə max* ***kuš-gæ***=*dær* ***kod-t-am***
that time-IN we work-CVB=ADD do-TR-PST.1PL
æmæ ***ax^{w}ər***=*dær* ***kod-t-am***
and study=ADD do-TR-PST.1PL
'At this time we worked as well as studied.' [OC: Classmates. 5th night school, 4.1]

(44) *æmæ=šən* ***sočineni-tæ***=*dær* ***fəšt-on***,
and=3PL.DAT composition-PL=ADD write-PST.TR.1SG
kæš-gæ=*dær* ***kod-t-on*** *še-mæ, alsədær*
read-CVB=ADD do-TR-PST.1SG they-COMIT everything
kod-t-on.
do-TR-PST.1SG
'And I wrote compositions, read with them, I did everything.'
[OC: Alagir school, 69.4]

Such cases are associated with the nominal element that usually appears in a complex verb being emphasized [Abaev 1959: 98; Akhvlediani 1969: 107], and Grashchenkov [2018: 84–85] assumes that it occupies the focus position. Such placement makes splitting the verb via the construction to fill the focus position, e.g. as required by focus particles, redundant. Moreover, as some native speaker consultants observed, placing focus on the light verb would have led to it being interpreted in its original meaning, which is not compatible with light verbs being semantically bleached, consider *marən* 'to kill' and the idiomatic *mæštæj marən* 'to tease' in (16).

4. Conclusions

Our data show that Iron Ossetic has a productive verb focus construction. Its counterparts are found in genetically unrelated and geographically distant languages. For example, such languages as Chuckchi (< Chukotko-Kamchatkan), Miya (< Chadic, Afro-Asiatic), Ngardi (< Pama-Nyungan) employ periphrasis with a verb 'to do' as a verb focus construction, cf. [Jäger 2013].

In a cross-linguistic study of such phenomena, Jäger [2006] formulates the following generalization about one of the most commonly attested functions of verb constructions with a verb 'to do': "If a language has rigid or dominant word order, periphrasis is used to mark clause types that display a deviant or irregular word order or to maintain a close approximation of the regular word order in these, i.e. to keep the relative order of verb and object unchanged" [Ibid.: 88]. These uses are typically associated with interrogativity, topicalisation, or focalisation and can be obligatory in presence of the corresponding elements. Ossetic, as it seems, adheres to Jäger's generalization, as it imposes restrictions on word order, with the position of elements being determined in relation to the finite verb, and uses the construction with a non-finite form in *-gæ* to mark that the lexical verb is in focus, while utilising a semantically bleached verb *kænən* 'to do' as a site of attachment for TAM markers, thus preserving the finite verb's place in the clause.

The Ossetic case was not previously included in the discussion of the mechanisms that are either structurally (periphrasis with a verb

'to do') or functionally (marking information status of the verb and/or saving the syntactic configuration) similar to it and thus contributes to their typological study.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; ABL — ablative; ADD — additive particle; ALL — allative; CIT — citative particle; CMPR — comparative; COMIT — comitative; CONTR — contrastive particle; CVB — converb; DAT — dative; F — focus; FUT — future tense; GEN — genitive; HES — hesitation marker; IMP — imperative; IN — inessive; ITER — iterative; NEG — negation; PL — plural; POSS — possessive; PRS — present tense; PST — past tense; PTCL — particle; PV — preverb; REFL — reflexive; SBJV — subjunctive; SG — singular; TR — transitivity.

Sources

OC — Corpus of Oral Texts. Iron texts. Available at: https://ossetic-studies.org/ru/texts (accessed on 31.07.2024).

ONC — Ossetic National Corpus. Available at: http://corpus.ossetic-studies.org/search/ (accessed on 31.07.2024).

References

Abaev 1959 — V. I. Abaev. *Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyka* [Grammar sketch of Ossetic]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1959.

Abaev 1964 — V. I. Abaev. A *Grammatical Sketch of Ossetic*. Bloomington: Indiana University, 1964.

Akhvlediani 1963 — G. S. Akhvlediani (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka. Vol. I. Fonetika i morfologiya* [Ossetic grammar. Vol. I. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: Research Institute of the North Ossetian Council of Ministers, 1963.

Akhvlediani 1969 — G. S. Akhvlediani (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka. Vol. II. Sintaksis* [Ossetic grammar. Vol. II. Syntax]. Ordzhonikidze: Research Institute of the North Ossetian Council of Ministers, 1963.

Bagaev 1965 — N. K. Bagaev. *Sovremennyy osetinskiy yazyk. Part I. Fonetika i morfologiya* [Modern Ossetic. Part I. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1965.

Bagaev 1982 — N. K. Bagaev. *Sovremennyy osetinskiy yazyk. Part II. Sintaksis* [Modern Ossetic. Part II. Syntax]. Ordzhonikidze: Ir, 1982.

Belyaev 2022 — O. Belyaev. Phrase structure and configurationality in Ossetic. M. Butt, J. Y. Findlay, I. Toivonen (eds.). *The Proceedings of the LFG'22 Conference*. Konstanz: University of Konstanz, 2022. P. 41–60. Available at: https://lfg-proceedings.org/lfg/index.php/main/article/view/26/7.

Belyaev, Khomchenkova 2022 — O. Belyaev, I. Khomchenkova. Soyedineniye imennykh grupp v osetinskom yazyke [Noun phrase conjunction in Ossetic]. *Rhema*. 2022. No. 4. P. 32–54. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-32-54.

Belyaev, Vydrin 2011 — O. Belyaev, A. Vydrin. Participle-converbs in Iron Ossetic: Syntactic and semantic properties. A. Korn, G. Haig, S. Karimi, P. Samvelian (eds.). *Topics in Iranian Linguistics*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2011. P. 117–134.

Erschler 2012 — D. Erschler. From preverbal focus to preverbal "left periphery": The Ossetic clause architecture in areal and diachronic perspective. *Lingua*. 2012. Vol. 122. P. 673–699. DOI: 10.1016/j.lingua.2012.01.009.

Gagkaev 1952 — K. E. Gagkaev. *Ocherk grammatiki osetinskogo yazyka* [Sketch of Ossetic grammar]. Dzaudzhikau: State Press of the North Ossetian ASSR, 1952.

Gagkaev 1956 — K. E. Gagkaev. *Sintaksis osetinskogo yazyka* [Ossetic syntax]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1956.

Grashchenkov 2018 — P. V. Grashchenkov. Mezhdu leksikonom i sintaksisom, fonologiyey, semantikoy — interfeysnyye yavleniya v osetinskikh slozhnykh predikatakh [Between lexicon, syntax, phonology, semantics: The interface phenomena in the Ossetic complex predicates]. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2018. Vol. 1. No. 1. P. 73–87.

Güldemann 2003 — T. Güldemann. Present progressive vis-à-vis predication focus in Bantu. A verbal category between semantics and pragmatics. *Studies in Language*. 2003. Vol. 27. No. 2. P. 323–360. DOI: 10.1075/sl.27.2.05gul.

Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *Indefinite pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.

Jäger 2006 — A. Jäger. *Typology of periphrastic 'do'-constructions*. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 2006.

Jäger 2013 — A. Jäger. 'Do'-periphrasis as a cross-linguistic predicate focus strategy. Talk at the Association for Linguistic Typology 10th Biennial Conference, University of Leipzig. Leipzig, August 15–18, 2013.

Kudzoeva 2003 — A. F. Kudzoeva. *Poryadok slov i aktualnoye chleneniye v osetinskom yazyke* [Word order and communicative structure in Ossetic]. Vladikavkaz: North Ossetian State University Press, 2003.

Lambrecht 1994 — K. Lambrecht. *Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representations of discourse referents.* Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Lowe, Belyaev 2015 — J. J. Lowe, O. Belyaev. Clitic positioning in Ossetic. M. Butt, T. H. King (eds.). *Proceedings of the LFG'15 Conference*. Stanford: CSLI Publications, 2015. P. 230–249.

Lyutikova, Tatevosov 2009 — E. Lyutikova, S. Tatevosov. The clause internal left edge: Exploring the preverbal position in Ossetian. Talk at the 3rd International Conference on Iranian Linguistics, Sorbonne Nouvelle University. Paris, September 11–13, 2009.

Miller 1903 — W. Miller. *Die Sprache der Osseten* [The language of the Ossetians]. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1903.

Pisowicz 2022 — A. Pisowicz. *Gramatyka osetyjska (dialekt iroński)* [Grammar of Ossetic (the Iron dialect)]. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2022.

Schulze-Berndt 2008 — E. Schulze-Berndt. What do "do" verbs do? The semantic diversity of generalised action verbs. E. Verhoeven, S. Skopeteas, Sh. Yong-Min, Y. Nishina, J. Helmbrecht (eds.). *Studies on Grammaticalization*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. P. 185–208.

Thordarson 2009 — F. Thordarson. *Ossetic grammatical studies*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009.

Vydrin 2014 — A. P. Vydrin. Glagol v osetinskom yazyke [Verb in Ossetic]. *Vostokovedeniye. Istoriko-filologicheskiye issledovaniya. Mezhvuzovskiy sbornik statey. Vyp. 30 (zaklyuchitelnyy). Pamyati akad. M. N. Bogolyubova* [Oriental Studies. Historical and philological research. Interuniversity collection of papers. Iss. 30 (final). In memoriam of academician M. N. Bogolyubov]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2014. P. 25–81.

Vydrin 2021 — A. P. Vydrin. Interactions of verbal categories in Ossetic. V. S. Xrakovskij, A. L. Malchukov (eds.). *Hierarchy and Interaction of Verbal Categories across Languages*. München: LINCOM, 2021. P. 189–212.

Получено / received 21.06.2024 *Принято / accepted 28.08.2024*

Non-verbal predication in Ossetic

Danil A. Alekseev
Lomonosov Moscow State University; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
dnl.alksv@gmail.com; ORCID: 0009-0000-6895-4423

Abstract. This article deals with the semantic functions and morphological expression of different types of non-verbal predication in Ossetic. Ossetic features two third-person singular present-tense forms of the verb 'to be' (*i*(*š*) and *u*), one of which, namely *iš*, can be argued to be the copula. The two forms are employed in non-overlapping types of non-verbal predication. With plural subjects, however, no morphologically distinct copula is available. Because of this, non-agreement and the third person singular copula are used in differentiating between predication types. In particular, full agreement is exhibited in "nominal" predications (e.g. *John is a teacher*), while non-agreeing verbal forms and the copula are used in "locational" ones (e.g. *John is in New York*). Additionally, in locative clauses proper a further distinction can be drawn between thematic and rhematic location, with definiteness also playing a role in the selection of the non-agreeing copula or the verb 'to be'. The article also covers the usage of the negated forms of the copula (*næj*) and the verb 'to be' (*næw*). It is shown that their distribution mirrors that of the positive forms, although some contexts with *næw* do require more careful examination. Some morphosyntactic differences between "nominal" predication types, i.e. those conveying Equation (*John is my father*), Proper Inclusion (*John is a teacher*), and Attribution (*John is handsome*), are also highlighted. In particular, there is variation between types as to whether use is made of a pure adjective, which in Ossetic can bear no nominal morphology, or of the corresponding lexicalized substantive form, capable of attaching e.g. the plural marker.

Key words: Ossetic, non-verbal predication, non-agreement, copula

Acknowledgements: This research was supported by RSF grant № 24-18-00199. I am grateful to all the speakers of Ossetic who shared their knowledge of the language with me. I would also like to thank the audiences of the MYaBL-2024 conference, where I presented my talk on the subject matter of this article, for their stimulating questions and discussions following the talk. I am indebted to the editors of this journal, especially Arseniy P. Vydrin, for their invaluable help in the preparation of this article.

© Danil A. Alekseev, 2025

For citation: Alekseev D. A. Non-verbal predication in Ossetic. *Indo-Iranian languages.* 2025. 1(1). P. 173–192.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.8

Неглагольная предикация в осетинском языке

Д. А. Алексеев
МГУ имени М. В. Ломоносова; Институт языкознания РАН (Москва, Россия); dnl.alksv@gmail.com;
ORCID: 0009-0000-6895-4423

Аннотация. В статье рассматриваются семантические функции и морфологическое выражение разных типов неглагольной предикации в осетинском языке. В частности, показывается, что одну из двух морфологически различных форм бытийного глагола третьего лица единственного числа настоящего времени можно справедливо считать глаголом-связкой (копулой). При этом морфологически отдельной копулы для использования с субъектами во множественном числе нет. Однако различие между типами неглагольной предикации всё ещё можно выразить через использование несогласованных с такими субъектами форм бытийного глагола. Отдельное внимание уделено локативным предложениям, отрицательным формам бытийного глагола и вопросам категориальной принадлежности предикативного имени.

Ключевые слова: осетинский язык, неглагольная предикация, рассогласование, копула

Благодарности: Исследование поддержано грантом РНФ № 24-18-00199, реализуемым в Институте языкознания РАН. Я благодарен носителям осетинского языка за оценку стимульного материала, слушателям моего доклада на конференции «Малые языки в большой лингвистике — 2024», материалы которого легли в основу этой работы, за вопросы и обсуждение, а также редакторам журнала, в особенности А. П. Выдрину, за их неоценимую помощь в подготовке настоящей статьи.

Для цитирования: Alekseev D. A. Non-verbal predication in Ossetic. *Indo-Iranian languages*. 2025. 1(1). P. 173–192.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.8

1. Introduction

Ossetic is an Iranian Indo-European language spoken by up to 614,000 speakers, according to the Ethnologue,[1] in the Northern Caucasus and other areas. The most important dialectal split is between the Iron and Digor varieties. Digor is spoken in the northwestern part of the republic of North Ossetia–Alania, while Iron is the dominant variety in the rest of the Ossetic-speaking region.

The present article is chiefly concerned with the morphological expression of different types of non-verbal predication in Ossetic. I make reference to both Iron and Digor, but largely focus on the former. No difference in the functioning of copular verbs has been found between the two dialects.

From the point of view of numerous typological works devoted to non-verbal predication, Ossetic, as I show in this paper, is a split-language in the terminology of [Stassen 1997, 2013], meaning that the morphological strategies for encoding "nominal" (e.g. *John is a teacher*) and "locational" (e.g. *John is in New York*) predication are different. However, this difference is not pervasive across the TAM paradigms, as separate morphological "nominal" and "locational" forms are found only in the third person singular of the present tense. With third person plural subjects, "locational" predications are distinguished from "nominal" ones by means of non-agreement, i.e. the use of singular verbs with plural subjects. Thus, I would suggest characterizing Ossetic more accurately as a partial split-language.

Unless otherwise noted, the examples cited were elicited during my fieldwork in Vladikavkaz, North Ossetia–Alania, Russia, in August 2023 and July 2024. I also draw upon the Iron data from the Oral Corpus (OC; 60,000 tokens[2]) and certain works of fiction in modern

[1] URL: https://www.ethnologue.com/, accessed June 15th, 2024.

[2] URL: https://ossetic-studies.org/en/texts, accessed June 15th, 2024.

Ossetic, including translations of some foreign authors, which can be accessed online[3] along with their Russian versions.

The structure of the paper is as follows. Section 2 introduces the paradigms of the verb 'to be' in Ossetic. In Section 3 the forms of the verb 'to be' and the copula are mapped onto a classification of predication types by Payne [1997], with Subsection 3.2 dedicated to exploring locational predications in Ossetic, which are shown to exhibit certain peculiar properties. The negated forms of the verb 'to be' and the copula and their functioning are the subject matter of Section 4. Section 5 introduces language-specific diagnostics that help differentiate between certain predication types, and in Section 6 I draw up my conclusions.

2. Morphology

Ossetic has a three-way person distinction and a two-way number distinction.[4] All six person-number combinations are expressed by a unique morphological exponent across all paradigms (meaning there is no intraparadigmatic syncretism). Take, for example, the present, cf. Table 1 below.

Table 1. Present tense endings and sample paradigm for *kænən* 'to do'

	Present tense endings		**Example paradigm *kænən* 'to do'**	
	SG	**PL**	**SG**	**PL**
1st person	*-ən*	*-æm*	*kænən*	*kænæm*
2nd person	*-əš*	*-ut*	*kænəš*	*kænut*
3rd person	*-ə*	*-əns*	*kænə*	*kænəns*

[3] URL: https://ironau.ru/bilingva/, accessed June 15th, 2024.

[4] For a more detailed description of the structure of Ossetic TAM paradigms, the reader is advised to consult [Vydrin 2023]. There it is suggested that Ossetic might feature a separate '0th person' for the morphological impersonal verb forms. For the purposes of this study, however, I stick to a traditional three-way person distinction.

The verb *wævən* 'to be', however, has been said to feature two different third-person singular present forms in Iron, namely *iš* and *u* [Abaev 1964: 55; Akhvlediani 1963: 226], see Table 2 below.

Table 2. Present forms of *wævən* 'to be' in the Iron dialect of Ossetic

	SG	PL
1st person	*dæn*	*štæm*
2nd person	*dæ*	*štut*
3rd person	*iš*/*u*	*štə*

The form *iš* also has an allomorph *i* that is in free variation with it; there are no semantic differences between the two.

The same split, featuring two present tense singular forms of the verb 'to be', is found in Digor, cf. Table 3. The form *je* (an optional allomorph *jes* is available) is regularly related to *iš* through a correspondence Digor /(j)e/ ~ Iron /i/ [Testen 1997: 723]. Iron *u* and Digor *æj* do not share a single origin, according to [Kim 2023].

Table 3. Present forms of *un* 'to be' in the Digor dialect of Ossetic

	SG	PL
1st person	*dæn*	*an*
2nd person	*dæ*	*ajtæ*
3rd person	*je*/*æj*	*æncæ*

It is worth noting that Iron *iš* and *u* also have special negated variants, *næj* and *næw* (*næjje*(*s*) and *næj* in Digor), which are discussed in Section 5.

In the past tense, one can only find a single third-person singular form, namely *wədiš*. It also has available free allomorphs, *wədi* and *wəd*. Their frequency distribution, however, is not the same: according to the OC data, *wəd* is the least commonly used (less than 30 occurrences), potentially due to its homonymy with the past participle, *wədiš* is the second most commonly used variant, with more than 100 tokens, and *wədi* tops the list at more than 600 tokens.

3. Semantic Functions

3.1. General Remarks

The forms *iš* and *u* differ both syntactically and semantically. Previous descriptions have indicated that the former is restricted to existential (1), locational (2), and possessive[5] (3) clauses, while the latter is used in identificational function (4), cf. [Gagkaev 1956: 60–61].

(1) *axæm programmæ* ***iš***.
such program EXT
'There is such a program.' [OC: Aguzarova Izeta, 27.4]

(2) *jæ=xæzar am* ***iš***, *jæ=xædæg næj*.
POSS.3SG=house here EXT[6] POSS.3SG=self EXT.NEG
'His house is here, but he himself is nowhere to be found.'
[Gagkaev 1956: 61]

(3) *mæn-æn xæzar* ***iš***.
1SG-DAT house EXT
'I have a house.' [Gagkaev 1956: 61]

(4) *ænæ-žon-gæ ærvad žnag* ***u***.[7]
without-know-PCVB relative enemy be.PRS.3SG
'An unfamiliar relative is an enemy.'
[Ossetic proverb; Gagkaev 1956: 61]

[5] Gagkaev himself does not give a non-negative example of existential predication.

[6] For convenience, I gloss *iš* as EXT, standing for "existential copula". However, as I will show in this paper, its functions are not limited to conveying existence.

[7] The reader should be aware of certain peculiarities of Ossetic transcription. For Iron, the Latin transcription strays quite far from the official Cyrillic orthography. For example, <с> and <з> are transliterated as <š> and <ž>, since a chain shift involving affricates and sibilants occurred in the Iron varieties that became the foundation of modern colloquial Ossetic. Additionally, the Cyrillic letter <æ>, which is used solely by Ossetic, does not stand for the vowel conveyed by IPA /æ/, but is instead used for the mid-open vowel /ɜ/. A full description of the transliteration conventions adopted here, authored by Oleg Belyaev, can be accessed at the Ossetic Grammatical Studies website: URL: https://ossetic-studies.org/biblio/ossetic-orth-en.pdf, accessed June 15th, 2024.

Gagkaev in particular notes that the functions of *iš* are similar to those of the French *il y a* and German *es gibt* 'there is' constructions [Gagkaev 1956: 61].

Mapping the functions of *iš* and *u* onto a more fine-grained classification, such as that of Payne [1997], might shed more light on their distribution. The form *u* is used in clauses involving Equation (5), defined by Payne [1997: 114] as "assert[ing] that a particular entity ⟨…⟩ is identical to the entity specified in the predicate nominal" (*Alan is my father = My father is Alan* (5)). It also conveys Proper Inclusion (membership in a class of items or entities, e.g. the set of teachers in (6)), and Attribution (7).

(5) *alan mæ=fəd* ***u***.
Alan POSS.1SG=father be.PRS.3SG
'Alan is my father.'

(6) *madinæ axʷər-gæn-æg* ***u***.
Madina learning-do-PTCP.PRS be.PRS.3SG
'Madina is a teacher.'

(7) *žawər ræšuʁd* ***u***.
Zaur beautiful be.PRS.3SG
'Zaur is beautiful.'

The copula *iš*, on the other hand, is found in Existential (8), Possessive (9) and Locational (10) predication (confirming Gagkaev's insight above). It should also be noted that Ossetic is a language with an intransitive predicative possession construction, according to Stassen's [2013] typology (unlike, for example, English, which features a transitive verb (*have*) to convey Possession). In the Ossetic possession construction the Possessor is marked by the dative or the allative, the Possessed is Nominative, and the verb 'to be' usually agrees in person and number with the Possessed.

(8) *soslan xæzar-ə* ***iš*** / ****u***.
Soslan house-IN EXT be.PRS.3SG
'(Who is at home? / Where is Soslan?) Soslan is at home.'

(9) ⟨…⟩ *xʷəsaw* ***iš*** *ævi=næ?*
God EXT or=NEG
‘⟨“Tell me, wretched slave,” said he, “do you think⟩ there is a God, or not?”’ [Leo Tolstoy, *The Coffee-House of Surat*[8]]

(10) *vašo-mæ ručk’æ* ***iš***.
Vasya-ALL pen EXT
‘Vasya has a pen.’

In the past tense, no distinction between different types of predication is made with singular subjects, as only *wədiš* and its allomorphs *wədi* and *wəd* are available. The following examples highlight the absence of any morphological distinction between the predication types:

equation
(11) *alagirskiy rajon-ə xisaw* ***wəd-i***.
Alagir region-GEN head be-PST.3SG
‘He was head of the Alagir region.’ [OC: Zagnieva-Khabalova 2, 73]

proper inclusion
(12) *xorž læg* ***wəd-i***
good man be-PST.3SG
‘He was a good man ⟨…⟩’ [OC: Zagnieva-Khabalova 2, 72]

attribution
(13) *axæm fætæn* ***wəd-i***
so wide be-PST.3SG
‘⟨…⟩ it was so wide ⟨…⟩’ [OC: Zagnieva-Khabalova 2, 30.3]

location
(14) *kwazæn-ə bærægbon-ə ješo ierušalim-ə kʷə*
Easter-GEN celebration-IN Jesus Jerusalem-IN when

[8] Translated into Ossetic by Cocko Æmbalty, URL: https://ironau.ru/bilingva/PROSE/dunejan_iu_huycau_is.htm; English translation by Aylmer and Louise Maude.

wəd-i ⟨…⟩
be-PST.3SG
'Now when he was in Jerusalem at the passover, in the feast day, ⟨many believed in his name, when they saw the miracles which he did⟩.' [John 2:23[9]]

existence
(15) *æmæ iw adæjmag* ***wəd-i***
and one person be-PST.3SG
'There was one man ⟨…⟩' [OC: Alagir School, 11.8]

possession
(16) *sviter=dær=mən næ* ***wəd-i***.
sweater=ADD=1SG.DAT NEG be-PST.3SG
'⟨…⟩ I didn't even have a sweater.' [OC: Classmates (Gizel), 64.6]

In the present tense, if the subject is a plural-marked NP (a collective noun or some other type of nominal capable of inducing plural agreement[10]), the plural form *štə* 'be.PRS.PL' is used instead of *u* 'be.PRS.3SG'. Copular *iš*, when used with plural subjects, still performs the functions described above, except for Location, which I omit for now and describe later. Cf. the examples below, where *štə* 'be.PRS.3PL' is used with plural subjects in sentences conveying Identification (17), Proper Inclusion (18), and Attribution (19), while *iš* is the copula in existential (20) and possessive (21) sentences.

(17) *žalinæ æmæ alan mæ=nəjjardž-ətæ* ***štə***.
Zalina and Alan POSS.1SG=parent-PL be.PRS.3PL
'Zalina and Alan are my parents.'

(18) *me=mbæl-ttæ doxtər-tæ* ***štə***.
POSS.1SG=friend-PL doctor-PL be.PRS.3PL
'My friends are doctors.'

[9] English translation given according to the King James Bible; the Ossetic translation is cited from the Institute for Bible Translation version, URL: https://online-bibliya.ru/book/osetinskii-iron-vzag-32/, accessed June 15th, 2024.

[10] An overview of the inventory of such subjects can be found in [Alekseev 2023: 14–20].

(19) *gabo æmæ dzabo žond-džən* ***štə.***
Gabo and Dzabo clever-PROP be.PRS.3PL
'Gabo and Dzabo are clever.'

(20) *nar-ə kom-ə* ***iš*** *axæm soslovi-tæ.*
Nar-GEN gorge-IN EXT such class-PL
'The following classes exist in the Nar gorge ⟨…⟩'[11] [K'osta Xetægkatə, *Osoba*[12]]

(21) *batraz-mæ* ***iš*** *topp-ətæ.*
Batraz-ALL EXT gun-PL
'Batraz has weapons.'

Past tense non-verbal predications with plural subjects pattern with present tense ones: again excluding Location (note that a table summarizing the distribution of the copula and the verb 'to be' concludes Section 3.2), the plural form *wədəštə* (be.PST.3PL) can be found in place of *štə* (be.PRS.3PL) in Equation (22), Proper Inclusion (23) and Attribution (24) clauses, while the single form *wədi* (be.PST.3SG) is used in existential (25) and possessive (26) predications (the plural form *wədəštə* is less acceptable).

(22) *batraz æmæ timur*
Batraz and Timur
wəd-əštə *mæ=wæržond æmbæl-ttæ.*
be-PST.3PL POSS.1SG=favorite friend-PL
'Batraz and Timur were my favorite friends.'

(23) *me='fšəmær-ttæ* ***wəd-əštə*** *amaj-dž-ətæ.*
POSS.1SG=brother-PL be-PST.3PL build-PTCP.PRS-PL
'My brothers were builders.'

[11] The Nar gorge is located to the west of Vladikavkaz, the capital of North Ossetia–Alania. It also houses the eponymous village which is the birthplace of K'osta Xetægkatə, the national poet of Ossetia.

[12] URL: https://ironau.ru/bilingva/PROSE/osoba.htm, accessed June 15th, 2024; the English translation is mine — *DA*.

(24) *mæ=fədæl-tæ* ***wəd-əštə*** *bæržond.*
POSS.1SG=ancestor-PL be-PST.3PL tall
'My ancestors were tall.'

(25) *wæræše-jə biræ ræšuɪd xæzær-ttæ* ***wəd-i****.*
Russia-IN many beautiful house-PL be-PST.3SG
'In Russia, there were many beautiful houses.'

(26) *axmat-mæ* ***wəd-i*** / *ʔwəd-əštə čingʷə-tæ.*
Ahmat-ALL be-PST.3SG be-PST.3PL book-PL
'Ahmat had books.'

3.2. The case of Location

In locational clauses, however, both the copula *iš* (which is mainly used with singular subjects) and the plural form of the verb 'to be' *štə* can be found:

(27) *fatimæ æmæ ežeta šk'ola-jə* ***iš*** / ***štə****.*
Fatima and Ezeta school-IN EXT be.PRS.3PL
'Fatima and Ezeta are at school.'

This difference in verbal agreement can be analysed in terms of an extension of Payne's predicate typology, specifically Koch's [2012] differentiation of Thematic and Rhematic Location.

The argument structure of locative predications in general consists of a Located participant and a Locus. Thematic and Rhematic Location are delineated through the information-structural status of the Located. For example, in Brazilian Portuguese the verb *estar* 'to be' is used for Thematic Location (28a), while Rhematic Location features the verb *ter* 'to have' (28b).

Brazilian Portuguese

(28) a. *O livro est-á sobre a mesa.*
DEF book be-PRS.3SG on INDEF table
'The book is on the table.' [Koch 2012: 536]

b. *Tem um livro sobre a mesa.*
have.PRS.3SG INDEF book on INDEF table
'There is a book on the table.' [Koch 2012: 542]

This information-structural status can be probed using different kinds of questions. For example, (28a) can be used to answer the question ‘Where is the book?’, while (28b) answers ‘What was on the table?’, cf. [Koch 2012: 538].

A similar distinction can be argued to be present in Ossetic, although it only seems to surface exclusively with plural subjects through (non-)agreement. That is, with singular objects the copula *iš* is used for both types of Location (29)–(30), and with plural objects the verbal forms *štə* and *wədəštə* are employed for Thematic Location in the present (31) and past (32) tenses respectively. Rhematic Location in the present and past is conveyed by *iš* (33) and *wədi* (34) respectively. Notice, however, that the latter two examples feature a certain amount of interspeaker variation and the plural forms can be used as well.

(29) *šošlan xæzar-ə* ***iš*** / ***u**.*
Soslan house-IN EXT be.PRS.3SG
(Where is Soslan?) ‘Soslan is at home.’

(30) *xæzar-ə* ***iš*** / ***u*** *šošlan.*
house-IN EXT be.PRS.3SG Soslan
(Who is at home?) ‘Soslan is at home. (~ At home [there] is Soslan.)’

(31) *fatimæ æmæ ežeta šk’ola-jə* ***iš*** / ***štə**.*
Fatima and Ezeta school-IN EXT be.PRS.3PL
(Where are Fatima and Ezeta?) ‘Fatima and Ezeta are at school.’

(32) *dərʁ-tæ* ***wəd-i*** / ***wəd-əštə*** *ašəkk-ə.*
fruit-PL be-PST.3SG be-PST.3PL box-IN
(Where were the fruits?) ‘The fruits were in the box.’

(33) *šk’ola-jə* ***iš*** / ***štə*** *fatimæ æmæ ežeta.*
school-IN EXT be.PRS.3PL Fatima and Ezeta
(Who is at school?) ‘Fatima and Ezeta are at school.’ (Lit. ‘At school [there] are Fatima and Ezeta.’)

(34) *ašəkk-ə dərʁ-tæ* ***wəd-i*** / ***wəd-əštə**.*
box-IN fruit-PL be-PST.3SG be-PST.3PL
(What was in the box?) ‘There were fruits in the box.’

The reader might notice, going back to Brazilian Portuguese, that examples (28a) and (28b) are not minimal pairs *sensu stricto*, as the copulas *está* and *tem* are not the only thing that is different about them. The referential status of the Located also differs, as indicated by the use of articles *o* and *um* respectively.

Ossetic is not indifferent to definiteness contrasts either, as is quite evident from the behavior of past tense Location clauses. For example, in (35) the subject *Soslan æmæ Zawər* is a coordinated noun phrase consisting of proper nouns. Non-agreement, i.e. using the predicate is in its 3SG form (*wədi*), was judged as significantly less acceptable by my consultants than the 3PL form of the predicate (*wədəštə*). Generic nouns[13] in the case of Locative sentences usually do not agree with the predicate in number, cf. (34) with the generic NP *dərɣtæ* 'fruits'.

(35) *soslan æmæ žawər bədər-ə* ??***wəd-i*** / ***wəd-əštə***.
Soslan and Zaur field-IN be-PST.3SG be-PST.3PL
(Who was in the field?) 'Soslan and Zaur were in the field.'

Notice that animacy does not affect predicate agreement in number, as indicated by the following example with an animate generic subject *čəžžətæ* 'girls' from the Iron Corpus of Oral Texts:

(36) ⟨…⟩ *čəžž-ətæ=zə* ***wəd-i*** *mænæ k'æbær či*
girl-PL=3SG.IN be-PST.3SG INTJ food who
kæn-ə ⟨…⟩
do-PRS.3SG
'⟨And we knew that the concert will take place on Sunday, and the last act is ours. There were elderly people, like Zina, God rest her soul, poor thing! Zina,⟩ there were girls who could cook, ⟨make pies, pickles⟩.' [OC: Kazbek (Gizel), 24]

Another point worth mentioning is that the usage of the copula *iš* in example (33) above, which featured a definite NP, was rated just as acceptable as the plural form of the verb 'to be' (*štə*). Thus, there is no definiteness contrast, unlike in example (35). It is yet not clear why

[13] I have not tested indefinite noun phrases, but I expect them to exhibit identical behavior.

definiteness should play a role in the past tense but not in the present. This question merits further investigation.

In conclusion, the following distribution of third person forms of *wævən* 'to be' with regards to verb tense and predication type emerges, as depicted in Table 4. Overall, this makes Ossetic a split-language in Stassen's [1997, 2013] terms, i.e. a language in which the encoding of "nominal" and "locational" predications is different. Split-languages (which are more common typologically, according to Stassen's [2013] data) are opposed to share-languages, such as English (37)–(38), which do not make such a distinction.

(37) *Julia* ***is*** *a nurse.*

(38) *Julia* ***is*** *in Barcelona.*

However, certain other split-languages might have a more pervasive morphological difference between verbal forms used in "nominal" and "locational" predications. For example, in Spanish the verbs *ser*, used for "nominal" predications (39), and *estar*, a "locational" copula (40), remain distinct across the TAM paradigm.

(39) *Julia* ***es*** *enfermera.*
Julia SER.PRS.3SG nurse
'Julia is a nurse.' [Stassen 2013]

(40) *Julia* ***está*** *en Barcelona.*
Julia ESTAR.PRS.3SG in Barcelona
'Julia is in Barcelona.' [Stassen 2013]

As was shown above, in Ossetic a separate locational copula only surfaces for the third person singular present, but the overall distinction between "nominal" and "locational" predications is nonetheless a significant one. With this in mind, I would suggest using the term "partial split-language" in order to characterize the situation found in Ossetic and described in this paper.

Table 4. Distribution of third-person copula forms

Tense	Subject Number	Predicate Nominals	Thematic Location	Rhematic Location	Existence and Possession
PRS	SG	*u*	*iš*		
	PL	*štə*		*iš*	
PST	SG	*wədiš*			
	PL	*wədəštə*		*wədiš*	

4. Negation

As mentioned in Section 2, the copula *iš* and the verbal form u have negative forms *næj* and *næw* that arise via conflation with the negative particle *næ*. These negative forms are not only written as single words, but are also pronounced monosyllabically with a final glide, indicating a high degree of morphological integration.

The negated forms generally perform the same functions as the corresponding non-negative copula or the verb 'to be'. In the negated versions of Equation (41), Proper Inclusion (42), and Attribution (43) *næw* is used, while negative Location (44), Existence (45), and Possession (46) feature *næj*, the negative copula.

(41) *waw, wəj* ***næw!***
INTJ it be.3SG.NEG
'Oh! It is not he!' [Alexander Pushkin, *The Snowstorm*[14]]

(42) *xur-ə ruxš don* ***næw*** ⟨...⟩
sun-GEN light liquid be.3SG.NEG
'The light of the sun is not a liquid; ⟨for if it were a liquid it would be possible to pour it from one vessel into another, and it would be moved, like water, by the wind⟩.' [Leo Tolstoy, *The Coffee-House of Surat*]

[14] Translated into Ossetic by Sosko Æmbaltə, URL: https://ironau.ru/bilingva/PROSE/tymygh.htm; English translation by T. Keane.

(43) *wəj rašt* ***næw***.
it right be.3SG.NEG
'It is not right.' [OC: Kochieva-Karaeva, 43.3]

(44) ⟨…⟩ *špalʲni-t-ə* ***næj***.
bedroom-PL-IN EXT.NEG
'⟨I searched in every corner, I looked in the loggia and⟩ in the bedroom — she wasn't there.' [OC: Zarema Aldatova, 14.6]

(45) *wəmæj=zə* *xwəždær nəxaš* ***næj***!
that.ABL=3SG.IN better word EXT.NEG
'There is no better word than this!' [OC: Kazbek (Gizel), 5.2]

(46) *æmæ=mæm nərtækkæ gitaræ* ***næj*** *mæn-mæ…*
and=1SG.ALL now guitar EXT.NEG 1SG-ALL
'And now I don't have a guitar[, no more.]' [OC: Kazbek (Gizel), 183.6]

However, one can also find examples that might appear to suggest that *næw* can be used in negative existential sentences, particularly in the *X*-GEN *bon* 'can' construction (lit. 'X's ability'), see [Vydrin 2011: 290]. Consider the following corpus example:

(47) *mæn-æn ænæ* *me=fšəmær-ttæ*
1SG-DAT without POSS.1SG=brother-PL
mæ=bon ***næw***.
POSS.1SG=ability be.3SG.NEG
'I can't do without my brothers.' [OC: Houses and Children 2, 81.8]

However, this is a misleading impression. First, *næw* is also used in bi-argument scenarios. For example, (48) features *zæbæx kæšən* 'to read properly', an infinitive nominalization.

(48) ⟨…⟩ *zæbæx kæš-ən=dær=šæ* *mæ=bon* ***næw***.
well read-INF=ADD=3SG.GEN POSS.1SG=ability be.3SG.NEG
'⟨And I start, but⟩ I don't know how to read it properly.' [OC: Alagir School, 59.1]

Second, *mæ bon* 'my ability' can be shown to be the agreement controller. If a conjoined noun phrase as in (49) is used instead of a single nominalization, the plural form, e.g. *štə* (be.PRS.3PL), does not become acceptable, which means that *mæ bon* does indeed control the agreement.

(49) *ziza-jæ fižonæg kæn-ən æmæ=jæ fəs-ən*
meat-ABL shashlik[15] do-INF and=3SG.GEN boil-INF
mæ=bon ***u*** / ***štə**.
POSS.1SG=ability be.PRS.3SG be.PRS.3PL
'I can cook meat by both frying it and boiling it.' (Lit. 'My ability is to make shashlik from meat and boil it.')

Thus, examples of the type (47) can be explained through implicit object omission: 'My ability is not (to do something) without my brothers'.

5. Differentiating the types

Interestingly enough, a further distinction can be made between the three "identificational" predication types, namely Equation, Proper Inclusion, and Attribution. For instance, in sentences with plural subjects featuring Equation (50) and Proper Inclusion (51) the predicate nominal is necessarily in the plural.

(50) *alan æmæ Fatimæ *mæ=nəjjaræg / mæ=nəjjardž-ətæ*
Alan and Fatima POSS.1SG=parent POSS.1SG=parent-PL
***štə**.
be.PRS.3PL
'Alan and Fatima are my parents.'

(51) *me=mbæl-ttæ *doxtər / doxtər-tæ* ***štə**.
POSS.1SG=friend-PL doctor doctor-PL be.PRS.3PL
'My friends are doctors.'

[15] Barbecue, kebab, grilled meat.

But using the plural marker on the predicate nominal with Attribution-type clauses, where the nominal in question is an adjective, leads to lexicalization. For example, *žondžəntæ* in (52b) is understood as 'know-it-alls', which is more idiomatic compared to simply 'clever' in (52a). A similar contrast is found between examples (53a) and (53b). Overall this pattern of lexicalization is systematic in Ossetic, cf. [Bagaev 1965: 178–179].

(52) a. *gabo æmæ dzabo žond-džən* ***štə***.
Gabo and Dzabo clever-PROP be.PRS.3PL
'Gabo and Dzabo are clever.'
b. *gabo æmæ dzabo žond-džən-tæ* ***štə***.
Gabo and Dzabo clever-PROP-PL be.PRS.3PL
'Gabo and Dzabo are know-it-alls.'

(53) a. *me=fšəmær-ttæ* ***wəd-əštə*** *amaj-æg.*
POSS.1SG=brother-PL be-PST.3PL build-PTCP.PRS
'My brothers were skillful.'
b. *me=fšəmær-ttæ* ***wəd-əštə*** *amaj-dž-ətæ.*
POSS.1SG=brother-PL be-PST.3PL build-PTCP.PRS-PL
'My brothers were builders.'

This opposition clearly stems from the fact that in Equation and Proper Inclusion sentences the predicate nominals are nouns, while in Attribution sentences adjectives are used in this function. Since adjectives in Ossetic lack number and case morphology (thus, there is also no agreement within the NP), the use of the plural marker with an adjective leads to its re-interpretation and lexicalization.

6. Conclusions

This paper has aimed to describe the structure and function of non-verbal predication in Ossetic. The picture observed is reminiscent of that seen in other split-languages, i.e. languages that differentiate several copulas based on their functional (i.e. locational vs nominal) domain. However, the pattern found in Ossetic features a morphologically distinct copula, as opposed to the verb 'to be', only in the third

person singular. With plural subjects this lack of a separate copula is compensated by non-agreement and the usage of the third person singular copula. At the same time, it can be seen that locative predications are distinct in Ossetic as they feature an intimate interplay of definiteness, as a general factor triggering (non-)agreement, and information structure, thus splitting this type of predication into Thematic and Rhematic Location. Nominal predications in Ossetic, on the other hand, exhibit sensitivity to the syntactic category of the predicate nominal (nouns vs adjectives) which can be demonstrated with plural marking on the nominal.

The facts described in this paper are potentially significant both in the description of Ossetic and in the typologically oriented study of copularization and agreement.

Abbreviations

1, 3 — 1st, 3rd person; ABL — ablative; ADD — additive; ALL — allative; DAT — dative; DEF — definite; ESTAR — the Spanish verb *estar* 'to be'; EXT — existential copula; GEN — genitive; IN — inessive; INDEF — indefinite; INF — infinitive; INTJ — interjection; NEG — negation; PCVB — participle-converb; PL — plural; POSS — possessive; PROP — proprietive; PRS — present tense; PST — past tense; PTCP — participle; SER — the Spanish verb *ser* 'to be'; SG — singular.

References

Abaev 1964 — V. I. Abaev. *A Grammatical Sketch of Ossetic*. Bloomington: Indiana University, 1964.

Akhvlediani 1963 — G. S. Akhvlediani (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka. T. I. Fonetika i morfologiya* [A Grammar of Ossetic. Vol. I. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: Research Institute under the Council of Ministers of the North Ossetian ASSR, 1963.

Alekseev 2023 — D. A. Alekseev. Soglasovanie v osetinskov yazyke [Verbal agreement in number in Iron Ossetic]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2023. No. 6. P. 11–30. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.11-30.

Bagaev 1965 — N. K. Bagaev. *Sovremennyi osetinskiy yazyk. Ch. I. Fonetika i morfologiya* [Modern Ossetic Language. Pt. I. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1965.

Gagkaev 1956 — K. E. Gagkaev. *Ocherk grammatiki osetinskogo yazyka* [Sketch of Ossetian grammar]. Dzaudzhikau: Sevosgiz, 1956.

Kim 2023 — R. I. Kim. The prehistory of Ossetic verbal inflection (II): The copula. *Chatreššar*. 2023. Vol. 4. No. 2. P. 19–28.

Koch 2012 — P. Koch. Location, existence, and possession: A constructional-typological exploration. *Linguistics*. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 533–603. DOI: 10.1515/ling-2012-0018.

Payne 1997 — T. E. Payne. *Describing morphosyntax*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Stassen 1997 — L. Stassen. *Intransitive Predication*. Oxford: Clarendon Press, 1997. DOI: 10.1093/oso/9780198236931.001.0001.

Stassen 2013 — L. Stassen. Nominal and Locational Predication. M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 (online). URL: http://wals.info/chapter/121 (accessed 15.06.2024). DOI: 10.5281/zenodo.7385533.

Testen 1997 — D. Testen. Ossetic phonology. A. S. Kaye (ed.). *Phonologies of Asia and Africa (including the Caucasus). Vol. 1*. Winona Lake: Eisenbrauns, 1997. P. 707–731.

Vydrin 2011 — A. P. Vydrin. *Sistema modalnosti osetinskogo yazyka v tipologicheskom osveschenii* [Ossetic modality in a cross-linguistic perspective]. PhD thesis. St. Petersburg: ILS RAS, 2011.

Vydrin 2023 — A. P. Vydrin. Tipologia osetinskikh glagolnykh paradigm [Ossetic verbal paradigms in a cross-linguistic perspective]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2023. No. 2. P. 89–113. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.2.89-113.

Получено / received 17.06.2024 *Принято / accepted 09.09.2024*

Copulas in Yaghnobi

Arseniy P. Vydrin
Institute for Linguistic studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia); senjacom@gmail.com;
ORCID: 0009-0009-9316-3450

Abstract. The paper is devoted to present tense copulas in the Yaghnobi language (Eastern Iranian) of the 1920s–1960s. The study is based on a corpus of oral texts with a total volume of 47000 words. Yaghnobi has three different forms of the copula in the third person singular of the Present: the full forms *xast*, *ast* and the suffix *-x*. I show that they all have distinct grammatical and semantic uses and should be considered different copulas. The main meanings of the copula *-x* are associated with identification and attribution, while the copula *ast* is most frequently used in existential sentences and the possessive construction. The latter also has an unusual temporal function. Unlike *-x* and *ast*, the copula *xast* has no central meaning, commonly conveying identificational, equational, existential and locative meanings. I further argue that all copulas can be omitted in most of their semantic functions (identification, attributive, possessive, locative, existential, equational, temporal).

An interesting finding of this study is the existence of double copula sentences: sentences with a single subject where two copulas are used simultaneously. The analysis of such sentences shows that each copula conveys its own meaning (e.g. the first copula is identificational and the second existential). According to the available literature such constructions have not previously been described for Yaghnobi or other modern Iranian languages.

Key words: copula, semantics, Yaghnobi

Acknowledgements: I thank Vladimir Plungian, Julia Mazurova, Oleg Belyaev and Adam Benkato for reading and discussing my paper.

For citation: Vydrin A. P. Copulas in Yaghnobi. *Indo-Iranian languages.* 2025. 1(1). P. 193–227.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.9

© Arseniy P. Vydrin, 2025

Глагольные связки ягнобского языка

Арсений Павлович Выдрин
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); senjacom@gmail.com; ORCID: 0009-0009-9316-3450

Аннотация. В статье рассматриваются глагольные связки третьего лица единственного числа настоящего времени в ягнобском языке 20-х — 60-х гг. XX века. Исследование основано на корпусе устных текстов объемом 47000 слов. Обосновывается выделение трех связок, две из которых являются полными формами (*ast* и *xast*), а одна — суффиксом (*-x*). В статье подробно рассматриваются особенности их грамматических и семантических употреблений. Показывается, что употребление глагольных связок в ягнобском языке в большинстве случаев не является обязательным. В статье также освещаются обнаруженные в ягнобском уникальные для иранских языков случаи контактного употребления двух разных связок в одном предложении при одном и том же субъекте.

Ключевые слова: глагол-связка, грамматическая семантика, ягнобский язык

Благодарности: Я признателен В. А. Плунгяну, Ю. В. Мазуровой, О. И. Беляеву и А. Бенкато за внимательное прочтение и плодотворное обсуждение моей статьи.

Для цитирования: Vydrin A. P. Copulas in Yaghnobi. *Indo-Iranian languages*. 2025. 1(1). P. 193–227.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.9

1. Introduction

Yaghnobi is an Eastern Iranian language spoken in Tajikistan, in the upper valley of the Yaghnob river, Zarafshan area. The exact current number of ethnic Yaghnobi, and the number of those who are still native speakers, are unknown. According to SIL data[1], in 2003–2005

[1] URL: https://yaghnobi.wordpress.com/2007/04/23/is-yagnobi-an-endangered-language/ (accessed on 05.11.2024).

there were about 13500 mother-tongue Yaghnobi speakers. However, Khromov [1972: 6] estimates the number of Yaghnobi speakers at approximately 1500 people in the valley of the Yaghnob river and 900 people outside it. In Ethnologue, Yaghnobi is considered an endangered language [Ethnologue 2024].

In this paper, I will study copulas in the Yaghnobi language of the 1920s–1960s. My study is based on a linguistic corpus of oral Yaghnobi texts collected in the first half of the 20th century. The major part of this corpus consists of texts collected by Andreyev and Peshchereva [1957] in the 1920s (35800 words). It also includes "A Yaghnobi tale" recorded by Klimchitskiy in 1932 [1940] (707 words), four short texts recorded by Sokolova [1953: 72–75] (282 words), texts collected by Khromov in the 1960s and published in his Yaghnobi grammar [1972] (3500 words) and texts from Bogolyubov's doctoral dissertation [Bogolyubov 1956] (6418 words). The total volume of the Yaghnobi corpus is about 47000 words. The corpus was developed in FieldWorks Language Explorer software[2] and contains a word-by-word morphosyntactic analysis and translation into Russian and English. The corpus allows for a convenient search facility and the collection of statistical data.

Examples from the texts of [Andreyev, Peshchereva 1957] are marked by Arabic numerals. To mark examples from Khromov's texts [1972] I use Roman numerals. The oral texts of Klimchitskiy [1940], Sokolova [1953] and Bogolyubov [1956] are marked by the author's surname and the number of the text. The numbers assigned to the sentences in the cited examples correspond to their numbering in the initial source, the punctuation as in the original. In the following section, I give general information on copulas in Yaghnobi. I consider the Present and Past paradigms and show that in the third person singular Present, Yaghnobi has three copulas, namely *xast*, *ast* and *-x*. In the rest of the paper, I will examine the features of these three copulas. Section 2 gives frequency statistics for the copulas *xast*, *ast* and *-x* and also presents their negative forms. Section 3 mentions previous studies of the copulas in Yaghnobi. The grammatical functions of the present copulas *xast*, *ast* and *-x* are described in section 4. The present copulas are used in the following periphrastic verbal forms: Present Progressive,

[2] URL: https://software.sil.org/fieldworks/ (accessed on 05.11.2024).

Perfect, Past Perfect, Inchoative, Inchoative 2, Reportative and the potential construction. The three copulas are distributed differently over these periphrastic forms. Section 5 is devoted to the semantics of the copula *xast*. Sections 6 and 7 consider the semantics of the copulas *ast* and *-x* respectively. Section 8 summarizes the semantic functions of the copulas *xast*, *ast* and *-x*. I determine the main functions of each copula and compare their semantic features. I show that *xast*, *ast* and *-x* all function differently in Yaghnobi and should be considered separate copulas, contrary to Benkato [2020], who takes *-x* to be simply a variant of *xast*. In section 9, I argue that the present copulas can be omitted in Yaghnobi in most of their semantic functions and even in some grammatical functions. Both affirmative (subsection 9.1) and negative (subsection 9.2) contexts are considered. Explicit use of the present copula is 4 times as frequent as its omission. However, the difference between sentences with an explicit and an omitted present copula is not clear. Section 10 examines sentences showing the simultaneous use of two copulas with a single subject. Each copula in such "double copula sentences" conveys its own semantic or grammatical meaning. In most double copula sentences the first copula is used in identificational or attributive function while the second expresses existential meaning. According to the available literature there has been no special study of double copula sentences in Iranian languages. The discovery of the Yaghnobi data thus represents a valuable contribution to the typology of Iranian languages. Section 11 focuses on the conclusions.

2. General information

Like the majority of (if not all) other modern Iranian languages, Yaghnobi has a copula. Generally speaking, it is used to predicate a noun or an adjective. See the examples below: in (1) the copula is used with a noun while in (2) it is employed with an adjective.

(1) *Alī* ***im***.
Ali COP.PRS.1SG
[He said:] 'I am Ali.' (Bogolyubov 14.IV, 6.4)

(2) *tu pir* ***išt***, *man yōš* ***im***.
you old COP.PRS.2SG I young COP.PRS.1SG
[Isuf said:] 'you are old, I am young.' (Bogolyubov 14.I, 76)

The Yaghnobi copula has a full person-number paradigm in the Present and Past tenses, see Table 1 and Table 2 below from [Khromov 1972: 33–34].

Table 1. Present tense of the copula

	SG	PL
1	*īm*	*om*
2	*išt*	*ot, os*[3]
3	*-x, ast, xast*[4]	*or*

Table 2. Past tense of the copula

	SG	PL
1	*oyim*	*iyom*
2	*oy, oyi*[5]	*iyot*
3	*oy, xoy*	*iyor*

In the third person singular there are three different forms in the Present (*-x*, *ast*, *xast*) and two in the Past (*oy*, *xoy*). In the Present, the third person singular copulas also differ morphologically: *ast* and *xast* are separate words, while *-x* cannot be used independently and always attaches to the end of another word. Therefore *-x* functions as a suffix or an enclitic. Benkato [2020] calls it an enclitic. The preliminary study of the morphological features of *-x* shows that it is closer to a suffix than to an enclitic: it functions as a predicative marker and attaches to a constituent which is predicated (compare it to person enclitics in Pamir languages which can be separated from the verb). In this paper *-x* will be treated as a suffix. However, a more detailed investigation of

[3] The forms *ot* and *os* are dialectal variants.

[4] Khromov also includes the forms *asti* and *xasti* [1972: 33]; however, these are simply variants of *ast* and *xast* respectively. All the variants attested in the texts will be mentioned later in the relevant sections.

[5] The forms *oy* and *oyi* are variants of the second singular past copula.

its morphological status is required. In what follows I will refer to the forms *-x*, *ast*, *xast* as (different) present copulas.

The negative forms of the copula are formed by the particle *na*. However, irregularities can be found in the third person singular. The present copula *ast* has a regular negative form *naast*, but the forms *nest* or *nist* are more common. The full list of negative forms of the third person singular present copulas is the following: *nax*, *nest*/*nist*, *naast*, *naastĕ*, *naxasti*. In the third person singular Past, only the negative form *naoy* is possible (**naxoy*, **na xoy*).

In the corpus, taking into account both affirmative and negative contexts, the most common third person singular present copula is *-x*, with 503 occurrences. The copula *ast* appears in the corpus 395 times while *xast* is used only 64 times.

In this paper, I will describe the use of the present copulas *xast*, *ast* and *-x* only. The past copulas are not the subject of this paper and merit a separate discussion. The only section where the past copulas are (partly) considered is section 10.

3. Previous studies

The only existing published grammar of Yaghnobi [Khromov 1972] treats all three third person singular forms as variants of the same copula. It does not discuss the possibility of semantic differences either between the present copulas *-x*, *ast*, *xast* or between the past copulas *oy* and *xoy*. The Yaghnobi copulas are mentioned by Agnes Korn [2011]; however, she concentrates mainly on their origin and does not describe their functions.

The only study dedicated to the Yaghnobi copulas is an article by Adam Benkato [2020]. Benkato argues that Yaghnobi has an existential verb *ast* and a copula *xast*, and briefly describes their functions [Benkato 2020: 180–181]. He considers the form *-x* to be enclitic, and notes that it functions in the same way as the copula *xast*: "As far as I can tell from my limited fieldwork, *xast* and *=x* may be exchanged without affecting the grammaticality of the sentence" [Benkato 2020: 182]. I will discuss this assumption in section 8 after I consider the grammatical (section 4) and semantic (sections 5–7) functions of

xast, *ast* and *-x*. Benkato's study is mainly based on Khromov's grammar [1972], an unpublished MA thesis by Brian Bird [Bird 2007], and his own notes and recordings made during a fieldwork trip to Tajikistan in 2016. In his references he does not mention any of the materials which are included in my Yaghnobi oral corpus of the 1920s–1960s, with the exception of Khromov's grammar [1972].

In general, therefore, the third person singular copulas of Yaghnobi of the 1920s–1960s remain largely understudied.

4. Grammatical functions of the copulas

The Yaghnobi present copulas are used in some periphrastic verbal forms, namely the Present Progressive, Perfect, Past Perfect, Inchoative, Inchoative 2, Reportative and the potential construction.

Since this paper is not concerned with the TAM system of Yaghnobi, I will only briefly describe the structure of these forms and give one example for each of them. The semantics and functions of the periphrastic forms require a separate study.

The Present Progressive consists of an infinitive (either the full infinitive, i.e. the verbal stem marked by the suffix *-ak*, or the short infinitive, i.e. the bare verbal stem) and the present copula in the third person singular, while the agent (or the sole participant) appears in Oblique case, for example:

(3) *A-wen — i* odam-***ĕ*** ***rup-ak ast***.
PST-see.3SG INDEF man-OBL reap-INF COP.PRS.3SG
'He saw: one man is reaping.' (16, 5.3)

The Perfect is formed by the past participle and the present copula (4).

(4) *Zivanto-t tann* ***vu-t*** ***or***.
sheaf-PL wet be-PART.PST COP.PRS.3PL
'The leaves have gotten wet.' (V, 2.2)

The Past Perfect consists of the past participle of the main verb and the perfect form of the verb *vu* 'to be' (5). The semantics of the Perfect and Past Perfect is described in detail in [Vydrin, Mazurova 2023].

(5) *Dŭ čuja=š* ***nĭpis-ta*** ***vŭ-t*** ***or***.
two baby=ENCL.3SG sleep-PART.PST be-PART.PST COP.PRS.3PL
'Her two babies had been sleeping.' (18, 2.3)

The Inchoative is formed from the short infinitive of the main verb (the bare stem of the verb) marked by the Oblique case and the person-number form of the verb *vu* 'to be' in any tense or mood. Rarely, the copula can be used instead of the verb *vu*: the corpus has 105 examples of the Inchoative, but the copula is used only in the single example given below (6). There are no examples of the Inchoative with the third person singular present copula.

(6) *sirvi* ***čin-i*** *=k* ***oyim***
herb collect.INF2-OBL =when COP.PST.1SG
[I didn't find the mountain goat but] 'when I was collecting the herb sirvich' [I saw that the goat had come…] (XVI, 1.2)

The Inchoative 2 is formed from the full infinitive of the main verb marked by the Oblique case and the person-number form of the verb *vu* 'to be' in any tense or mood. The corpus provides one example where the copula is used instead of the verb *vu* 'to be':

(7) *Dodo=m* ***tir-ak-ĕ*** ***ast***, *čo=š*
dad=ENCL.1SG leave-INF-OBL COP.PRS.3SG what=ENCL.3SG
tĭfar-ĭšt?
give-PRS.2SG
[The girl said to her husband:] 'My dad is leaving, what will you give to him?' (21, 28.2)

The Reportative consists of the future participle (the verbal stem marked by the suffix *-na*) of the main verb and the verb *vu* 'to be' in the Perfect. As mentioned above, the Perfect itself uses the present copula. For example:

(8) *neki či olow-i urk* ***čukayr-na*** ***vu-ta*** ***x***.
but from fire-OBL wolf afraid-PART.FUT be-PART.PST COP.PRS.3SG
[The wolves went down to the edge of the threshing floor but] 'it turns out the wolf was afraid of fire.' (V, 7.1)

The potential construction (POT) consists of the particle *udda*, the copula and the full infinitive of the main verb. In this construction the copula is usually used with negation (cf. [Khromov 1972: 49–50]); however, the corpus contains two examples without negation. One of these is given below:

(9) *ax yak man vōr-i* ***var-ak udda xast***
that one man load-OBL carry-INF POT COP.PRS.3SG
'he can carry a load of one *man*[6]' [but none of you can lift this load.]
(Bogolyubov 22, 2.2)

Detailed study of the corpus data shows that the present third person singular copulas all function differently in periphrastic verbal forms. See Table 3.

Table 3. Grammatical functions of the present third person singular copulas

Periphrastic form	***xast***	***ast***	***-x***
Perfect	+	+	+
Past Perfect	–	+	+
Present Progressive	rare	+	rare
Inchoative 2	–	+	–
Reportative	–	–	+
Potential construction	+	–	+

All three copulas are used only in the Perfect. Here the corpus shows no difference between *xast*, *ast* and *-x*. In the Present Progressive, the common variant is the copula *ast*, and the copulas *xast* and *-x* are represented by only one example each in the corpus. The copula *xast* has the fewest grammatical uses (only the Perfect and the potential construction, and very rarely the Present Progressive). The copulas *ast* and *-x* can be used in the Past Perfect: the corpus data indicate no differences between them in this case.

[6] The *man* is a measure of weight equivalent to about 147 kg.

Only *ast* can be used in the Inchoative 2. However, the corpus includes only one example of the Inchoative 2 with the copula. Only *-x* can be used in the Reportative. The potential construction uses only *xast* and *-x*.

In the next three sections I will discuss the semantics of the copulas *xast*, *ast* and *-x*.

5. The copula *xast*

The oral texts contain the following additional variants of the copula *xast*: *xastĕ*, *xaste* and *xasti*. The corpus data do not show any semantic/grammatical or any other differences between the variants. The copula *xast* can be used to indicate relations of identity (10) and attribution (11) in the third person singular Present.

(10) *ɣor-tiš iš maxša* ***xast***.
see-PRS.3SG this calf COP.PRS.3SG
'He looks (at it), this is a calf.' (IV, 3.3)

(11) *jōgah=imōx saxt* ***xast***.
place=ENCL.1PL hard COP.PRS.3SG
'Our place is hard (for living in).' (Bogolyubov 8.II, 13.1)

While examples with *xast* conveying the identity meaning are numerous in the corpus, examples involving attribution are missing from most of the texts of the corpus. Only the texts collected by Bogolyubov [1956] contain examples with *xast* expressing attribution.

Xast can express the semantic relation of existence (12).

(12) *I yoč* ***xast***
one thing COP.PRS.3SG
[A Yaghnobi riddle:] 'There is one thing': [it is neither on the ground nor in the sky, it stays in the middle. (cow's udder)] (46, 11.)

It can also be used to express existence in a metaphysical sense (e.g. *God exists*), for example:

(13) *čof=ĭk dŭnĭyo* ***xast***
several=when world COP.PRS.3SG
[The young man said: Oh, grandpa, I tied the bears up and told them:] 'For as long as this world exists' [don't do any harm to this old man]. (42, 49.4)

The copula *xast* can be used in equational[7] sentences (14) and convey locative meaning ('existence of something somewhere'), see (15).

(14) *sol-i tavallud=im hazor=u nuh-sad=u*
year-EZF birth=ENCL.1SG thousand=and nine-hundred=and
bist=u du ***xasti***.
twenty=and two COP.PRS.3SG
'The year of my birth is 1922.' (XIV, 2.1)

(15) *pōščō dōr-e* ***xast***.
Padishah gallows-OBL COP.PRS.3SG
[In the morning the sun is rising, and people come and see that] 'the Padishah is (hanging) on the gallows.' (Klimchitskiy 2.39)

Benkato [2020: 181] comments that in modern Yaghnobi *xast* is used in the locative meaning when the subject is definite (as in the example (15) above, where *pōščō* 'Padishah' is a definite noun).

[7] In equational sentences "the predicate ⟨…⟩ is referential and identifies the individual denoted by the predicate with the individual denoted by the subject. ⟨…⟩ In true equational clauses, the subject and predicate can be reversed" [Dryer 2007: 233]. For example, *Pavel is my father = My father is Pavel.* A closely related but distinct type of sentence is constituted by clauses with true nominal predicates [Dryer 2007: 233]. These are clauses with nonreferential nominal predicates which cannot easily be reversed. For example, *Julia is a linguist — ??A linguist is Julia.* Following the terminology used in another paper in this issue of the journal [Alekseev 2025], I will call clauses with true nominal predicates "proper inclusion sentences" (the subject is included in a class of entities, cf. the example above, which denotes that Julia belongs to the class of linguists). The Yaghnobi corpus does not provide any examples of the copula *xast* functioning in proper inclusion sentences. However, it is quite likely that it could be used in such sentences; the absence of such examples in the corpus is explained by the low overall frequency of *xast* in the corpus.

In the corpus, most of the examples with *xast* conveying locative relations do indeed have definite subjects. However, there are some exceptions, for example:

(16) *bōzōr-i nahaw ranka čīz-i xup* ***xasti****…*
market-OBL that.OBL manner thing-EZF good COP.PRS.3SG
'There are such good things in the market…' (Bogolyubov 11, 18.1)

(17) *i yoka-y a-šau, a-ɣor —*
INDEF place-OBL PST-go.3SG/SER PST-look.3SG/SER
i kall-ak čŭpon ***xast****.*
INDEF bald-DIMIN shepherd COP.PRS.3SG
'He went to one place and saw — there is a bald shepherd.' (16, 12.1)

In (16) and (17) *čīz* 'thing' and *čŭpon* 'shepherd' are indefinite. In (17) the noun phrase is also marked by the indefinite article *i*.

The copula *xast* can be used in the possessive construction, which consists of the possessor in Oblique case, the possessed in Direct case (unmarked)[8] and the copula or the verb *vu* 'to be', which agrees in person and number with the possessed. The construction will be considered in more detail in the next section. The use of the copula *xast* is not common in this construction; however, the corpus does contain some examples, e.g.:

(18) *Ax čank čo-y čank* ***xast****?*
that dust what-OBL dust COP.PRS.3SG
'That dust — whose dust is it?' (18, 21.2)

Thus, the copula *xast* in general conveys the meanings of identification, existence, equation and location. In the latter case *xast* is used mainly with definite subjects. It can also be used in the possessive construction. In some texts in the corpus the copula *xast* can express attributive meaning.

[8] When used with a numeral the possessed will be marked as Oblique (as in (19)). Oblique marking is almost obligatory with nouns having a numeral; for more details about the Oblique case in Yaghnobi see [Vydrin 2023a].

6. The copula *ast*

The corpus contains the following variants of the copula *ast*: *as*, *ay*, *asti*, *astĕ*, and *aste*. The most frequent use of *ast* in the corpus is in the possessive construction (19).

(19) *tufor žūta-y=im* ***asti***, *ī=š* *askari xasti.*
four son-OBL=ENCL.1SG COP.PRS.3SG one=ENCL.3SG service COP.PRS.3SG
'I have four sons, one of them is in the army.' (XXV, 1.1)

The possessive construction can express attribution. For example, the meaning 'someone is hungry' in Yaghnobi is expressed by the possessive construction (lit. 'someone has hunger'):

(20) *Mox dĕvayz* ***ast***...
we[9] hunger COP.PRS.3SG
'We are hungry...' (1, 126.2)

From the English point of view one can say that the Yaghnobi possessive construction can convey some modal meanings (participant-internal necessity and desire of the speaker). Cf. the two examples below:

(21) *Gazak=ĭm* ***ast***.
urine=ENCL.1SG COP.PRS.3SG
'I want to pee.' (Lit. 'I have urine.') (32, 37.1)

(22) *Man xŭvn=ĭm* ***ast***...
I sleep=ENCL.1SG COP.PRS.3SG
'I want to sleep...' (lit. 'I have sleep.') (33, 21.3)

The possessive construction with the copula *ast* can express a situation taking place at the present moment (cf. the Present Progressive in English). Cf. example (23) below, which depicts two situations: 'the beardless man is listening' and 'a shepherd is whistling'. The

[9] This personal pronoun does not distinguish case morphologically: *mox* 'we' can function as both a direct and an oblique form.

former is expressed by the Present while the latter is conveyed by the possessive construction (lit. ‘a shepherd has a whistle’).

(23) *Kusa γuš dor-čĕ — i čŭpon-ĕ hŭštok* ***ast***.
beardless ear hold-PRS.3SG INDEF shepherd-OBL whistle COP.PRS.3SG
‘The beardless man is listening — a shepherd is whistling.’ (30, 36.2)

The possessive construction can also be used to express a scheduled situation in the future. For example:

(24) *Vĭyora inč-ĕ=š nĭkoh* ***ast***
evening wife-OBL=ENCL.3SG wedding COP.PRS.3SG
katta ako-pĕ=š.
big elder.brother-with=ENCL.3SG
‘In the evening his wife will marry his elder brother.’ (Lit. ‘his wife has a wedding’) (44, 28.3)

(25) *Fĭroñta poščo-ĕ tuy* ***ast***.
tomorrow Padishah-OBL feast COP.PRS.3SG
[They said:] ‘Tomorrow the Padishah will hold a feast.’ (Lit. ‘the Padishah has a feast’) (29, 21.2)

In general, the Yaghnobi possessive construction is very productive and can function to convey some types of ‘possession’ that are unusual from the European point of view. Further functions of the possessive construction in Yaghnobi require a separate study.

In the possessive construction, the possessed (the goat’s meat in (26)) and even the copula (27) can be omitted.

(26) *surōq a-kun a-wōv-or* ***kal-e*** ***ast***.
search PST-do.3SG PST-say-3PL bald-OBL COP.PRS.3SG
‘He searched [and] they said [that] the bald man has [the goat’s meat].’ (Klimchitskiy 2.3)

(27) *Čo-y čank?*
what-OBL dust
[She will ask:] ‘Whose dust is it?’ (18, 21.3)

The copula *ast* can perform the existential function. Cf. the two examples below:

(28) *Čĕ qal'a-ĕ xĕpar* ***ast****?*
about fortress-OBL news COP.PRS.3SG
[The young man asked his brother:] 'Is there news about the fortress?' (3, 164.1)

(29) *A-γor, a-wen — i payst* ***ast****.*
PST-look.3SG PST-see.3SG/SER INDEF smoke COP.PRS.3SG
'He looked and saw — there is smoke.' (2, 33.1)

In the majority of the existential examples with the copula *ast* the subjects are indefinite, sometimes marked by the indefinite article (as in (29) above). In contrast, according to the corpus data the copula *xast* used in this function does not impose any restrictions on the definiteness of the subject: it can be used with both indefinite (see examples in the previous section) and definite subjects (see example (30) below, where the subject is a proper name).

(30) *Isuf* ***xast*** *yō na?*
Yusuf COP.PRS.3SG or NEG
[One minister goes (to the jail) and asks:] 'Is Yusuf there or not?' (Bogolyubov 14.I, 52.1)

The copula *ast* can also perform the locative function, for example:

(31) *Kat-ĕ kŭnč-ĕ i vir=ĭš anĕ* ***ast****.*
house-OBL corner-OBL INDEF husband=ENCL.3SG also COP.PRS.3SG
'Her husband is also in the corner of the house.' (2, 29.2)

According to the pretext, the subject *vir* 'husband' is unknown to the speaker (although it is marked by the possessive enclitic) and is therefore marked by the indefinite article *i*. In contrast to the copula *xast*, the copula *ast* in the locative function is usually used with an indefinite subject. The indefinite subject in this case is not obligatorily marked by the indefinite article *i*, cf. the following example:

(32) *Nah-autĭtĕ a-tuxo-ĭ=k kĕ dŭ kirm-ĕ* ***astĕ***
EMPH-those.OBL PST-kill-2SG=when then two worm-OBL COP.PRS.3SG
darun-t=ĕšĭnt.
inside-PL=ENCL.3PL
'When you kill those [two doves] there are two worms inside them.' (27, 89.2)

There are rare examples with a definite subject and the copula *ast* in the corpus. See the example below, where the subject 'she' refers to the mother mentioned in the previous sentence:

(33) *falōna-y pōsčōh-i dast-i* ***ast.***
certain-OBL Padishah-OBL hand-OBL COP.PRS.3SG
[The Padishah's son said: "Where is the mother of your sons?" The old man said:] 'She is in the hands of a certain Padishah.' (Bogolyubov 15.II, 31.2)

The copula *ast* can be used with time-related nouns (e.g. *today*, *autumn*, *year*, *time*). I will call this function of the copula the temporal function. See the examples below.

(34) *tīrma-y mahal* ***ast***
autumn-OBL time COP.PRS.3SG
[Ismail said:] 'It is autumn,' [so they will probably eat us]. (V, 9.1)

The situation expressed by the copula *ast* in temporal function can refer to the present (as in the example above), future ('winter will begin' in (35)) or past (resultative or perfective 'several years have passed' in (36)).

(35) *yak mōh ani zimistōn* ***ast****…*
one month another winter COP.PRS.3SG
'Another month and the winter will begin…' (Bogolyubov 11, 9.1)

(36) *čandin sol* ***ast*** *be-darak vu-ta-x*
several year COP.PRS.3SG without-news be-PART.PST-COP.PRS.3SG.PRF
'several years have passed, and still no news (lit. 'it has been without news')' (27, 155.2)

The copula *ast* rarely expresses identification (37). There are only 5 reliable examples of identity in the corpus, making up about 1% of the total use of the copula *ast*.

(37) *čil gaz balandi=š* ***ast***.
forty gaz height=ENCL.3SG COP.PRS.3SG
[There is an iron fence around the house of Hasan Gulriz,] 'its height is forty *gaz*[10].' (6, 10.2)

There are no good examples with *ast* conveying the attributive function (e.g. *Julia is beautiful*). The corpus contains a few examples where *ast* is used with an adjective (38). However, such examples are not clearly attributive: the adjective does not describe the subject but rather the weather, and the sentence does not have a referential subject.

(38) *Mana nahauranka xɣnɣk* ***ast***
well such cold COP.PRS.3SG
'It is so cold' [that they make a fire and then sit by it.] (VI, 3.2)

In general, the main function of the copula *ast* is as part of the possessive construction. It is also used with indefinite subjects in locative and existential sentences. This copula conveys temporal meanings: used with temporal expressions it expresses situations in the present or future, or resultative situations (which began in the past and were finished by the present moment).

The identification and attributive functions are rarely conveyed by *ast*. No examples are found of the copula *ast* in an equational sentence.

7. The copula *-x*

The copula *-x* commonly conveys identification (39). It is also frequently used in the attributive function (40). It can be used in the equational function (41) and in proper inclusion sentences (42).

[10] A unit of length in Central Asia. Nowadays values of the *gaz* in Tajikistan range from 710 to 1020 mm. [Nazarova 2021: 160–161].

(39) *“ax* ***čō-x****?”* *kē* *pōščō* *a-wōv* *ane:*
that what-COP.PRS.3SG then Padishah PST-say.3SG CIT
“ax ***dōr-x****”.*
that gallows-COP.PRS.3SG
[The bald man looked up and said to the Padishah:] ‘ “What is that?” Then the Padishah said: “These are gallows”.’ (Klimchitskiy 2.30–2.31)

(40) *idōka* ***xunuk-x****.*
here cold-COP.PRS.3SG
‘This place is cold.’ (Lit. ‘Here it is cold.’) (Bogolyubov 8.I, 6.1)

(41) *Naheš man* ***vir-x***
this my husband-COP.PRS.3SG
‘This man is my husband.’ (9, 40.3)

(42) *čupōn-x…*
shepherd-COP.PRS.3SG
[She says to her husband: “He eats without salt”. He answers:] ‘He is a shepherd…’ (Bogolyubov 14.III, 19.2)

The copula *-x* can perform the locative function. See example (43) below, where both the question about the location and its answer are expressed with the help of the copula *-x*.

(43) *“Sĭmurγ* ***ku-x****?”* *A-vov:*
Simurgh where-COP.PRS.3SG PST-say.3SG
“Falon xauz-ĕ ***lap-ĕ-x****…”*
certain pond-OBL shore-OBL-COP.PRS.3SG
[He asked:] ‘ “Where is the Simurgh?” She answered: “It is on the shore of a certain pond…” ’ (10, 41.1–41.2)

Note that according to the corpus data only the copula *-x* can be used with the interrogative *ku* ‘where’. The corpus has no examples with the copula *-x* and the relative pronoun *ku* ‘where’. In this case only the copula *xast* is used, as in example (44) below. No examples in my corpus contain the copula *ast* used with the assertive *ku* ‘where’.

(44) *na-γirif-tišt* *Samarqand-i* *vagzal=š*
NEG-know-PRS.3SG Samarkand-OBL station=ENCL.3SG
kū ***xast***, *kū* ***na-xasti***.
where COP.PRS.3SG where NEG-COP.PRS.3SG
'[They were surprised. If someone is traveling and he is there for the first time,] he doesn't know where the station in Samarkand is and where it isn't.' (XV, 7.1)

The copula *-x* in the locative function is attested only with definite subjects.

The corpus does not have reliable examples of the copula *-x* used in the existential function. It can perform this function only in the context of negation (*there is no*), cf. the examples (45) and (46) below. Note that the other present copulas *xast* and *ast* can appear in both affirmative and negative existential sentences.

(45) *vorza* ***na-x***
cup NEG-COP.PRS.3SG
[The bald man's wife woke up, looked around —] 'there is no cup' (41, 9.1)

(46) *Sañg xay kŭn-čĕ, γor-čĕ — asp* ***na-x***,
stone descent do-PRS.3SG see-PRS.3SG horse NEG-COP.PRS.3SG
baxil tĕm ***na-x***, *asp-ĕ=š no-ta*
stingy also NEG-COP.PRS.3SG horse-OBL=ENCL.3SG take-PART.PST
tor-ta-x.
leave-PART.PST-COP.PRS.3SG.PRF
'He lowers the stone and sees — there is no horse, and there is no stingy man either, he has taken the horse and left.' (37, 4.2)

Note that the example above can be analyzed as locative ('there is no horse (here)', 'there is no cup (here)'). Since the copula *-x* is not used in reliable existential sentences it comes as no surprise that it is not attested in metaphysical existence sentences (e.g. *God exists*).

The copula *-x* is very rarely used in the possessive construction. The corpus shows only a few examples, cf. (47).

(47) *Naš inč ka-yǐk-x?*
this woman who-ADJ-COP.PRS.3SG
A-vov: "Tau žuta-y ***na-x*** —
PST-say.3SG you.2SG.OBL son-OBL NEG-COP.PRS.3SG
naxax ***mardak-ǐ-x****".*
that man-OBL-COP.PRS.3SG
[Padishah asked:] ‘ “Whose is this woman?” He said: “She doesn’t belong to your son, she belongs to that man”.’ (Lit. ‘she is not your son’s, she is that man’s’) (17, 29.1)

As has been shown in this section, the main uses of the copula *-x* are associated with identification and attribution. It can also function in equational sentences. In locative sentences, *-x* is used only with definite subjects. The existential function is performed by *-x* only in negative sentences. The copula *-x* is very rarely used in the possessive construction.

In the next section I will compare the functions of the three Yaghnobi copulas under consideration.

8. Differences between the copulas *xast, ast* and *-x*

Let us now consider Table 4, which summarizes the functions of the three copulas.

The three copulas differ in the scope of their usage. The main functions of the most frequent copula *-x* are identification and attribution. In addition, it can convey equation, proper inclusion and location of a definite subject. Existence and possession are rarely expressed by the copula *-x*. The other functions under consideration cannot be performed by *-x*.

The main function of the copula *ast* is possessive; however, it is also frequently used in existential sentences. It is the main copula used in locative sentences with an indefinite subject. *Ast* is the only copula used in the temporal function. It is rarely used in identificational and attributive functions and rarely occurs in locative sentences with a definite subject. Only in equational, proper inclusion and metaphysical existence sentences is the copula *ast* never used.

Table 4. Functions of copulas *xast*, *ast* and *-x*

Function	***xast***	***ast***	***-x***
Grammatical	Perfect, Present Progressive (rare)	Perfect, Present Progressive, Past Perfect, Inchoative 2	Perfect, Present Progressive (rare), Past Perfect, Reportative
Identification	+	very rare	**main meaning**
Attributive	only in Bogolyubov's texts	very rare	**main meaning**
Equational	+	—	+
Proper inclusion	—	—	+
Existential	+	+ (indefinite subject)	rare, with negation
Existential (metaphysical existence)	+	—	—
Locative (definite subject)	+	very rare	+
Locative (indefinite subject)	rare	+	—
Possessive construction	rare	**main meaning**	rare
Temporal	—	+	—

The less frequent copula *xast* has a large number of functions. Its main function is hard to define, unlike for the copulas *ast* and *-x*. It mainly conveys the following meanings: identification, equation, existence and location of a definite subject.

Rarely it can be used in attributive and possessive sentences and in locative sentences with an indefinite subject. It cannot be used with temporal nouns. My corpus also includes no examples with the copula *xast* used in proper inclusion sentences. However, the latter is close to equational meaning, and most probably *xast* is not attested in proper inclusion sentences simply due to its low frequency in the corpus.

According to the corpus data, all three copulas also differ grammatically and are used in different periphrastic verbal forms. The distinct grammatical and semantic functions of the present copulas prove that Yaghnobi in fact has three different copulas in the third person singular Present (*xast*, *ast* and *-x*). The assumption of full identity between *xast* and *-x* proposed by Benkato [2020] is not correct, at least in the case of the Yaghnobi language of the 1920s–1960s.

In the next section, I will consider cases where the present copulas are omitted.

9. Omission of the copulas

9.1. Assertive sentences

The corpus data show that the present copulas are not always obligatory. To study the specifics of copula omission I analyzed a part of the corpus (about 6000 words). It contains 102 occurrences of the copulas *xast*, *ast*, and *-x* and 26 cases where the copula is omitted: that is, omission of the copula is four times less frequent than its use.

Yaghnobi can drop the present copula in identification (48) and attributive (49) functions.

(48) *Wir=iš* *ast,* *nom=š* ***Abdulxōliq***.
husband=ENCL.3SG COP.PRS.3SG name=ENCL.3SG Abdulkholiq
'She has a husband, his name is Abdulkholiq.' (Bogolyubov 4.III, 5.3)

(49) *Man* ***ser***, *har* *met-ĕ* *wxar-omĭšt.*
I full every day-OBL eat-PRS.1SG
[The fox said:] 'I am full, I eat every day.' (39, 26.6)

The locative meaning also can be conveyed without the present copula, in both interrogative (50) and assertive sentences (51) with a definite subject:

(50) *Man oča* ***ku****?*
I mother where
[This one said:] 'Where is my mother?' (10, 4.3)

(51) *Anzōb γar-i* ***tak-i=š.***
Anzob mountain-OBL bottom-OBL=ENCL.3SG
'Anzob[11] is located at the foot of the mountain.' (Bogolyubov 6.II, 1.1).

Locative sentences with an indefinite subject can also appear without a copula:

(52) *A-γor, hǐč šahr* ***na*** *— i* ***kappa.***
PST-look.3SG nothing town NEG INDEF hovel
[He went to the steppe.] 'He looked around: no town (there), there is (only) a hovel.' (42, 16.2)

As was mentioned in section 6 above, in the possessive construction the copula can be omitted. Below I repeat the interrogative example from above (53) and give an assertive example (54), cf:

(53) *Čo-y* ***čank****?*
what-OBL dust
[She will ask:] 'Whose dust is it?' (18, 21.3)

(54) *mana šart-i=m var,*
well condition-OBL=ENCL.1SG bring.IMP.2SG
γayk=im ***taw.***
daughter=ENCL.1SG you.SG.OBL
'Fulfill my condition and my daughter is yours.' (15, 17.1)

The copula can be omitted in existential sentences. The corpus only contains examples with an indefinite subject, such as (55).

(55) *γōr-tišt: ī* ***kat****, čīl ōdam-i ast=š.*
look-PRS.3SG INDEF house forty man-OBL COP.PRS.3SG=ENCL.3SG
[That day he is leaving, and in the evening he cannot find a place to stay.] 'He looks: there is a house, there are forty men in it.' (Bogolyubov 14.IV, 35.2)

[11] A village in the Yaghnobi river valley.

The present copula can also be omitted in equational sentences, cf.:

(56) *rōt-i nīm=š* ***nišēb***, *nīm=š* ***sar-i***.
road-OBL half=ENCL.3SG descent half=ENCL.3SG top-OBL
'Half of the journey is downhill, half of it is uphill.' (Bogolyubov 7, 6.1)

Time-related nouns usually function without a copula in Yaghnobi, for example in (24), which is repeated again here, *vǐyora* is not marked by the copula *ast*:

(57) ***Vǐyora*** *inč-ĕ=š* *nǐkoh* *ast*
evening wife-OBL=ENCL.3SG wedding COP.PRS.3SG
katta ako-pĕ=š.
big elder.brother-with=ENCL.3SG
'In the evening his wife will marry his elder brother.' (Lit. 'his wife has a wedding') (44, 28.3)

The corpus data show that all the copular functions considered above (except proper inclusion) can be expressed without a copula in Yaghnobi. The size of the subcorpus does not allow us to check whether the copula can be omitted in proper inclusion sentences.

In the grammatical use (section 4) the present copulas can be omitted only in the forms including the past participle (Perfect and Past Perfect). According to the corpus data the present copulas are never omitted in other periphrastic forms (Reportative, Present Progressive, Inchoative 2 and the potential construction).

9.2. Sentences with negation

The study of copula omission in the context of negation was carried out on the basis of the whole Yaghnobi corpus. There are only 13 such cases in the corpus. The statistics suggest that the omission of the copula with negation is much less frequent than its omission without negation.

According to my data, in negative contexts the present copulas are omitted in identificational (58), attributive (59), locative (with an

indefinite subject, example (52) cited here again as (60)), existential (61) and temporal (62) functions.

(58) *Man poščo-ě inč oĭm — **nah-pět na**,*
I Padishah-OBL wife COP.PST.1SG EMPH-SO NEG
mŭry-ě zarrin?
bird-EZF golden
[She says to the Golden Bird:] 'I was the Padishah's wife, is it not so, Golden Bird?' (5, 69.1)

(59) *Aně man-pě=t **darkor na**.*[12]
another I-POST=ENCL.2SG necessary NEG
[He said:] 'I don't need you anymore.' (26, 14.4)

(60) *A-yor, **hĭč šahr na** — i kappa.*
PST-see.3SG nothing town NEG INDEF hovel
[He went to the steppe.] 'He looked around: no town (there), there is (only) a hovel.' (42, 16.2)

(61) ***hĭčči na**, yayk=ěm…*
nothing NEG daughter=ENCL.1SG
[Ash-Bibi said: "What is this, grandma, what did you put in your sleeve?" The old woman said:] 'There is nothing there, my daughter' [I just burned my hand and put it into my sleeve.] (5, 44.2)

(62) ***dah rūz-i ne** — sol-i nav ast.*
ten day-OBL NEG year-EZF new COP.PRS.3SG
[The elders used to say:] 'In less than ten days there is a New Year.' (VII, 1.1)

The corpus does not have equational, possessive and locative (with a definite subject) examples with negation and lacking the overt copula. Locative examples with definite subjects and negation are expected to be very rare in naturally occurring discourse due to their pragmatic

[12] The modal construction with the word *darkor* usually uses the third person singular copula while the agent is marked by Oblique case. Cf. *darkor=im na-x* (necessary=ENCL.1SG NEG-COP.PRS.3SG) 'I don't need' [Livshits, Pisarchik 1957: 244].

infelicitousness (cf. *This house is not in the forest* — an oral text is unlikely to contain such vague examples). It is not clear whether the equational and possessive functions cannot be expressed by an omitted copula with negation, or if the corpus just happens not to contain such examples.

In general, the possibility of dropping the copula raises questions about the true function of the present copulas in Yaghnobi. It is not clear what the main difference is between the sentences with and without a present copula. Can any semantic, stylistic or other difference be identified? This topic requires further study.

In the next section, I will consider cases of the simultaneous use of two different copulas in a single sentence.

10. Double copula

My corpus contains 40 examples of the simultaneous use of two copulas in a sentence with a single subject (both present and past copulas were counted). I will call such cases double copula sentences. These double copula sentences have never been mentioned in the previous work on Yaghnobi or other Iranian languages according to the available literature. Consider the following example:

(63) *Sar-ĕ* *tor-ĕ=š* *i* *xol* *ast* —
head-OBL crown-OBL=ENCL.3SG INDEF mole COP.PRS.3SG
nahĭpĭtĕ *katta-**x*** ***ast***.
so.much big-COP.PRS.3SG COP.PRS.3SG
[He said:] ‘There is a mole on the crown of his head — it is so big.’
(42, 30.4)

In the first part of the sentence the copula *ast* is used to express the existence of the mole on the crown of his head. In the second part of the sentence both the copula *-x* and *ast* are used. The copula *-x* expresses the attributive function (‘it is so big’) while the copula *ast* repeats the existence of the mole. The literal translation of the second part of this example is as follows: ‘it is so big, it exists’. The two copulas used with the same subject convey different functions (attribution and existence).

The observant reader may notice that example (63) could be interpreted as containing a misprint for an intended *katta xast* (big COP.PRS.3SG), which would feature just a single copula *xast* instead of the two copulas *-x* and *ast*. On the basis of the corpus data only, we cannot be absolutely certain that such cases are not misprints. However, I shall present arguments to support my contention that double copulas exist in the Yaghnobi language of the 1920s–1960s. First of all, double copula sentences are attested in two different sources: Andreyev and Peshchereva's text collection [1957] and Bogolyubov's text collection [1956], which are the most extensive sources of Yaghnobi oral literature. The number of double copula sentences is not so small as to make it plausible that they are all misprints. Secondly, there are cases where the analysis of the double copula sentence as a misprint does not fit the semantics of the copula. For example, (63) with the single copula *xast* would give an attributive sentence 'it is big'; however, as was shown above in section 5, the attributive meaning can be conveyed by the copula *xast* only in Bogolyubov's texts [1956], whereas example (63) is from Andreyev and Peshchereva [1957].

Finally, the analysis of the double copula sentences as misprints cannot account for the full range of double copula uses, particularly cases of the use of two copulas in different numbers, persons or tenses. I will consider such examples below.

Let us consider the following example:

(64) *čo-**x*** ***astě*** *fĭx-fĭx kŭn-čě?*
what-COP.PRS.3SG COP.PRS.3SG rustle do-PRS.3SG
[All of them listened and said: "Let's go, look and see"] 'what it is (that's) rustling' (37, 21.6)

The copula *-x* is used with the pronoun *čo* 'what' and conveys identification. The question 'what is this?' can be expressed only by the copula *-x* in Yaghnobi. The corpus does not have any examples of the copula *xast* used with the pronoun *čo* 'what', which implicitly proves that *čo-x astě* is not a misprint (for *čo xastě*). Neither can example (64) be analyzed as *čo astě*. If the copula *ast* were used with the pronoun *čo* 'what' the meaning would necessarily be locative or existential, i.e.

'what is there' as in example (65) below, not identificational as in (64), i.e. 'what it is'.

(65) *Wes-t,* *xauz-ĕ* *rit* *pĕyn-t,*
go.down-IMP.2PL pond-OBL front.side open-IMP.2PL
wen-t — *xauz-ĕ* ***čo*** ***ast****?*
go.down-IMP.2PL pond-OBL what COP.PRS.3SG
'Go down, open discharge of water, go down — [look] what is in the pond?' (20, 27.3)

Thus the double copula analysis of example (64) seems to be the only reasonable one available; the copula *-x* conveys identification and the copula *ast* expresses existential or locative meaning ('it is there'). The literal translation of example (64) is 'what it is, it is there, it is rustling'.

The corpus also contains examples where the present copula *-x* is used together with the past copula *oy*. Consider the following example:

(66) *Man jŭwol-ĕ* *tang-ot=š*
I bag-OBL tanga-PL=ENCL.3SG
no-ta=šĭnt-or, *xokĭstar=šĭnt*
take-PART.PST=ENCL.3PL-COP.PRS.3PL.PRF ash=ENCL.3PL
xaš-ta-x, *pŭn-ĭ* *tanga-****x*** ***oy****.*
pour-PART.PST-COP.PRS.3SG.PRF full-OBL tanga-COP.PRS.3SG COP.PST.3SG
'They took the *tangas*[13] from my bag and put ashes [there], [the bag] was full of *tangas*.' (30, 13.1)

The example depicts an incident of theft. The speaker finds out that the thieves have taken money from his bag and replaced it with ashes. Note that the speaker uses the Perfect to describe this. Then he adds that the bag was full of money and uses the present copula *-x* and the past copula *oy*. The copula *-x* functions here in attributive meaning ('the bag is full') while the past copula *oy* expresses the existential meaning in the past ('it was there'). The simultaneous use of the copulas can be translated into English as 'the bag is full of money, it was there'.

[13] The *tanga* is a unit of currency.

Skeptics would analyze the above example (66) as a misprint, as the past tense copula *oy* has a variant *xoy*, see Table 2 in section 2. However, if we consider the next example (67) with negation we will see that the present copula *-x* can indeed be used simultaneously with the past copula *oy*.

(67) *Na', ax barra-yĕ bĭrĭyon* ***na-x*** ***oy!***
no that lamb-EZF grilled NEG-COP.PRS.3SG COP.PST.3SG
[He said:] 'No, it wasn't grilled lamb!' (27, 139.1)

The analysis of (67) as a single copula with the negation particle, i.e. *na xoy* (NEG COP.PST.3SG), cannot be correct. As was stated in section 2, the past tense copula of the third person singular has only one negative form, namely *naoy*; the form *na xoy* is ungrammatical and does not occur in the corpus.

The functions of the copulas in (67) are the same as in the previous examples. The present copula *-x* is used in the identification meaning ('this is not grilled lamb') and the past copula adds existential meaning ('the situation took place', 'it was'). The scope of the negation is associated with the present copula.

This non-agreement in tense can also result from the use of the present copula *-x* in grammatical function (thus giving a Perfect) alongside the present copula *xast* in its semantic use. For example:

(68) *Xoja-ĭ Xĭzr vŭ-ta-****x*** ***xast:***
Khoja-EZF Khyzr be-PART.PST-COP.PRS.3SG.PRF COP.PRS.3SG
ni-γiriv-im.
NEG.PST-recognize-1PL
[The Padishah said:] 'It turns out it was Khoja Khyzr: we didn't recognize him.' (17, 33.1)

The Perfect conveys inferential meaning while the present copula *xast* expresses identification ('this is Khoja Khyzr'). The Perfect consists of the past participle and the copula *-x* or the copula *xast* [Khromov 1972: 36]. The simultaneous use of both copulas in contexts involving the Perfect is not mentioned in the grammar.

There are examples in the corpus where the past copula *oy* in the existential meaning is used together with the present copula *-x* in the grammatical meaning. Consider the example below (69).

(69) *Kusa-ĕ* *oča=š* *saxt* *betop* *xoy,*
beardless-OBL mother=ENCL.3SG hard ill COP.PST.3SG
mir-na ***vu-ta-x*** ***oy.***
die-PART.FUT be-PART.PST-COP.PRS.3SG.REP COP.PST.3SG
'The beardless man's mother was very ill, she was about to die.' (30, 22.3)

The Reportative has only one form in Yaghnobi, consisting of the future participle of the main verb and the Perfect of the verb *vu* 'to be' (i.e. the past participle *vuta* plus the present copula). A form with the future participle of the main verb, the past participle of the verb *vu* 'to be' and the past copula is not mentioned in the Yaghnobi grammar [Khromov 1972] and seems to be ungrammatical. It appears that the copula *-x* in (69) is used in its grammatical function (as a part of Reportative 'she was about to die') while the past copula *oy* is used separately to convey the identificational or attributive meaning ('she was [such a woman]').

In its grammatical use the present copula *-x* can appear twice in one sentence. For example:

(70) ***Tuxas-ta-x*** ***vu-ta-x,*** *dar woqĭan razg!*
kill-PART.PST-COP.PRS.3SG be-PART.PST-COP.PRS.3SG in really true
[They came to the Padishah and said:] 'He is killed, this is true indeed!' (28, 21.3)

The form *tuxas-ta-x* is Perfect while the form *tuxas-ta vu-ta-x* is Past Perfect (see section 4). In both forms the copula can be used. However, in the example it is used twice, and the Yaghnobi grammar does not mention the existence of such a form with two copulas. The function of the two copulas here is not clear.

It is noteworthy that the corpus provides an example of non-agreement in number: the present copula of the third person singular *-x* can be used together with the present copula of the third person plural *or*. Consider the following example:

(71) *Ištĭt čo*$_1$ *kara*$_2$***-x*** ***or****?*
these who$_{1,2}$-COP.PRS.3SG COP.PRS.3PL
[He said:] 'Who/What are they?' (3, 42.1)

The corpus contains only one such example. It is not clear whether it results from misspeaking on the part of the native speaker (who said *čo karax* in the singular and then wanted to correct himself and added the plural copula *or*), or constitutes a grammatical Yaghnobi sentence where the copula *-x* conveys identification and the copula *or* existence (lit. 'who/what is it? they do exist').

The functions of double copulas in some examples in the corpus are obscure:

(72) *"Napis-ta-x-ĭm,"* — *a-wov.*
sleep-PART.PST-COP.PRS.3SG-COP.PRS.1SG.PRF PST-say.3SG
' "I am sleeping," — she said.' (32, 30.1)

Stative verbs like *napis-* 'sleep, lie', *nīd-* 'sit', *jax-* 'stand' and *uš-* 'stand, be located' use the Perfect to convey present state (e.g. 'he is sleeping/sitting/standing') [Vydrin, Mazurova 2023: 161]. An intransitive verb in the Perfect usually agrees with its subject in person and number (transitive verbs use other strategies, see [Vydrin 2023b]). Normally, example (72) above would be expected to take the form *napista ĭm* with the present copula of the first person singular only (*im*). The function of the present copula of the third person singular (*-x*) here is not clear. One can assume that the past participle with the copula *-x* was lexicalized here ('sleeping', 'sleeper'); however, there are no data speaking either for or against this assumption in the corpus.

In general, in all double copula sentences the first copula used is the present copula *-x*. There are no examples without the copula *-x* and no examples where *-x* is used after other copulas. The obligatory use of *-x* in the double copula sentence and its use even in sentences referring to the past argues that this copula is the most grammaticalized of the three. Note that *-x* is also the most frequent copula in the texts (see section 2 for the frequency data).

As a second copula either *ast* or *xast* can be used. Alternatively, the function of the second copula can be performed by the past copula of the third person singular (*oy*).

In double copula sentences both copulas preserve their functions. The second copula usually conveys existential, locative, attributive or identificational meaning, while the first copula (*-x*) can function grammatically (as a part of a periphrastic verbal form, see section 4) or semantically. In the latter case *-x* expresses identification or attribution.

The origin of the double copula construction in Yaghnobi requires a separate study. According to the available literature there are no special studies of such constructions in Iranian languages. The neighboring Tajik language, which has a great influence on Yaghnobi, does not have double copula sentences. Double copula sentences are not attested in Ossetic (another Eastern Iranian language), cf. the paper on Ossetic copulas in the present issue of the journal [Alekseev 2025]. In fact, at the current stage of my study it is not certain whether such sentences are present in any other modern or extinct Iranian language. However, the absence of such constructions in written grammars does not guarantee their complete absence in the language itself. The double copula sentences of Yaghnobi are not mentioned in existing grammatical descriptions either, and were discovered only after the analysis of a considerable number of texts.

Another topic which will not be discussed in this paper is the syntactic features of double copula sentences. Do the two copulas function as two predicates and form two clauses, or are both copulas used in a single clause? The syntactic analysis of these sentences must await a separate study.

It is not known whether double copula sentences still exist in modern Yaghnobi. Such uses of the copulas are not mentioned in the literature (e.g. [Bird 2007, Benkato 2020]). The study of this topic requires linguistic fieldwork with Yaghnobi native speakers.

11. Conclusion

In this paper I have studied the use of the present third person singular copulas *xast*, *ast* and *-x*, considering in detail their grammatical and semantic functions. My study suggests the following conclusions:

1. Yaghnobi has three different copulas in the third person singular of the Present (*xast*, *ast* and *-x*), not two (*ast* and *xast*/*-x*) as was suggested by Benkato [2020] for modern Yaghnobi.

2. All three present copulas have distinct semantic and grammatical functions.

3. The use of a copula in the Present is not obligatory. Most of the semantic functions conveyed by the present copulas can be expressed in Yaghnobi without a copula. The use of a copula is four times more frequent in the texts than its omission.

4. Double copula sentences are attested in Yaghnobi, where the copula *-x* is obligatorily used as the first copula conveying grammatical or semantic meaning (identification or attribution) and the second copula expresses other semantic meanings (most frequently existential); both copulas have the same subject. Double copula sentences have not been mentioned before in the available literature on Iranian languages.

Abbreviations

ADJ — adjectivizer, CIT — citative, COP — copula, DIMIN — diminutive, EMPH — emphatic, ENCL — enclitic, EZF — ezafe, IMP — imperative, INDEF — indefinite, INF — full infinitive, INF2 — short infinitive, NEG — negation, OBL — Oblique, PART.FUT — future participle, PART.PST — past participle, PL — plural, POST — postposition, POT — potential construction, PRF — Perfect, PRS — Present, PST — Past, REP — Reportative, SER — serial verbal form, SG — singular.

References

Alekseev 2025 — D. Alekseev. Non-Verbal Predication in Ossetic. *Indo-Iranian Languages*. 2025. No. 1. P. 173–192. DOI: 10.30842/30346800.2025.1.1.8.

Andreyev, Peshchereva 1957 — M. S. Andreyev, E. M. Peshchereva (eds.). *Yagnobskiye teksty* [Yaghnobi texts]. Moscow; Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1957.

Benkato 2020 — A. Benkato. Multiple copularization in Sogdian and Yaghnobi. *Transactions of the Philological Society*. 2020. Vol. 118. No. 1. P. 172–191. DOI: 10.1111/1467-968X.12181.

Bird 2007 — B. Bird. *Aspects of Yaghnobi grammar*. MA thesis. Eugene: University of Oregon, 2007. URL: https://yaghnobi.wordpress.com/yaghnobi-language/aspects-of-yaghnobi-grammar/ (accessed on 05.11.2024).

Bogolyubov 1956 — M. N. Bogolyubov. *Yagnobskiy (Novosogdiyskiy) yazyk. Issledovaniye i materialy*. [The Yaghnobi (New Sogdian) language. Research and materials]. Doctoral thesis. Leningrad: Leningrad State University, 1956.

Dryer 2007 — M. S. Dryer. Clause types. T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description. 2nd edition. Vol. I: Clause Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 224–275. DOI: 10.1017/CBO9780511619427.004.

Ethnologue 2024 — D. M. Eberhard, G. F. Simons, Ch. D. Fennig (eds.). 2024. *Ethnologue: Languages of the World*. 27th edition. Dallas, Texas: SIL International, 2024. Available at: http://www.ethnologue.com (accessed on 05.11.2024).

Khromov 1972 — A. L. Khromov. *Yagnobskiy yazyk* [Yaghnobi]. Moscow: Nauka, 1972.

Klimchitskiy 1940 — S. I. Klimchitskiy. Yagnobskaya skazka [A Yaghnobi tale]. E. E. Bertels (ed.). *Trudy tadzhikistanskoy bazy* [Proceedings of the Tajik Center]. Vol. IX. Moscow; Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1940. P. 94–103.

Korn 2011 — A. Korn. Pronouns as Verbs, Verbs as Pronouns: Demonstratives and the Copula in Iranian. A. Korn, G. Haig, S. Karimi, P. Samvelian (eds.). *Topics in Iranian Linguistics*. Wiesbaden: Reichert, 2011. P. 53–70.

Livshits, Pisarchik 1957 — V. A. Livshits, A. K. Pisarchik. Slovar [Dictionary]. M. S. Andreyev, E. M. Peshchereva (eds.). *Yagnobskiye teksty* [Yaghnobi texts]. Moscow; Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. P. 215–391.

Nazarova 2021 — Z. O. Nazarova. Mery dliny i obyema v iranskikh yazykakh Tadzhikistana: pamirskiye i tadzhikskiye yazyki [Measures of length and volume in the Pamir and Tajik languages of Tajikistan]. *Rodnoy Yazyk*. 2021. No. 1. P. 155–170. DOI: 10.37892/2313-5816-2021-1-155-170.

Sokolova 1953 — V. S. Sokolova. *Ocherki po fonetike iranskikh yazykov. Ch. 2: Osetinskiy, yagnobskiy i pamirskiye yazyki* [Essays in the phonetics of Iranian languages. Part 2: Ossetic, Yaghnobi, and Pamiri]. Moscow; Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1953.

Vydrin 2023a — A. P. Vydrin. Differentsirovannoye padezhnoye markirovaniye obyekta v yagnobskom yazyke [Differential Object Marking in Yaghnobi]. T. I. Davidyuk, I. I. Isaev, Ju. V. Mazurova, S. G. Tatevosov, O. V. Fedorova (eds.). *Yazyk kak on yest: Sbornik statey k 60-letiyu Andreya Aleksandrovicha Kibrika* [Language as it is: Collection of papers dedicated

to the 60th anniversary of Andrej Aleksandrovich Kibrik]. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 160–166. DOI: 10.37892/978-5-6049527-2-6-24.

Vydrin 2023b — A. P. Vydrin. Bazisnyye konstruktsii predlozheniya yagnobskogo yazyka [Basic sentence structures in the Yaghnobi language]. N. Sumbatova, I. Kapitonov, M. Khachaturyan, S. Oskolskaya, S. Verhees (eds.). *Songs and trees: Papers in memory of Sasha Vydrina*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2023. P. 507–528. DOI: 10.30842/9785604799925202318.

Vydrin, Mazurova 2023 — A. P. Vydrin, Ju. V. Mazurova. Zona perfekta yagnobskogo yazyka [Perfects of Yaghnobi]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2023. No. 6. P. 138–164. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.138-164.

Получено / received 02.09.2024 *Принято / accepted 16.09.2024*

Научное издание

Индоиранские языки. 2025. — Том 1. № 1. — 228 с.

Подготовка оригинал-макета
Н. Б. Хомченкова

Оформление обложки
Н. Б. Хомченкова

Создание логотипа журнала
Ю. Ю. Макаров

Корректор
В. В. Салий

Подписано в печать 07.04.2025. Формат 60×90/16. Тираж 100 экз.
Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru https://iling.spb.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 13
9450922@gmail.com

Материалы журнала доступны в электронном виде по ссылке:
https://indo-iranian.org/iil/issue/archive